

Российская национальная библиотека
Дом Плеханова

ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Исторические судьбы России
29.05—30.05 1999 г.
Тезисы докладов

Санкт-Петербург
1999

УДК 141.82

ББК 66.62 + 87.3(2) 6-602

ПЗ8

Научный редактор — Т. И. Филимонова, канд. ист. наук
Научные рецензенты — М. А. Абрамов, канд. филос. наук;
В. В. Соколов, доктор ист. наук.

Сборник содержит тезисы докладов участников V Плехановских чтений, посвященных историческим судьбам России. Авторы анализируют различные аспекты отечественной истории, в той или иной мере повлиявших на процесс становления нашего государства.

РНЭХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
1999 ГОД — 80.82
СОДЕРЖАНИЕ

Изд. лицензия № 020246 от 7.05.97. Подписано к печати 22.05.99.

Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч. изд. л. 9,3.

Тираж 150 экз. Заказ № 75

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 5-8192-0027-6

© Российская национальная библиотека
1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Филимонова Т. И.	5
Предисловие	
Косолапов Н. А. (Москва)	7
О некоторых аспектах социально-исторического развития России	
Калашников В. В. (Санкт-Петербург)	14
К вопросу о роли государства в историческом развитии России	
Енин Г. П. (Санкт-Петербург)	17
Традиция кормления в воеводском управлении XVII в. и позже	
Пантин И. К. (Москва)	22
Роль государства в становлении будущей России	
Лебедев Г. С. (Санкт-Петербург)	25
Исторические судьбы России	
Weisskirchen G. (Bonn)	29
Russland in Europa	
Любин В. П. (Москва)	31
Россия, Германия, Италия: общность и различие исторических судеб в XX веке	
Косолапов Н. А. (Москва)	36
Марксизм как научная гипотеза и идеология: некоторые итоги российского опыта	
Шашков Н. И. (Санкт-Петербург)	41
Г. В. Плеханов: социально-нравственная идея истории	
Цапиева О. К. (Махачкала)	45
Социализм как выход из кризиса для России в начале и конце ХХ века	
Кашавцева О. С. (Орёл)	48
Взгляды Н. С. Русанова в конце XIX — начале XX веков на развитие социализма и исторические перспективы России	
Белоус В. Г. (Санкт-Петербург)	54
Исторические итоги марксистской критики. (К 90-летию со дня выхода в свет статьи Иванова-Разумника «Марксистская критика»)	
Приймак Н. И. (Санкт-Петербург)	59
Россия начала ХХ века в мемуарах историков	
Kloosterman J. (Amsterdam)	63
Between Liberty and Action: Mikhail Bakunin's International Brotherhood	
Дунаева Ю. В. (Москва)	67
Исторический опыт Запада и Российская действительность в трудах Н. И. Каarella	
Slatter J. (Durham)	71
Revolutionary Constitutionalism and London Emigration	
Абрамов М. А. (Москва)	75
Т. Г. Масарик об исторических судьбах России	

Петренко Е. Л., Чернобаев А. А. (Москва)	
Г. В. Плеханов о судьбах России (от «Истории русской общественной мысли» к «Году на Родине»)	76
Sakamoto H. (Toyama)	
Введение в «Историю Русской Общественной Мысли» и тактика	
Г. В. Плеханова	81
Казарова Н. А. (Ростов-на-Дону)	
Г. В. Плеханов и Ю. О. Мартов: к истории отношений	83
Балабанов А. Л. (Москва)	
Анжелика Балабанова по воспоминаниям родственников	86
Бережанский А. С. (Липецк)	
Г. В. Плеханов и царская охранка	90
Конашев М. Б. (Санкт-Петербург)	
Научные связи русских и американских генетиков в 20—30-е годы XX века: «нетрадиционное» измерение исторической судьбы?	93
Opeide G. (Tromso)	
Elite Formation and Egalitarianism: Contradictions in Soviet Political Culture of the 1930s	97
Кальянов А. Ю. (Санкт-Петербург)	
Советская архитектура как отражение социальных и политических процессов в СССР. 1920-е — 30-е годы	101
Van Rossen L. (Amsterdam)	
The Gulag Periodical Press During the Early Thirties: Some Observations	105
Сымонович Ч. Э. (Санкт-Петербург)	
Историческая судьба поколения (постановка проблем)	109
Список докладчиков	112

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Когда человек заплутается и зашел в тупик, он не должен продолжать идти наудачу, озираясь только на ближайшую, окружающую его среду; он должен остановиться, вернуться назад, призадуматься, чтобы вновь ориентироваться в целом, окинуть умственным взором все пространство, по которому проходит его путь... задуматься над тем, к чему он, собственно стремится и, значит, в чем его истинное существо и назначение».¹

Применительно к современному положению России и ее истории в целом этот звучащий из глубины десятилетий призыв едва ли кому покажется надуманным или излишним. Дважды в течение одного столетия, прервав «естественный ход событий», наша страна оказывается на историческом перепутье и вынуждена выбирать новые социальные ориентиры, причем сегодняшняя ситуация может вполне обернуться сменой цивилизационных ценностей. Как случилось, что народ России вновь находит себя в положении «гласунка истории», как об этом с болью и горечью писал в 1916 г. Г. В. Плеханов?²

Предложить свое видение содержательных проблем, раскрывающих причинно-следственные связи нашего прошлого и настоящего, оценить, в какой степени они носят «субъективный» характер и насколько связаны с коллизиями мирового масштаба, предпринимают попытку участники V Плехановских чтений, обсуждая тему «Исторические судьбы России».

Спектр поставленных вопросов оказался достаточно широким: от социально-философских, исследующих особенности образования российского общества, сложившиеся в ходе стихийной эволюции и в результате попыток изменить его тип путем насилиственных реформ, до идеографических, решавших задачи реконструкции конкретных исторических событий или явлений.

Так, ряд авторов, анализируя роль и место России в европейской истории, акцентируют внимание на сходствах и отличиях ее истории от судеб таких стран, как Германия и Италия; при этом подчеркивается различная направленность политики социал-демократии, игравшей заметную роль в общественном и революционном движении этих стран в начале века.

В части тезисов представлена история социально-политических течений и движений, участники которых, исповедывавшие либерально-демократические идеи и идеи анархизма, оказались неспособными повлиять на ход общественной жизни России во второй половине XIX — начале XX веков.

О смысле и назначении истории, марксизме как научной гипотезе исторического развития и идеологии; причинах восприимчивости России к идеям марксизма, причинах, приведших эти идеи к искажениям при попытке реализовать их на практике, о социалистическом пути развития России как возможном пути выхода из кризиса размышляют авторы, доклады которых можно также выделить в самостоятельную группу. Логически связанны с ней работы, анализирующие отдельные аспекты внутренней жизни Советского союза в 1920—1930 и 1980—1990-е годы.

Часть исследователей подвергла анализу особенности образования русского государства, системы управления и функционирования социальных институтов, сложившихся в течение его многовековой истории. По мнению авторов, характер государства, не-

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

1. Если законы общественного развития существуют, то Россия не может быть из них исключением. Допустить, что таких законов нет, значило бы либо отдать все на волю Пророчества — тогда для науки просто не остается места; либо приравнять Человека и его возможностям к Богу, что пока несколько преждевременно. Если же некие законы движения общества и человека есть, однако Россия не вписывается в то, что видится нам такими законами, то скорее всего имеющееся знание еще несовершенно и нуждается в развитии. В любом случае, идея исключительности российской специфики и опыта имеет научный смысл лишь постольку, поскольку сопровождается поиском таких концепций общественного развития, в рамках которых российский случай окажется закономерным и естественным.

В конце ХХ в. науки об обществе и человеке находятся на той качественной ступени их развития, когда уже нельзя сказать, что науки еще нет вообще. Но по сравнению с уровнем знаний, дающим возможность начала практической отдачи, обретения способности к инженерии сделан еще только самый первый (в историческом масштабе времени и познания) шаг. Обществоведение ныне пребывает на этапе, сопоставимом с развитием естественных наук во времена Эллады.

Современный уровень социального познания характеризуют еще два качественных признака. Прежде всего, пока нет объективных и надежных критериев различия в этой сфере собственно науки (т. е. знаний и их теоретического осмысливания) от наукоподобных духовных продуктов психологической компенсаторики (как индивидуальной, так и социальной). Между тем подобные продукты, как я полагаю, составляют до 90 % публикаций в области обществоведения.

Во-вторых, не может быть продвинутой, полноценной наукой то, что игнорирует и/или никак не объясняет образ жизни абсолютного большинства стран и народов; а также малоприятные, негативные или неприличные стороны бытия. Но если общественные законы есть, то США, Китай и Россия, экономика официальная и теневая, частное предпринимательство в экономике и в насилии и прочее — лишь частные случаи явления «общество в процессе его жизни и деятельности», которые должны объясняться некими общими законами.

2. Подобные размышления позволили мне набраться смелости и предложить гипотезу о природе социального развития, о взаимосвязи социума и экономики, основные положения которой были опубликованы на протяжении 1992—1994 гг.¹. На мой взгляд, эта гипотеза дает возможность выяснить некоторые грани социально-исторического опыта России, которые до сих пор вообще не рассматривались наукой, но могут оказаться определяющими для типа и направленности российского развития и в настоящем, и в будущем.

3. В основу гипотезы положено несколько методологических и теоретических допущений:

- уверенность в существовании объективных закономерностей общественного развития, как и том, что мы лишь приближаемся пока к началу их постижения;

смотря на неоднократно происходившие смены социальных парадигм, попытки его реформирования на разных стадиях исторического развития страны, остался, в своих глубинных основаниях, неизменным. Здесь интересно подчеркнуть, что отмеченное признание особой роли государства в становлении истории нашей страны, равно как и выявленные причины, по которым государство постепенно приобрело почти абсолютную власть над обществом, во многом препятствуя, сдерживая или значительно деформируя его социально-экономическое, политическое и культурное развитие, полностью подтверждают выводы Г. В. Плеханова о его *надклассовом положении*.

Именно Плеханов в 1905—1907 гг., обратив внимание на природу русского государства, призвал все оппозиционные самодержавию силы к объединению с целью организации «полновластной Думы» как единственно реальной силы общества, способной не только сохранить достигнутые в ходе революции результаты, но и возглавить процессы, призванные изменить социально-экономический тип страны.

Значительная часть сообщений посвящена анализу социально-философских воззрений Г. В. Плеханова, вкладу в развитие общественной мысли, отдельных положений его концепции исторического развития, в том числе, нашедших свое отражение во «Введении» в книгу «История русской общественной мысли»; деятельности в наиболее драматические моменты русской и мировой истории: Первой русской революции, I мировой войны, революции 1917 года, начальному периоду гражданской войны.

Лейтмотивом большинства докладов IV Плехановских чтений (1996), посвященных историософским проблемам общественных наук на рубеже тысячелетий (вторая половина XIX—XX вв.), была идея о том, что в эпоху интеграционного развития, свидетелями и участниками которого мы являемся, будущее всего человечества, как и каждой отдельной страны и народа, может быть обеспечено лишь в условиях глобальной координации всех видов деятельности человека. Предложенные к обсуждению на нынешней конференции работы не содержат проектов или описаний возможных социокультурных моделей развития России, тем не менее, взятые в совокупности, они подтверждают необходимость выработки философских обобщений не только о том, какое общество мы стремимся построить и как эту цель можно достигнуть, учитывая наш предыдущий опыт, но и что есть история, общество, человек в их сущностных измерениях.

**Т. И. Филимонова, канд. ист. наук,
зав. сектором Дом Плеханова.**

Примечания

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 17.

² Исторический архив. 1998. № 3. С. 113.

- уверенность в единстве, целостности и взаимодополняемости всех сторон жизни, независимо от нашего к ним этического и иного отношения;
- положение о том, что всем культурам должен быть свойственен общий комплекс сущностных по содержанию, универсальных по наличию в структуре всех культур любого времени, объективно измеримых характеристик, лежащих в основе не только культуры как явления, но поддержания и воспроизведения вообще всякой жизни, частью которой являются культуры;
- такой основой служит деятельность;
- важнейший из видов деятельности — способ существования, обеспечения самой жизни, в том числе социальной;
- во всех формах жизни существуют только три изначальных (базовых) способа существования — подбирание, производство, отъем;
- их сочетание (как непосредственное, так и в видах и формах, эволюционировавших от них) образует социальную экологию; длительное, явно выраженное доминирование одного из способов существования определяет тип соответствующей культуры и общую направленность ее исторического развития.

4. Наиболее устойчивый,最难的 всего поддающийся переменам фактор жизни, развиия человека и общества, особенно в прошлом — целостность пространства, природы и ресурсов; налагаемые этой целостностью ограничения и открываемые ею возможности (в первую очередь, сравнительно с показателями удельной плотности населения, инфраструктур и коммуникаций, и средней протяженности жизненно необходимых на данном уровне развития общества коммуникаций).

Человек и социум обитают на конкретной территории, в четко сложившихся формах социальной организации, достаточно устойчивого образа жизни. Социально-территориальная система (СТС) — в целом стабильный по расово-биологическим, этно-конфессиональным и другим исторического масштаба времени его признакам социум, определенным образом организованный для долгой самостоятельной жизнедеятельности, существования как целостного социального организма и/или развития на данной территории.

5. К какому бы типу ни принадлежала любая конкретная СТС, на чем бы ни основывались ее жизнь, внутренняя организация, формы и направления деятельности, какими бы особенностями любого рода — этническими, социальными, культурными, политическими, прочими; по отдельности или всеми сразу — она ни обладала, во всякой СТС:

(а) обеспечение и поддержание жизни, воспроизведение собственного существования имеют определяющее (по сравнению с любыми иными видами деятельности) значение;

(б) соответственно именно они везде и у всех народов, во все времена неизменно оказываются основой самоорганизации СТС (как в практическом, так и в историческом аспектах самоорганизации), а тем самым прямо и косвенно влияют на все стороны бытия и все особенности самой СТС, ее социума и его образа жизни;

(в) любая жизненно необходимая и важная активность СТС по воспроизведению собственного существования строится на основе сочетания форм деятельности, производных от трех базовых способов существования всего живого (их можно назвать также «атомарными» или «элементарными» — не в смысле их внутренней простоты, они не просты, но потому, что они лежат в первооснове всех более поздних, производных, сложных форм и способов жизнедеятельности).

6. Способы эти — подбирание, производство, отъем (насилие). Они (каждый в отдельности и все в совокупности) обладают рядом крайне важных качеств и особенностей:

(а) присущи всему живому, от простейших форм биологической жизни до сложных, высокоразвитых социальных структур (хотя, естественно, реализуются во всех этих случаях по-разному);

(б) они практически не могут функционировать друг без друга, вне своего симбиоза: отнять можно только у того, кто предварительно подобрал или произвел; для производства необходимо предварительно подобрать исходные материалы, ресурсы; и даже чистое подбирание сопровождается неким перераспределением собранного (т. е. отъемом у подобравшего) в рамках стада, племени, рода, семьи, общества;

(в) практически функционирующее сочетание трех базовых способов существования в конкретных их проявлениях и формах образует жизненную основу любой экологической системы — биологической, социальной, смешанной.

7. Нетрудно показать, что каждый из базовых способов существования с неизбежностью порождает шлейф последствий, исключительно значимых для природы, устройства, жизнедеятельности того «идеального» (Вебер) социума, который мог бы возникнуть на базе отдельно взятого, «чистого» способа существования. Каждый из них вызывает к жизни собственные средства общения (язык и его грамматику, а тем самым и структуру мышления); организацию социума (в непосредственном и социальном планах); мораль, нравственность и этику; оптимальные для данного способа тип личности и общественных отношений. Иными словами, три общества, выросшие каждое на основе своего «чистого» базового способа существования (если такое оказалось бы возможно), были бы разительно непохожи, а кое в чем противоположны друг другу.

Но названные способы действуют лишь в симбиозе, в экологии. С течением времени меняются все виды обстоятельств и условий, что приводит к изменениям доли каждого из способов в определенных СТС и социальной экологии в целом. Исторически сложившийся конкретный путь такой весьма длительной эволюции рождает специфическую для данного этноса, социума организацию его менталитета — то, что мы обычно подразумеваем под «национальным характером».

8. Принципиальное для устройства и судьбы социума значение имеет то, какой из трех базовых способов существования доминирует на протяжении длительного времени (двух-три и более поколений) в жизни данного социума. От этого зависят политическое устройство; содержание и специфика общественной психологии, нравственности, духовной жизни общества; отношения между сферами экономики и политики; характер и сила социальной мотивации; факт, характер и общая качественная направленность развития социума.

Подбирание ставит развитие в зависимость от природы. Обиные объекты для подбирания не требуют развития и не приводят к нему. Резкий дефицит предметов подбирания низводит жизнедеятельность к физическому выживанию, тем самым исключая развитие. Достаточность ресурсов для подбирания в принципе допускает развитие, но крайне медленное и только в экстенсивных формах — что и происходит в социумах, в которых длительно доминирует подбирание.

Производство выявляет иной — экологический, — ограничитель пределов развития, т. е. конечность поддающихся переработке сырья, иных ресурсов, а также потребной для этого энергии. Одновременно производство в виде «отходов» своего функционирования

порождает центры, в которых концентрируются знания, технологии, капиталы и которые поэтому самим фактом своего существования бросают вызов центрам традиционного перераспределения и насилия. Именно поэтому очаги производственного способа существования в истории почти всегда подвергались периодическому разграблению или уничтожению.

Отъем сам по себе не обеспечивает развития. Но, осуществляя функцию перераспределения, делает возможность развития в принципе реализуемой. Материализуется ли такая возможность, зависит от того, какая доля подбираемых и/или производимых социумом благ изымается в порядке отъема. Исторически первичные формы отъема — физическое насилие, — изымали столько, сколько могли, не отдавая себе отчета в последствиях, чем фактически блокировали развитие. Цивилизованные формы отъема — регулируемое перераспределение через государственные и/или общественные каналы, — в принципе открывает возможность управления масштабами и характером отъема с тем, чтобы проводить политику развития (или какую-то иную).

9. Исторически на планете почти повсеместно доминировал отъем, причем в самой примитивной его форме физического насилия. Создание государства явилось фактически первым в истории шагом по национализации частного предпринимательства в сфере насилия: эта деятельность с тех пор разделилась на право (когда субъектом отъема выступает государство) и преступность (когда отнимающим субъектом оказывается) кто-то иной.

При доминировании насилия в социальной экологии (симбиозе базовых способов существования) теоретически возможны три исхода:

- от насилиника скрыться невозможно. Тогда им не только изымается непропорционально большая доля общественного продукта, но тем самым во всех слоях общества подрывается мотивация к производительной деятельности. Как следствие, полностью или в очень высокой степени блокируется сама возможность развития. Эта ситуация типична для так называемых «развивающихся» (фактически как раз не развивающихся) стран;
- от насилиника можно попытаться оборониться. Но это резко поднимает уровень совокупного насилия в обществе (на оборону тоже нужны затраты), нагрузка на производительную сферу возрастает еще более, чем в первом случае. Как следствие, перспективы развития не только перечеркиваются, но и может сложиться ситуация, когда социум начнет деградировать, в крайнем варианте даже вымирать;
- от насилиника можно скрыться. Но насилиник (тот же самый или какой-либо иной) рано или поздно доберется и до нового места производительной жизни; тогда повторится один из предыдущих вариантов.

10. Но оказывается возможной и более сложная схема поведения насилиника и отношений с ним общества. Различия в темпах, уровне, качестве развития между Россией и Европой начали нарастать со времен татаро-монгольского нашествия. Причины роста разрыва в развитии заключаются, на мой взгляд, в том влиянии, которое это нашествие оказало соответственно на Европу в целом и на Россию.

11. Европа оказалась геополитически изолированной на два-три века. Непреодолимый еще в массовом порядке океан с запада и северо-запада. Мощные и для своего времени многочисленные народы и страны в восточном Средиземноморье и Северной Африке. И долгая дикая резня между славянами и татаро-монголами на востоке Европы — резня, в которую лучше было не соваться. При этом сама Европа была ареной непрерыв-

ных междуусобиц, требовавших массы людей, еды и фуража, военных припасов, материалов для строительства замков и периодического восстановления порушенного.

Здесь, в обстановке геополитической изоляции и непрестанных внутриевропейских войн и сложилась (видимо, совершенно случайно) новая модель поведения главного насилиника — государства в его монархической, феодальной еще ипостаси: впервые в истории этот тип насилиника перешел на «стойловое» содержание производителя, начал его не резать, но стричь. Переворот, по революционности его в истории сравнимый с переходом человека от охоты к скотоводству.

Дальнейшая история Европы известна и не нуждается в ревизии. Подчеркнем лишь, что с момента становления нового типа поведения насилиника №1 в Европе перестали подвергаться разгромам очаги производительной деятельности, итогом чего стало постепенное формирование буржуазии, а потом и приход ее к политической власти. С этого рубежа сложилось принципиально новое положение: впервые в истории производство как способ существования стало доминировать в ограниченной масштабами Европы социальной экологии (и то не всей). Так возник императив развития — ситуация, когда развитие не может не происходить уже независимо от воли человека; когда оно становится главным условием сохранения и выживания (в историческом масштабе времени) самого насилиника. Возникла новая, цивилизованная форма отъема — перераспределение государством в интересах и целях дальнейшего развития общества и экономики.

12. Принципиально иным оказался эффект татаро-монгольского нашествия в России. Освобождение из-под ига оказалось возможно только после создания централизованного государства — т. е. на насилие иностранное страна ответила таким же, внутренним. Иго над производителем оказалось как минимум двойным. Но с поражением Орды российское централизованное государство никуда не исчезло. Напротив, оно крепло и развивалось, масштабами и характером своих изъятий у общества подрубая на корню мотивацию всех социальных слоев к производительной деятельности. Самоликвидации социума помешали размеры страны (было куда скрываться от насилиника, до поры, конечно; плюс богатство природных ресурсов, дававшее жить подбирианием у природы того, что не удавалось получить благодаря производству) и относительная примитивность выживания в условиях доиндустриальной экономики.

Периодически это ставило страну и ее верховную власть в уязвимое по отношению к внешнему миру (таковым, в силу геополитических причин, для России была Европа) военно-политическое положение. Тогда ощутимая неконкурентоспособность, вкупе с пониманием различий в качестве жизни, подвигала верховную власть на реформы. Но такие реформы всегда — при Иване Грозном, Петре I, Сталине, Горбачеве — осуществлялись исключительно в интересах верхушки, а потому должны были навязываться обществу. Как следствие, совокупное насилие в российском обществе исторически в целом лишь возрастало (хотя у этого процесса были свои взлеты и падения). Развивались, совершенствовались институты, механизмы, средства и методы отъема и прежде всего насилия, а позднее — перераспределения, но снова в интересах насилия (военно-экономическое противоборство с США), а не поддержки производителя.

13. В итоге, если в Европе сложилось доминирование в социуме производящего начальства, то в России, напротив, произошло глубокое закрепление господства начальства насилиственного. Т. е. исторические магистрали развития Европы и России шли примерно с XVI в. во все более расходящихся направлениях, приводя к образованию по-своему мощ-

ных, внешне во многом схожих (технологически), но все более разных по их содержанию и движущим силам их развития культур.

Что нового внесли в развитие России события 1985—1999 годов?

14. Перестройка стала очередной навязываемой стране сверху попыткой глубокой и серьезной реформы, необходимой, однако, лишь тогдашней верховой власти в целях поддержания власти КПСС и способности СССР выдерживать военно-экономическое соперничество с США. В отличие от предшествующих реформ такого рода, однако, перестройка оказалась крайне неэффективной именно в навязывании своего подхода обществу, особенно элите (почему — иной вопрос).

В условиях, когда прежние формальные структуры распались, а новые еще не были созданы, элита естественно постаралась обратить уже запущенные в стране и экономике процессы в свою пользу. Как следствие, уровень совокупного насилия в России по сравнению с таковым в позднем СССР вырос как минимум в 2,5—3 раза. Он, этот уровень, слагается из: возросшей численности чиновничества, его экономической безответственности и коррупции; роста численности и всех видов расходов (включая взятки) внутренних военизированных ведомств и формирований; огромного числа всевозможных охранных структур любого рода; резкого роста преступности, прежде всего организованной экономической; расходов на войну в Чечне и ведение латентной гражданской войны (отстрела части предпринимателей), а также избирательных кампаний; расходов на вооруженные силы. Эти разные статьи расходов объединяет одно: высокая доля продукта не только изымается у общества, но характер использования изымаемого подрывает в обществе мотивацию к производительной деятельности и, в условиях современной экономики, ведет к деградации материальной базы производства.

15. Контр-тенденция заключается в том, что значительная часть элиты понимает опасность хода событий для будущего страны и ее места в мире и пытается что-то противопоставить негативным, разрушительным тенденциям. Это еще не тот императив развития, который сложился в свое время в Европе; но все же заметный отход от российских традиций отъема и насилия.

Победит ли в России императив развития? Пока происходит прямо противоположное: в результате всех событий 1985—1999 гг., и особенно 1992—1999 гг. произошло многократное усиление наиболее традиционных для России черт доминирования всех видов отъема (как насилия, так и перераспределения) в социальной экологии страны. Если это действительно так, то перспективы выдвижения ее в число высокоразвитых и лидирующих в мировом развитии стран стали еще менее реальны, нежели в прошлом.

К тому же в условиях целостного взаимосвязанного мира (чего не было раньше) весомое, если не определяющее значение имеют (а) характер и направленность аналогичных процессов уже в глобальном, не только национальном масштабе; и (б) заинтересованность внешних сил в появлении развивающейся России (или в недопущении этого).

16. Не пытаясь предугадать будущее развитие России и желая, естественно, чтобы и в России утвердилось наконец доминирование производящего, творческого начала (но именно доминирование, а не абсолютное господство, которое превратилось бы лишь в новый тип насилия), рискну предположить, что без понимания взаимосвязей между базовыми способами существования и всех последствий таких взаимосвязей и их исторической эволюции, без обретения способности конструктивно влиять на соответствующие процессы вряд ли удастся вывести страну на новый тип развития.

Именно на новый тип — потому, что развиваться способны не только наука, техника, производство, но и насилие во всех его ипостасях. Менять предстоит не политическую организацию и не тип экономики, но саму природу общества и характер его эволюции — если, конечно, описанная гипотеза верна хотя бы в основе, и если вытекающая из нее задача в принципе выполнима.

Примечания

¹ См.: Косолапов Н. А. Социум и экономика. Гипотеза об исторических корнях взаимосвязей // Свободная мысль. 1992, № 9; его же. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. Гл. 2; его же. Россия: в чем же все — таки суть исторического выбора? // Мировая экономика и международные отношения. 1994. №№ 10—11; его же. Социум и экономика: глобальные альтернативы // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12.

О соотношении биологических и социальных экологий, о возможности, правомерности и целесообразности рассмотрения сферы экономики как своеобразной экосистемы см. очень интересную работу: Rothschild M. Bionomics. Economy as Ecosystem. N. Y., 1990. С позиций предлагаемого мной подхода любопытны также взгляды, излагаемые еще в двух известных мне монографиях (несомненно, их должно быть больше): Batra R. Capitalism and Communism: A New Study of History. L., 1978; Batra R. The Great Depression of 1990. N. Y., 1988.

Более подробное обсуждение того, каким образом соотношение насилия и производства как способов существования в пределах единой социально-экологической и социально-территориальной системы оказывается на возможностях и самой императивности ее развития, см.: Косолапов Н. А. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора? // МЭИМО. 1994. №№ 10—11.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Данный вопрос представляет далеко не академический интерес. Последние семь лет у власти в России находились силы, которые своей главной задачей считали низведение государства до роли «ночного сторожа» в соответствии с моделями западноевропейского радикал-либерализма. Реформы шли под лозунгом «Чем меньше государства, тем лучше». Итоги такого подхода известны. После августовского финансового кризиса 1998 г. к власти в стране пришло правительство Е. Примакова, которое взяло курс на усиление роли государства в социально-экономической жизни России.

Насколько этот курс отвечает долговременным тенденциям исторического развития России? Насколько он перспективен в условиях конца ХХ века? Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем краткий обзор истории России, не претендую на оригинальность многих высказанных положений, и не отказываясь от расстановки своих собственных акцентов.

История Руси-России на протяжении столетий развивалась под воздействием двух фундаментальных факторов. Первым из них являлась природная среда. Вторым — geopolитическая среда, т. е. внешнеполитические условия существования государства и общества.

Оба фактора оказывали противоречивое воздействие. Однако, в целом их суммарное воздействие не было благоприятным для оптимального развития.

Наличие огромной малоосвоенной территории создавало возможность территориально-хозяйственной экспансии, которая продолжалась вплоть до конца нынешнего века. А это в свою очередь позволяло россиянам столетиями решать все свои проблемы экспансивными методами экономического развития. Иными словами, вскаки воспроизводить одни и те же методы хозяйствования и формы социальной жизни. Таким образом, обильные природные ресурсы не способствовали формированию в обществе мышления и структур инновационного типа. В итоге природное богатство породило уровень жизни, который оказался ниже, чем в странах, где население было вынуждено более рационально и интенсивно использовать ограниченные природные ресурсы.

Широкая возможность расселения постоянно поддерживала малую плотность населения, что также замедляло темпы культурного прогресса. Суровый климат затруднял коммуникации на огромной территории и служил дополнительным тормозом.

Основным стимулом для изменений в российском обществе являлся geopolитический фактор. Так, например, само формирование единого древнерусского государства было обусловлено главным образом необходимостью борьбы восточных славян против хазарского каганата и других внешнеполитических угроз.

Геополитический фактор, с одной стороны, способствовал прогрессивным переменам, а с другой стороны, препятствовал поступательному развитию российского общества. Его негативное влияние ярко проявилось на ранних этапах русско-российской истории: страна была объектом постоянной агрессии со стороны степных народов (печенеги, половцы, татаро-монголы), которые по своему культурному уровню и кочевому укладу жизни не могли являться плодотворным культурным донором для земледельческой Руси. Более того, степняки изолировали Русь от ее главного культурного донора — Византий-

ской империи. Военное поражение от татаро-монгольской волны степных завоевателей обернулось «игом», которое на два с половиной столетия затормозило культурное развитие Руси.

Дополнительным фактором торможения стал раскол христианской церкви, который повлек за собой ухудшение отношений между православной Русью и католической Западной Европой и тем самым затруднил контакты Руси с тем регионом, который в период зрелого средневековья выдвинулся в лидеры мирового культурного развития.

К концу XV в. Московская Русь преодолела татаро-монгольское иго и оказалась лицом к лицу с намного обогнавшей ее Западной Европой. Опасность отставания от Запада наиболее отчетливо проявила себя в военной области в связи с Нарвским поражением Петра I.

Как Петр ликвидировал эту опасность? У него была одна возможность: создать государство, которое явилось бы инструментом ускорения военного и экономического развития. Такое государство и было создано. Оно решало главным образом две задачи: обеспечило концентрацию внутренних ресурсов страны для создания регулярной армии и военного флота, привлекло западный опыт для частичной модернизации всего российского общества.

Импульса петровских реформ хватило до начала XIX века: русская армия на равных сражалась с французами в Отечественной войне 1812 г. Затем Запад вступил в эпоху промышленной революции, и Россия вновь оказалась далеко позади. После позора Крымской войны 1853—1856 гг., Александр II провел ряд реформ буржуазного характера. Однако их оказалось не достаточно для ускорения экономического развития. И вновь необходимый рывок был осуществлен при помощи активного государственного вмешательства. В конце XIX в. государство положило начало первому этапу индустриализации России. Оно обеспечило концентрацию капитала и других ресурсов для решения самой важной на тот момент общенациональной задачи: строительства системы железных дорог, способной объединить страну в единое целое. Железнодорожное строительство потянуло за собой развитие ряда отраслей тяжелой промышленности.

Такой активной роли государства в решении столь масштабной задачи Европа не знала. Министры Александра III создали прецедент и показали путь, который станет магистральным для экономического развития России в XX в. Государственный сектор резко вырос и управлялся с элементами текущего и перспективного планирования. При этом правительство жестко защищало внутренний товарный рынок от нараставшей внешней конкуренции.

Однако, несмотря на впечатляющий рывок, Россия не смогла сократить разрыв с Западом по важнейшим социально-экономическим параметрам. Напротив, отставание увеличивалось. Во многом потому, что значительная часть доходов правящих слоев населения расходовалась непроизводительно и вывозилась за границу.

Отставание России от Запада явилось решающей причиной социально-экономического кризиса в стране в годы первой мировой войны, который привел к победе социалистической революции и курсу на построение в России модели государственного социализма.

Эта модель, основанная на государственном контроле над всеми основными средствами производства и их планомерной концентрации на решающих направлениях развития, обладала огромным потенциалом ускорения, который и был реализован, несмотря на порой варварские методы реализации. Советская Россия уже за годы предвоенных

пятилеток в два-три раза сократила свое отставание от ведущих держав Запада. Более того, СССР преодолел качественно отставание от лидирующих стран в том смысле, что был способен производить любой вид промышленной продукции, который производился на Западе.

Потенциал государственно-социалистической модели развития позволил выдержать испытания Второй мировой войны и обеспечил быстрое восстановление и дальнейшее динамичное развитие в послевоенный период. Об эффективности модели государственно-социализма в послевоенный период свидетельствуют два примера: 1) СССР достиг военно-стратегического паритета с США, богатейшей страной, территории которой ни разу не подвергалась военным разрушениям в XX в., и которая опиралась в своем развитии на интеллектуальные и иные ресурсы многих стран мира. 2) СССР постоянно сокращал разрыв с США по важнейшим социально-экономическим показателям.

Однако, догоняя Запад, СССР тем не менее его не догнал, поскольку не мог одновременно решить две задачи: обеспечить военный паритет с США, чей экономический потенциал был в два раза выше, и при этом обеспечить паритет по уровню жизни.

Отставание по уровню жизни явилось главной экономической причиной кризиса советского общества в конце 80-х. А жесткость политической системы, уже явно не соответствовавшей возросшему культурному уровню советских людей, стала причиной политического кризиса, который привел в 1991 г. к смене социально-политического и экономического строя.

После 1992 г. государство отказалось от функций концентрации и планового распределения народнохозяйственных ресурсов, а также защиты внутреннего рынка от внешней конкуренции. Однако такой отказ сразу привел к обвальному падению всех показателей социально-экономического развития. Отставание от Запада резко увеличилось. Фактически Россия вернулась к тому разрыву, который был характерен для нее в начале XX в. И, как и прежде, сегодня нет никакого иного инструмента для сокращения этого разрыва, кроме как государства, способного сосредоточить ресурсы на ключевых направлениях развития, защитить внутренний рынок от губительного давления извне, ограничить эгоистические действия новой российской элиты и т. п.

Опыт российской истории позволяет сделать следующий вывод. Россия, существенно отстав от Запада в период средневековья, в эпоху нового и новейшего времени уже не имела реального исторического шанса ликвидировать отставание путем простого повторения западной модели, делавшей основную ставку на спонтанное социально-экономическое развитие общества. Именно поэтому в качестве главного инструмента ускорения социально-экономического развития в России всегда выступало государство. Степень вмешательства государства в экономику зависела от конкретной ситуации и была тем выше, чем сложнее и масштабнее оказывались задачи, стоявшие перед российским обществом.

Современный кризис также может быть преодолен только путем оптимального использования этого инструмента, с учетом всего позитивного и негативного опыта, накопленного за прошедшие столетия.

ТРАДИЦИЯ КОРМЛЕНИЯ В ВОЕВОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ XVII В. И ПОЗДНЕЕ

В современном общественном сознании административная деятельность прочно связана с понятием, известным под иностранным термином коррупция. Причины такого отождествления всем известны, но объяснить их происхождение можно лишь обратившись к истории управления в России, точнее, к истории обеспечения аппарата управления.

До упразднения в 1775 г. института городовых воевод аппарат государственного управления содержался, полностью или частично, на основе кормления, т. е. управляемым населением. Еще в XI в. Русской Правдой были установленные регламентированные кормы агентам княжеской административно-судебной системы¹. С XIII по XVI в. действовала наместничья система управления. Наместники и волостели получали по кормленным и уставным грамотам и доходным спискам регламентированные кормы, взимали на себя различные пошлины. Административная деятельность оплачивалась за счет населения, поэтому доходы кормленщиков представляли собой вид феодальной ренты, рентный феф.

В историографии бытует мнение о ликвидации системы кормления в ходе земской реформы Ивана Грозного. Оно связывается по правилам формальной логики с уничтожением наместничьей системы управления — исчезновение наместников и волостелей означает прекращение «практики кормлений»². Данная точка зрения вызывает серьезные возражения. С позиций системного подхода наместничье управление было только подсистемой всей системы управления в государстве, содержащейся на единой основе кормления. Кроме нее на принципе кормления действовали в XVI в. подсистемы дворцового, приказного, церковного, вотчинного управления. Все они сохранились и в XVII в., следовательно, сохранилась и вся система кормления. Иван Грозный уничтожил только уставший, не соответствовавший задачам и потребностям единого государства, властный институт реальных «совладелей» царя из числа ненавистных ему «бояр и вельмож»³, в котором отчетливо видны компоненты вассальных отношений. Сама система кормлений не подверглась изменениям.

Положение о лишении управленицев привычной ренты противоречит факту усиления к концу XVI в. феодальной эксплуатации. Кроме того, у государства с аграрно-потребительской экономикой просто не было средств на содержание аппарата управления, поэтому способ его обеспечения остался прежним и в XVII, и в XVIII вв.— за счет населения, т. е., на принципе кормления. Он не мог измениться при стабильности социально-политических и экономических условий функционирования системы управления. Феодальный способ производства оставался прочным фундаментом присвоения одними прибавочного продукта других, в том числе и способом кормления.

Огромное значение имеет для понимания причин устойчивости практики кормления социальный состав выполнявших административные функции людей. Они представляли собой сложившуюся к концу XVI в. замкнутую чиновно-бюрократическую группировку из элитарной части служилого сословия. Пополнявшаяся за счет семейной преемственности, она сохранила свой состав и замкнутость и в XVII в.⁴ Наместников сменили к концу XVI в. в управлении уездами городовые воеводы. Ими становились те же самые

люди, которые раньше наместничали, с их прежним сознанием, психологией и нравственностью. Передача властных полномочий и опыта кормления осуществлялась часто через одного, постоянно занятого в конце XVI в. на административной службе человека, и далее — от отца к сыну. Разрядная книга 1475—1598 гг. содержит множество таких примеров. Одним из них служит административная карьера Григория Васильевича Волынского. Впервые упомянутый в Разрядной книге под 7091—92 (1582—84) гг. головой на Курмыше, в 7095 (1586—87) гг. он назван наместником в Стародубе, в следующем году оставлен в этом же городе, но уже как «наместник и воевода». В 7099 (1590—91) и в 7105 (1596—97) гг. Г. В. Волынский фигурирует в источниках как городовой воевода в Новгородке и в Ядрине⁵. В XVII в. эта фамилия дала 30 городовых воевод.⁶

Правовой основой воеводского кормления оставалось действовавшее до Соборного Уложения законодательство наместнической эпохи (Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав) и указы второй половины XVII в., в которых кормленный характер воеводского управления изложен со всей определенностью⁷. Указом от 27 ноября 1679 г. ликвидировались все, кроме воеводских, приказные должности в местном управлении и вводилось воеводское единонаучение с указанием единственной причины — «чтоб впредь градским и уездным людем в кормех лишних тягостей не было»⁸. Этими словами правительство публично признало, во-первых, кормление в качестве всеобщего способа содержания административно-судебного аппарата на местах, и, во-вторых, законность воеводского кормления.

Традиция кормления не прервалась. Воеводы оставались чиновниками, чью административную службу оплачивало население, которое обеспечивало их вместе с многочисленными родственниками, слугами и дворней продовольствием, деньгами, жильем и прочим, в чем и заключался изначально смысл кормления. Они не отличаются от наместников ни социальным составом, ни по признаку властной компетенции, ни по характеру кормления. Воеводство было, как и наместничество с волостинством, сословной привилегией, принадлежащей узкому кругу из московских и выборных дворян. Монарх жаловал их воеводством в XVII в. так же как наместничеством в XVI в. за воинскую службу, «за кровь, за раны, за родственников своих побитых», чтобы они могли «подкормнить»⁹.

Значительная доля воеводских кормленных доходов собиралась совершенно законным образом. Их доставка была обязательной повинностью крестьян и посадских людей. При этом источники обнаруживают большую интенсивность воеводского кормления. Помимо «въезжего» и кормов на Рождество Христово, Пасху и Петров день, составлявших собственно кормы наместников, воеводы получают продовольственные и денежные доходы воевод по всем религиозным праздникам, на дни ангелов всех членов царской семьи, на дни рождения воевод и их «боярынь», воеводских детей, племянников и слуг, на все более или менее торжественные случаи на воеводском дворе (свадьбы, родины, крестины и т. п. у воеводских людей), на Новый год 1 сентября¹⁰, ежемесячные или понедельные деньги «за харчи», «воскресное», «посошный хлеб», «посошные деньги», «посошное сено». Воеводам готовили «пивные варни» и «курили вино», обеспечивали воеводский двор с его многочисленными обитателями жильем, домашней и хозяйственной утварью, дровами, транспортными средствами.

Нерегламентированность, в отличие от наместнических, воеводских кормов создавала благоприятные возможности для более интенсивного и эффективного использования старых форм кормления и вела к неуклонному росту кормленных доходов¹¹.

Вторая сторона воеводского кормления была связана с насилиственным, и тоже традиционным, присвоением прибавочного продукта. Она органично вытекала из самого факта кормления и была объективным проявлением эксплуатации на основе внеэкономического принуждения. Вымогательство, взятки, устанавливаемый для отдельных поселений и целых административных образований полноценный оброк¹², прямой грабеж с использованием властных полномочий и государственных институтов (тюрьма), принуждение ремесленников и крестьян делать различные изделия, выращивать хлеб, лен и пр. для собственных нужд были обычной практикой воевод XVII в. и, как кормление в целом, служили задаче личного обогащения. Доходы в тысячи и в десятки тысяч рублей говорят о возможности разбогатеть за один двухлетний срок воеводства¹³. Воеводское кормление служит наглядным подтверждением теоретического положения «власть-собственность».

Значительным источником прибыли на кормлении-воеводстве были всегда имевшие характер взятки бесконечные «почести» при исполнении воеводами любых функций. Каждое соприкосновение с воеводой сопровождалось «почестью» натурой или деньгами, или и тем, и другим сразу, независимо от того, был ли это выборный представитель уездного, волостного мира, городского посада, или частное лицо, обратившееся к воеводе по личному вопросу. «Почесть» была непременной, обязательной константой взаимоотношений воеводы с управляемым населением. Без «почести» приходить к воеводе было нельзя.

Там, где не было земской организации самоуправления, сбор кормленных доходов производился воеводами с помощью подьячих приказных изб, родственников и воеводских людей. Незаконно наделяя родственников и слуг полномочиями государственных администраторов, воеводы существенно увеличивали объемы кормленных сборов. Впрочем, правительство рассматривало участие в управлении уездом воеводских сыновей и племянников в качестве подготовки будущих администраторов, своеобразной стажировки. Подобная практика служила прежде всего для овладения навыками кормления на административной службе.

Активными соучастниками воеводского кормления становились и мирские люди, нанятые миром за денежное жалование для службы на воеводском дворе и в помощь ему в управлении — сторожа, дворники, водовозы, денщики, приставы. В общественном сознании (и мирам, и воеводских людей) они становились тоже воеводскими людьми, и на них распространялись кормленные поставки на воеводский двор. Приближенность к воеводе и наделение их воеводой определенными властными полномочиями позволяли им вершить свое собственное, подражательное, кормление, паразитируя на себе подобных.

Воеводское кормление являлось конкретным выражением политического господства привилегированного сословия служилых людей «по отечеству» в его верхушечной части и имело негативные последствия для общественного развития России.

Кормление воевод служило причиной постоянных социальных конфликтов. Воеводы объявлялись в ходе всех народных волнений главными врагами восставших¹⁴ не только потому, что являлись проводниками политики государственного феодального насилия, но, и может быть в первую очередь, именно в силу своего положения частных владельцев-крепостников подчиненного им населения.

Воеводское кормление являлось сильнейшим сдерживающим фактором экономического развития страны. В погоне за наибольшей прибылью воеводы обескровливали хозяйства крестьян и посадских людей, доводили своими кормами и поборами до невозмож-

жности простого хозяйственного воспроизводства, чем и вызывалось чаще всего массовое бегство бросавших свое тягло податных людей.

Если же принять во внимание, что «кормились» на совершенно законных основаниях все структуры государственного аппарата управления (дьяки, подьячие¹⁵, писцы¹⁶, приставы и пр.), в размерах, в целом намного превышавших воеводские доходы, то последствия кормления администраторов обнаруживаются во всей негативной полноте.

Самым, быть может, губительным последствием практики кормления вообще и воеводского в частности было его влияние на общественное сознание и общественную психология, ибо оно способствовало формированию и консервации крепостнических по своей сущности взглядов, привычек, обычаев как у чиновников, так и у зависимого от них населения. Под влиянием кормления сложилось на века представление, согласно которому административной должности имманентно присуще получение доходов за услуги, являющиеся оплачиваемой государством профессиональной обязанностью. Ю. В. Гоголь объяснял неудачу реформ Петра I живучестью традиции кормления, с которым Петр впервые попытался покончить, посадив всех чиновников на твердое жалование: «С самого начала в новые межи полилось старое вино... Живучая сила старых до-Петровских привычек разбила расчеты рационалистов XVIII века...»¹⁷. После смерти императора был восстановлен неоплачиваемый институт уездных воевод в связи с отсутствием средств на жалование администраторам¹⁸.

Наглядным примером устойчивости кормленных привычек служат факты из истории управления в Сибири. С 1696 г. несколько лет расследовала специальная комиссия корыстные злоупотребления всех сибирских воевод, многие из которых были наказаны. Назначенный в 1708 г. первым сибирским губернатором судья Сибирского приказа кн. М. П. Гагарин был в 1721 г. казнен за ту же вину. В итоге ревизии нового генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского в 1819 г. два губернатора и 48 чиновников попали под суд, а 681 чиновник были признаны замешанными в корыстном использовании служебного положения¹⁹. Количество примеров неисчерпаемо и хронологически, и географически.

Примечания

¹ Русская Правда. Тексты. М.; Л., 1940. С. 400, 406, 434, 440, 444.

² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 264; Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М., С. 283.

³ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 14—15, 27; ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 267—269.

⁴ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 98—129, 252.

⁵ Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подготовка В. И. Буганова. М., 1966. С. 340, 348, 389, 398, 459, 514.

⁶ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 457—458.

⁷ ПСЗ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 295.

⁸ ПСЗ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 779.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. № 603. Л. 1, 2.

¹⁰ Например, РНБ : Q.IV.279. Л. 4 об., 46 об., 52 об.; Q.IV.289. Л. 28; РГАДА : Ф. 141. ПДСЛ. 1665 г. № 100. Л. 1—21; Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 206-а. Л. 1 об.—129 об.; Сольвычегодск. № 36-а. Л. 47—103.

¹¹ Сравнение воеводских доходов в середине и в конце XVII в. по расходным книгам земских старост четко обнаруживает эту тенденцию.

¹² РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. № 603. Л. 23—24; № 846. Л. 182.

¹³ Там же. № 2471. Л. 4—240; № 846. Л. 54—428.

¹⁴ Восстание в Москве 1682 года. Сб. документов. М., 1976. С. 111. № 67; Буганов В. И. Допросы пленных разинцев // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 25—26.

¹⁵ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141—145.

¹⁶ Енин Г. П. Древнерусское кормление в воеводской практике XVII—XVIII вв. С. 76.

¹⁷ Гоголь Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 19.

¹⁸ ПСЗ. Т. 7. № 5177.

¹⁹ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 132, 136—137, 457—458.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ БУДУЩЕЙ РОССИИ

1. Ожесточенность сегодняшней вражды «коммунистов» и «демократов» (если отвлечься от амбиций противников, их своекорыстных интересов и соображений) обусловливается заклинанием мысли на чем-то изначально отрицающем, себе давлеющем. Разумеется, разброд и раскол в идеях и действиях возникли не только от неспособности понять оппонента. Они коренятся в труднопреодолимых внешних препятствиях диалогу сторон — в экономическом коллапсе, поразившем нашу страну, в несправедливом разрыве в доходах меньшинства и большинства населения, в моральном кризисе общества. И все же самое трудное для нас, россиян, — поиск взаимопонимания или хотя бы предрасположенности к пониманию оппонента, без чего невозможна никакая совместная работа. В истоках этого непонимания, нежелания слушать аргументы другого — принципиально монологический характер идеологии коммунизма в России, с одной стороны, и вековая российская «недемократическая человечность» (М. Гефтер), все еще обуславливающая верхушечный характер демократических учреждений и институтов в нашей стране, — с другой.

2. Нельзя полагать, что враждующие партии смогут объясниться, понять друг друга, отколовшись от своих односторонних идеологических постулатов. Вопрос в другом, сумеют ли соперничающие политические элиты осознать, что проблемы, вставшие в конце XX в. перед Россией (и не только перед ней) выходят за пределы генерального размежевания между идеологемами капитализма и социализма, что стране нашей не быть ни чисто «капиталистической», ни чисто «социалистической». Разумеется, несводимость «российского проекта» к одной-единственной позиции, единственному возможному способу ставить вопросы и отыскивать ответы противоречит нашему российскому менталитету. Нам все еще хочется осуществить выбор типа «или-или» и обнаружить волшебное средство от всех социальных болезней. Но когда-то и нам придется порвать с дурной традицией и признать: жертвуя одним во имя другого, мы отбрасываем важную составляющую исторического движения, без которой и оставшаяся теряет смысл, «выпрямляем» (по сути дела загоняя в тупик) развитие страны, не говоря уже об уменьшении ее шансов на достойное место в современном мире.

Сказанное автор доказывает на примерах анализа проблемы российской государственности.

3. Драматизм сегодняшней ситуации заключается в том, что, с одной стороны, совершается закономерное движение к рынку (мы не минус, не «обогнём» рынок), с другой — наблюдается полная неспособность существующих политico-государственных институтов превратить частный интерес в нечто более цивилизованное, окультуренное, чем голый интерес к наживе. Ведь ни капитализма, ни рыночной экономики не существует без определенных правил игры, без соблюдения общественных норм, какой-то обязательной морали и т. д. Нужно помнить высказывание М. Вебера, автора «Протестантской этики». «Безудержная алчность в делах наживы, — писал он, — ни в коей мере не тождественна капитализму, а еще менее его духу. Капитализм идентичен обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае рациональному его регламентирова-

нию». В этой связи возникает вопрос: в отсутствие правил игры, уже выработанных, признанных обществом, в отсутствие моральных сдерживаний и противовесов и т. д., кто может наш «дикий» рынок привести в нечто социообразующее, в совокупность действительно экономических интересов. На Руси, на взгляд автора, это может сделать *только государство*, хотим мы этого или не хотим, нравится нам это или не нравится. Нам нужно «меньшее государства» — говорили либералы в конце 80 — начале 90-х гг. На деле этот лозунг обернулся бессилием власти, рэкетом, господством мафии и т. д. «Большое государства» — призывают сегодня коммунисты. Но мы это «уже проходили», и знаем, что такое «большое государства». Думается, что «ни большее» государства, «ни меньшее» его, не выражают сути момента — нам нужно иное государство. Ни либералы, ни коммунисты, поэтому, не встают в диапазон проблемы, от решения которой зависит будущее России. Главная наша беда заключается в том, что административная машина слишком громоздка, чтобы быть подконтрольной, слишком своевольна, чтобы кому-нибудь подчиняться, наконец, слишком подмяла под себя общество, чтобы служить ему.

4. Известно, что российское государство с самого начала возникает как жестко централизованная структура, призванная объединить русские (а затем присоединенные к России) земли, превратить суммарное единство в некую целостность с помощью авторитарно-деспотических средств. Однако раз возникнув как своего рода обруч, стягивающий громадную полигэтническую и поликонфессиональную страну, не дающий ей распасться на составляющие элементы, централизованное государство (*«центр»*) постепенно начинает играть по отношению к обществу, населению, регионам страны все более интервенционистскую роль, становится самодовлеющей силой, распоряжающейся жизнью подданных, а затем (в 20—80-х гг. ХХ века) вообще огосударствляет все ранее самостоятельные сферы жизни. В этом же направлении центр толкал развитие российской государственности. Понимание особого типа централизации государственной власти было бы неполным без такого ее «измерения», как многосубъектность. Речь идет о том, что в отличие от Запада (и отчасти Востока), где каждая функция власти отливается в особый субъект, где есть система властей и их разделение, в России на протяжении веков власть была не полисубъективной, а, скорее, полифункциональной. Реально были разделены и функции власти, а не сама власть, боролись между собой не партии в европейском смысле этого слова, а учреждения. В этом смысле следует согласиться с утверждением историков Ю. Пивоварова и А. Фурсова, что *«русская политика»* вовсе и не политика: ведь игрок-то один, — *«Власть»*.

5. Исторически моносубъектность власти в России связана со слабостью принципа частной, собственности с неопределенностью поземельных отношений князей и боярства, ускорением становления самодержавного государства, наконец, с закрепощением, сословий в рамках «служилого государства». Этот сформировавшийся в XV—XVI веках вектор эволюции российской государственности — превращение всех слоев населения, независимо от их положения, в массу безусловно зависимых от государства «служилых людей» получил развитие в XVIII—XX веках, благодаря, как это ни покажется странным, взаимодействию с Европой. Ибо соответствовать ушедшей вперед, особенно в техническом отношении. Европе российское государство могло в том случае, если оно в лице абсолютизма превращалось в распорядителя всех ресурсов страны — людских и материальных. Лишь становясь над обществом в качестве верховой силы, распоряжаясь все и всеми, российская монархия (а затем тоталитарный режим) получала возможность соперничать *«на равных»* со своими западными (отчасти южными) соседями, при-

нимать активное участие в «концерте европейских держав». Мобилизовать наличный потенциал страны в целях обороны или экспансии, умножать его путем внедрения западных технических новшеств в отечественную экономику возможно было в условиях неразвитых общественных отношений только «сверху», с помощью внеэкономического государственного принуждения.

6. Наконец, проблема чиновничества. Российской проблема — это проблемы всеизвластия чиновников. Порок российского чиновничества заключается в отличие от западных демократий не просто в коррумпированности, волоките, некомпетентности. Нет. Бюрократия в России узурпирует власть над «простым человеком», лишает суверенитета личность каждого, вторгается в элементарные условия человеческого существования. О могуществе бюрократии свидетельствует тот факт, что в отсутствие гражданского общества (или, по крайней мере, крайней слабости его), все усилия правительства, направленные на улучшение работы государственного аппарата, разбиваются о сопротивление касты чиновников.

7. И тем не менее переход к рынку, рыночной экономике в России, немыслим без активной роли государства, которое в отсутствие «самоочевидных» моральных истин, нормативных ценностей, единодушия в обществе относительно новых реалий единственным способом, абстрактно говоря, предложить индивиду правила, регулирующие его экономическую деятельность и политическое поведение. Без них (этих правил) стремление к выгоде превращается войну всех против всех. Речь уже не идет о том, что в России только государство располагает позицией, находящейся вне сферы и над сферой частных интересов, обладая к тому же ресурсами контроля над ней. Однако российская государственность должна быть кардинально реформирована, чтобы способствовать возникновению полномасштабной рыночной экономикой, новым потребностям общества и страны. Прежде всего, оно должно само научиться соблюдать конституцию и законы, считаться с принципами правового государства. Без «нормального» конституционализма нет инфраструктуры, которая необходима для развития рынка. В свою очередь «нормальный» конституционализм немыслим без демократии, свобод, прав личности, «прозрачности» финансовой деятельности государства. Далее. Следует установить, наконец, единые правовые нормы между центром и регионами. Квазифеодальный торг между центром и субъектами Федерации надо когда-то прекращать. Может быть, по сравнению с тоталитарным режимом этот торг является своего рода прогрессом (все-таки, несмотря ни на что, учитываются интересы регионов, субъектов Федерации). Однако к демократии и полному федерализму он отношения не имеет. В России до сих пор не существует реального самоуправления — местного и муниципального. Государство просто-напросто в нем не заинтересовано. Даже в Москве районами, префектурами, где проживает иногда около 300—400 тыс. людей, управляют назначенные сверху чиновники (префекты), а не выбранные населением лица. Пока самоуправления не будет, не будет и условий для развития рынка. Всем, как и раньше, будет заправлять бюрократия, которая является практическим выражением *старого типа государственности*, с той существенной поправкой, что чиновничий аппарат имеет свои особые интересы, не совпадающие с государственными, интересами развития рынка и т. п. И. Часто говорят, что «государство у нас, россиян, в крови». Следует существенно скорректировать эту мысль. Именно потому, что государство у нас «в крови», надо эту кровь почистить, обновить, чтобы растворена была в ней *иная по типу, новая государственность*. Ни самодержавие, ни коммунизм, ни нынешняя президентская республика ничего не сделали, чтобы «вылечить» российскую государственность, сделать ее современной, т. е. учитывающей интересы групп населения и отдельных людей.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Страна, несмотря на размах индустриально-урбанизационных преобразований XX столетия, к исходу его в отношении культурно-экологического освоения своего пространства осталась, как ни парадоксально, по сравнению со странами Средней и Западной Европы, преимущественно лесной страной, может быть, не такой как «Германия» Тасита, но с ощутимым преобладанием и резервом лесных массивов, а в ряде центральных исторических областей — вторичного облесения, исключивших значительные земли из былой сельскохозяйственной аккумуляции. В целом, плотность селитбы, конечно, возросла со времен монастырских расчисток XIV—XVI вв., но суммарная площадь их увеличилась незначительно. Леса прорублены трассами коммуникации индустриального урбанизма (автомобильные и железные дороги, ЛЭП, трубопроводы и т. п.), но это привело лишь к тому, что тем более гармонизация экологии остается нерешенной национальной задачей.

Россия Петра Великого выходила на морские пути, чтобы стать Великой сухопутной державой. Китай в подобном движении XV—XVI вв. был остановлен португальцами. Россию не стали останавливать голландцы, их соперники; отчасти мы обязаны этим прозорливой мудрости соратника и наставника Петра, Николаса Витзена, бургомистра Амстердама и автора первого энциклопедического описания Московского государства рубежа XVII—XVIII вв. (Ноорд-ен Оост Тартариен). Восстановливая в результате Азовской и Северной войн нерусские трассы Пути из Варяг в Греции из Балтики в Черное море, закрепляясь от Белого моря до Каспия, Россия Петра I добивалась включения Евразийской русско-сибирской коммуникационной системы (той самой, описываемой у Витзена, «Северной и Восточной Тартарии»), освоенной незадолго до того, в основном землепроходцами первых Романовых, в мировую коммуникационную сеть глобальных — в эту эпоху прежде всего *морских коммуникаций*.

Именно в результате этого включения и взаимодействия, возник главный плод реформ — «петербургский синтез» качественно новых форм *урбанизма*. Эти формы, созданные в новой столице Российской империи, и преобразовали (средствами архитектурного классицизма, как в градостроительстве и застройке городов Империи, так и в упрощенном ампире рядового и массового советского сельского дома), прежде всего урбанистические центры всего Евразийского пространства. Этот синтез во второй половине XX в. охватил территорию от Эльбы (Дрезден) до Желтого моря (Хэньян и другие города Северной Кореи). Как один из глобальных культурно-исторических факторов «петербургский синтез» сопоставим и адекватен британско-индийскому для Азии, франко-алжирскому для Африки, португalo-афро-индийскому для Латинской Америки, равно как американо-японскому современному трансконтинентальному взаимодействия. Именно в нем Россия реализовала свою функцию как фактора глобальной *культурной интеграции Североевразиатского пространства*.

Россию, развертывающую на протяжении многих веков коммуникационные сети и с растущей постепенно государственное пространством, в системе терминов «ведантической парадигмы» следует определять такими параметрами как *растянутое пространство* и соответственно *«сплющенное время»*, постоянно развертывающаяся, а не уплотняющая-

ся, сравнительно ненадежная (прерывистая) коммуникационная сеть циклично-прерывистая (на бытовом уровне — не превышающая фольклорной «эпической емкости» в триста лет историческая память — определяющие характеристики русской ментальности — в этом ее существенное отличие как от западноевропейской (компактное пространство с уплотняющейся насыщенной коммуникацией, развернутое линейное время), так и от восточной (концентрическое пространство кольцевом времени).

Неустойчивость коммуникативно-генерационной сети культуры делает её особенно уязвимой для внутренних коллапсов и внешних перегрузок. В новой истории России (последствовского, а особенно — советского времени) нарушенный (суженный, трансформированный); «культура — натура», внутри социума России стал стабильным источником социопсихологического напряжения, своеобразного комплекса вины, наиболее остро проявляющегося в самосознании общественных слоев — носителей аккумулированного национального (общественного) самосознания.

Русская интеллигенция, как при крепостном праве, так и в послесталинский «застой», противоречиво и драматично рефлектировала в конечном счете на неадекватное распределение ресурсов и продуктов, в том числе, и продуцированных ею неистребимых вечных ценностей. Возникавший дисбаланс культурно-энергетического фонда в системе социальных коммуникации регулярно вызывает кризис традиции. Эту особенность можно проследить из тысячелетней глубины русской истории, хотя естественно, он достигает предельной остроты по мере завершения коммуникационного освоения евразийского географического пространства. В современных постсоветских условиях один из показателей преодоления этого кризиса, может быть, происходящее с 1988 г. возвращение церкви на Землю (включая буквальное восстановление разрушенных сельских храмов).

Русские в представлениях о собственной ментальности устойчиво утвердили за собой репутацию мирного и богобоязненного народа. Эта репутация, во многом, — плод отечественной литературы, генетически — церковной (а в силу канонических условий православия, требовавшего Богослужения на языке народа, эта литература отличалась, по сравнению с латинской, неизмеримо большей глубиной воздействия на народное сознание).

Тем неожиданнее был кровавый вклад русских в мировую и собственную историю XX столетия.

Шок, переживаемый общественным сознанием, порожден не только масштабами этого вклада (действительно, чудовищными — и не только по самоубийственной емкости, но и по отношению к «иным языкам»). Во многом он определяется и неадекватностью самооценки.

Ни XIX, ни XVIII столетие истории Российской империи не были мирными, если рассматривать их беспристрастно, не были даже в сравнении с историей XX века. Однако ни военные реформы, ни войны Петра I также не являются начальной «точкой отсчета», напротив, петровской эпохе имперского строительства предшествовали столетия кровавых напряжений и не только внешних, но и внутренних войн России. XVII в. — разинщина и перед нею — Смута; XVI в. — опричнина Ивана Грозного, XV в. — кровавое «собирание Руси» московскими самодержцами, перед этим — XIV век междуусобиц, XIII и XII столетия также залиты кровью усобиц и вторжений, и напряжения эти прослеживаются практически непрерывно до XI столетия, Ярослава Мудрого Софии и книжности.

Той самой книжности церковной, что кристаллизовала высшие национальные ценности в христианской мифологии князей-мучеников святых Бориса и Глеба, выявляя и преодолевая в его истоке национальное проклятие греха братоубийства. *Код ментальности*, созданный на заре русской культуры, вытеснил в потаенные глубины ее фонда предшествующие, архаические и архетипические ее ценности. До нас дошел, практически единственный фрагмент внечерковного, светского «Слова» (о полку Игореве), свидетельствующий о латентном сохранении этой дохристианской системы ценностей, создававших реальные поведенческие архетипы, восходящие порою, быть может, к скифской архаике (с кровавым культом меча, поклонение которому засвидетельствовано и у языческих «русов» Х в.).

Тайные силы народа, архетипы его сознания (подсознания) и до наших дней не раскрыты во всей подлинности их диапазона поляризации противоречий, порождающих мощные и порою загадочные потоки культурной и социальной энергии. Иван Бунин подозревал эти силы, ужасаясь их темной глубины. Даниил Андреев поднялся над ними в недоступные для смертного сознания высоты. Солженицын описывает плоды их воздействия в адресованном национальному самосознанию, бесконечном, покаянном монологе. Пушкин — «русский человек, каким он является, быть может, через двести лет» кристаллизовал и высветлил в своем творчестве и самом образе эти противоречивые и живые силы с недоступной никому более до сей поры ясностью. Однако эти имена — сияющие над действительностью духовные вершины.

Самопознание русских — задача еще далеко не решенная.

Мы не однократно в этом мучительном духовном поиске. Искусство тиарии, тоталитаризма, преступления не миновал ни один «жестоковый народ» (Исход, 32, 9), ни «великий», ни «малый». Важно — видеть и понять «русскую идею» в максимально точной объективизированной сети ее культурно-исторических координат. По сути, та же задача и перед индивидуальным, и перед национальным (этническим) самосознанием: локализация в топохроне. Необходим исторически адекватный переживаемому культурой времени и пространству, масштаб, шкала измерения, мера ценностей. Подлинная «русская идея», как и любая «национальная идея», заключается лишь в способности народа знать правду о себе самом, видеть собственную реальную историю в объективных координатах пространства и времени. Идея, отстраненная от этой исторической реальности, подменяющая «исторический реализм» любого рода, идеологическими конструкциями, будет лишь иллюзией, способной вызвать ту или иную, национальную манию. Как и любое неадекватное самосознание, такая мания становится жизнеопасной, ведя социум (как и индивида) к краю катастрофы.

«Цивилизация строилась на костях отцов» — этот тезис, исходный и базовый для «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, последующая Россия реализовала буквально; но соответственны и следствия, включая неотвратимую ответственность «перед лицом Смерти, всех людей, умерших за всю историю». Разрешение этой коллизии, реализация ответственности видится в том, что «воскрешение есть обращение времени, активность человека в обращении к прошлому». Собственно, средствами этой активности в отношении к прошлому, полноценной реализации его духовного потенциала в настоящем и должны стать «культурные технологии», возможные на основе научно-оперationalного аппарата регионалистики.

Алгоритм культурно-исторической программы «Мета-Петербург», по существу, переводит метафизические категории «Розы Мира» Даниила Андреева в аспект информа-

ционного процесса, направленного не только на решение общественно актуальных задач охраны и использования культурно-исторического наследия, но «активным отношением к прошлому», аккумулирующего и актуализирующего это наследие, обеспечивая новый уровень «диалога с Синклитом». И программа эта, как и многие другие подобные в реальности России 1990-х годов, интегрируется в практической культурно-строительной работе, которая общими усилиями направлена от состоявшегося юбилея Москвы (1147—1997) к предстоящему юбилею Петербурга (1703—2003), пятилетней процедуре осознания всего масштаба историко-культурного прошлого и потенциала обеих Столиц, хронологически и по сути непосредственно предваряющей христианский Миллениум (финал второго и начало третьего тысячелетия от Рождества Христова в 2000—2033 гг.).

Накануне этого рубежа веков и тысячелетий, достаточно редкого в человеческой истории подлинного рубежа эпох, происходит, по-видимому, не только важное для дальнейшего исторического пути, мучительное порой осознание пути пройденного. Произошло, несомненно, и существенное изменение в самом выборе средств и целей исторического самопознания. Захоронение останков царской семьи Николая Романова в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, превращенное в 1998 году в общегосударственную акцию завершило цепочку событий, начинавшихся с поисковых «археологических» поисков, устремленных — к правде национального самосознания. Потребовались десятилетия для того, чтобы эти поиски в телепицлах Эдуарда Радзинского стали фактором формирования этого самосознания. Археолог Зенон Поздняк в белорусских Куропатах под Минском и его единомышленники, возвращавшие обществу тяжелые тайны смоленской Катыни, Левашовской пустоши Ленинграда, Соловков, — и, показательно для финала советской истории, что эту деятельность общества «Мемориал» возглавил и связал со своим именем академик А. Д. Сахаров, ставший символом человеческой совести в борьбе с тоталитаризмом, — эти и другие подобные движения и поиски вывели процесс самопознания за пределы «чисто идеологической» сферы идейных и словесных баталий и оценок. Произошло, в частности, своего рода «обращение» идеологии в археологию, в итоге же — *аннигиляция идеологии* в тоталитарно-пропагандистском понимании. Не только «рукописи не горят» в метафизическом мире булгаковского Воланда, но и сама Земля, на которой живем, способна хранить, если не будет востребована, практически — вечно, истину подлинного знания о человеческом прошлом. И существование на это земле, в конечном счете, оказывается невозможным без этого знания.

Может быть, в таком «преобразовании ментальности», происходящем не без мучительных усилий, одно из первых проявления тех «внутренних сил», на саморазвитие которых уповал исследователь «русской идеи» Н. Бердяев.

«Человечность, оторванная от Бога и Богочеловека, перерождается в бесчеловечность, самоутверждение человека приводит к отрицанию человека» — этот нравственный урок и вывод, трагически обоснованный русским опытом, действенен не только (и не столько) для России. В нем собственно, один из важнейших итогов XX века: ибо собственно следующим выражением «русской идеи», преодолевающей этот искусство, стала именно в России наших дней утвержденная максима, возвещавшая одухотворенное искупление, отмеченное А. Менем: «Чувство нравственного возмущения, которое вызывают любые акты бесчеловечности, — вот что отличает нашу эпоху от прошлых в е к о в .

RUSSLAND IN EUROPA

1. Russland hat einen festen Platz in Europa: Geschichte und Kulturen aller europäischen Länder sind miteinander verflochten. Im «kurzen zwanzigsten Jahrhundert» haben die furchtbaren Erfahrungen mit der Nazi-Diktatur, verbunden mit dem ungeheuerlichen Versuch, Europa rassistisch zu exterminieren, die komplementär-kooperativen Beziehungen, die auf lange Dauer angelegt sind, eine schlimme Zeitspanne verdrängen können. Das «Jahrhundert des Wolfshundes» (O. Mandelstam) geht seinem Ende zu.

2. Europa findet zu sich selbst. In seinem Westen verstärken sich Prozesse der wechselseitigen Integration. Sie waren eine Antwort auf die Diktaturen, die Faschismus und Krieg über Europa gebracht hatten. Unverrückbare Basis der Integrationsprozesse bleiben die Werte Freiheit, Gerechtigkeit und Solidarität. Sie realisieren Demokratie und Menschenrechte, individuelle und soziale Selbstbestimmung.

3. Im europäischen Westen entwickelt sich ein Modell organisierten Handelns, das den aktiven zivilen Gesellschaften Räume öffnet, die sie in permanenter Selbstverständigung selbst gestalten. Die Europäische Union sichert politisch diesen Rahmen; die Nationalstaaten garantieren ihn; die nationalen Regierungen regeln, in Kooperation mit der Kommission der EU und den Institutionen der internationalen Gemeinschaft, die interregionalen und globalen Austauschbeziehungen. Innerhalb dieses Rahmens vollziehen sich Prozesse der ökonomischen, ökologischen und sozialen Modernisierung. Zeitweise müssen sie beschleunigt werden, damit Europa den unverwechselbaren Charakter seines Entwicklungsmodells bewahren und zugleich erneuern kann.

4. Der europäische Osten antwortet auf die sich verdichtenden Integrationsräume des europäischen Westens widersprüchlich. Die unmittelbar angrenzenden Räume werden in seinen Sog gezogen und beginnen, sich als Teil der Integration zu verstehen. Einerseits stabilisieren die neuen Parteien dadurch ihre neu begründete Staatlichkeit, die sie andererseits zu einem erheblichen Maß im Integrationsprozeß verlieren. Jedoch erkennen sie dabei, daß sie mit der wachsenden Einheitlichkeit ihre Souveränität, ihre regionale Identität und kulturelle Autonomie neu begründen können. So wird Zivilität und Modernität gewonnen.

5. Von Westeuropa weiter entfernte Räume im europäischen Osten schwanken zwischen der Idee, eine eigene Antwort der Integration zu suchen, die sich manchmal als konträr zum «Westen» stehend definiert und einem überspringenden Integrationswunsch.

Beide Reaktionen versprechen auf überschaubare Zeit keinen durchschlagenden Erfolg. Auch sind die bislang angebotenen Integrationsebenen, wie der Europarat und die OSZE, obwohl unverzichtbar, zu schwach dimensioniert, um die Sogwirkung der Europäischen Union ersetzen zu können.

6. Allerdings werden die «neuen» Mitgliedsländer der EU Polen, Tschechien und Ungarn ihr Interesse, nicht Grenzländer zu bleiben, als Motoren der weitergehenden Integration einsetzen. Weitere Kandidaten werden sich qualifizieren und die Integrationsräume Schritt für Schritt erweitern. Werden die Kriterien des Aquia Communautaire gewahrt, müssen die Türen für weitere Nachfolgestaaten offen bleiben.

7. Wo wird die Europäische Union enden? Im historischen Prozeß bleibt diese Frage offen. Ohne Zweifel ist, daß alle europäischen Staaten, die bereit sind, ein gemeinschaftlich fest-

gelegtes Set von Kriterien zu erfüllen, Mitglied der Europäischen Union werden können. Das muß auch für die Rußländische Föderation gelten. Wird die Rußländische Föderation getragen von einer aktiven zivilen Gesellschaft, die sich an den gesamteuropäischen Werten Freiheit, Gerechtigkeit und Solidarität orientiert und Demokratie und Menschenrechte, individuelle und soziale Selbstbestimmung realisiert, hat sie das gleiche Recht, wie jeder andere europäische Nationalstaat. Bis zu diesem Zeitpunkt sollten die zivilen Gesellschaften Europas ihre Chance nutzen, sich im wechselseitigen Dialog sich zu verständigen.

В. П. Любин

РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ: ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ В XX ВЕКЕ

Россия, Германия и Италия — три крупных страны в Европе, имеющих немало общего в своей истории и прежде всего истории самой последней, истории XX века. К концу века эти государства подошли в разном состоянии. На первый взгляд у них больше различий, чем сближающих черт. Тем не менее, как свидетельствует современная статистика, именно Германия и Италия являются крупнейшими торговыми и экономическими европейскими партнерами России. Один лишь этот факт заставляет задуматься над исторической и политической природой такого явления, искать сходства, доминирующие над, разумеется, немалыми расхождениями, находить скорее общее, чем отличающееся в национальных менталитетах, в том историческом «бэкграунде», что способствует ощущению, до сих пор слабо осознаваемому исследователями — историками и политологами — сближению данных стран в конце XX века. Поиски в архивах, которые мне пришлось вести на протяжении последних лет, дают немалый материал, свидетельствующий о теснейших взаимоотношениях трех стран на протяжении этого века.

Недавние визиты в Россию (эти строки пишутся в конце февраля 1999 г.) возглавляющего в настоящее время государственные структуры Италии Массимо Д'Алема и вновь объединенной Германии Герхарда Шрёдера стали красноречивым подтверждением продолжения политики такого сближения и углубления существующего, в последнее время все более укрепляющегося взаимопонимания. Немаловажно то, что оба этих лидера духовно принадлежат к миру социалистической идеи, а возглавляемые ими партии — соответственно ДПС в Италии и СДПГ в Германии — совместно входят в Социалистический Интернационал.

Представляется особенно необходимым обратить внимание участников проводимой в Доме основателя российской социал-демократии Г. В. Плеханова конференции, посвященной историческим судьбам России, на то обстоятельство, что в ответ на заданный ему сразу же по прибытии в московском аэропорту журналистами вопрос, что он видит для себя главным в жизни, М. Д'Алема ясно и прямо заявил: «социализм» (что было по-видимому с немальным изумлением встречено настроенными ныне по большей части антисоциалистически российскими журналистами, не поторопившимися воспроизвести его слова в масс-медиа). А последняя программа СДПГ и еще более конкретный план — подписанное 20 октября 1998 г. коалиционное соглашение между правящими теперь в ФРГ социал-демократами и «зелеными» («Aufbruch und Erneuerung — Deutschlandweg ins 21. Jahrhundert»), положений которых обязан в своей практической деятельности придерживаться канцлер Шрёдер, несут в себе недвусмысленные черты по-современному понимаемого социализма (экологическая модернизация, социальная безопасность и модернизация социального государства, солидарная политика для всех поколений и т. д.).

Высказанные только что соображения, имеют отношение, конечно, скорее к публицистике, чем к науке. Если же обратиться к научному изучению причудливого переплетения исторических судеб трех стран и попытаться, насколько это возможно, спокойно и

взвешенно их переосмыслить, пользуясь проверенной методологией исторической и политологической науки, то может представиться такая картина.

Изначально не принадлежавшие к «ядру» современного капитализма, к которому ранее из крупных европейских стран — «великих держав» относили в первую очередь Англию и Францию, а в последнее столетие и США (именно с этими странами ассоциировалось, в первую очередь, понятие Запада), «периферийные», по отношению к западной метрополии, Германия и Италия и вовсе отнесенная не к Западу, а к Востоку Россия действительно имели немало черт сходства в своем развитии на протяжении последнего столетия. Разумеется, к его началу все три страны подошли, имея за плечами многовековой опыт исторического развития, скорее отличительного, чем объединяющего свойства, но тем интереснее и поучительнее рассмотреть некие общие для них в XX веке характеристики.

Одним из главных моментов в поиске аналогий исторических судеб трех стран при этом может служить присущее им всем искривление исторического развития в сторону тоталитаризма (семьдесят четыре года большевистско-коммунистического правления в России, двадцать два года фашистского и двенадцать лет национал-социалистского режимов в Италии и Германии). Почему данное явление стало характерным моментом именно в этих крупнейших «периферийных» европейских странах — вопрос, все еще не до конца изученный и требующий дальнейших углубленных исследований. Получившее широкое распространение объяснение, что такое искривление было вызвано потребностями ускоренной модернизации, верно по своей сути, но отнюдь не исчерпывающее. В нем во главу угла становятся прежде всего экономические моменты и положения, тогда как в тени остаются не только социальные, но и важнейшие для данного анализа национальные, культурные, социopsихологические и многие другие особенности. Часто забываются различия и своеобразие трех «totalitarizmов», их исторические корни в России, Германии и Италии, преломление пережитого исторического опыта в событиях XX века.

Действительно, если говорить о развитии капитализма, то эти три страны относятся к группе государств, пришедших «вторыми», и для того, чтобы сравняться с «первыми», им приходилось их «догонять», используя все возможные средства вплоть до сплочения национальных обществ под эгидой одной личности, одной партии, милитаризации экономики и общественных отношений. Их правящая верхушка посчитала, что именно диктатура, противопоставленная демократии (английской, французской, американской и т. д.), способна мобилизовать все силы и ресурсы с тем, чтобы придать ускорение развитию и нагнать ушедших вперед конкурентов в борьбе за первенствующие позиции в мире. Отсюда обращение к тоталитарным методам в поисках ускоренной модернизации.

Что касается идеологии, которой обосновывалось построение тоталитарного государства, то она во всех трех странах имела разные ипостаси. Советская Россия постепенно эволюционировала от лозунга мировой революции к построению социализма в одной стране, а в дальнейшем к иным идеологическим постулатам (хотя изначальный лозунг мировой революции на самом деле не снимался, а лишь модифицировался со временем). СССР — государство «победившего пролетариата» — со времен Коминтерна и до последних дней своего существования стремился проникнуть, если не в реально экономическом или военном, то по крайней мере в идеологическом измерении во все уголки земного шара. Фашистская Италия пытаясь сколотить из родственных по духу режимов «интернационал» и вернуть былое величие Римской империи, заявив о своих претензиях на господство в Средиземноморье. Нацистская Германия, создав тройственный блок — ось

Берлин-Рим-Токио, намеревалась достичь с его помощью мирового господства «третьего рейха». Она сравнительно легко разгромила свою главную европейскую соперницу Францию, тем же военным путем подчинила себе большую часть сухопутной Европы и бросила вызов англо-американской «талассократии» и мировому коммунизму. Внутренне по своим тоталитарным характеристикам три государства были похожи. Сходными не по своим внешним чертам, а по внутренним каркасам и направленности выглядели и идеологические конструкции, скреплявшие структуры тоталитарных государств. Во времена тоталитаризма во всех трех странах ускоренно менялись экономические и социальные структуры, происходило развитие в первую очередь индустрии за счет потери позиций аграрного сектора и превращение общества, в котором еще вчера преобладал аграрный, крестьянский компонент, в индустриальное.

В сфере международной политики все грандиозные проекты советской, немецкой и итальянской правящих верхушек переделать мир «под себя» в конце концов закончились известным провалом. Итальянский фашизм и германский национал-социализм рухнули под воздействием внешних факторов. Дольше всех в историческом времени удалось продержаться большевистской «утопии», тогда как ее фашистко-нацистские антагонисты с их «кантиутопиями» сошли со сцены гораздо раньше.

Италия и Германия, потерпев сокрушительное поражение в войне и вынужденные капитулировать перед лицом союзников по антигитлеровской и анти mussolinievskой коалиции (в первую голову это были СССР, США и Англия) вернулись на общий для большинства развитых стран путь демократического развития — правда, не без помощи извне — намного раньше, чем СССР/Россия, и в ходе процесса прогрессирующей демократизации добились заметных успехов в подъеме национальной экономики и повышения благосостояния. СССР же потерпел поражение в другой, длившейся почти полвека «холодной войне», развязанной против него западным блоком сразу же по окончании второй мировой войны. Хотя коммунистический режим в Советском Союзе оказался более прочным, чем тоталитарные режимы, установленные в Италии и Германии, его слом и запоздалый, без особого ума осуществленный последним коммунистическим руководством кругой поворот в исторической судьбе нашей страны обусловили ее нынешнее ущербно-плачевое состояние в конце века. В сравнении с Россией ее исторические побратимы выглядят на старте XXI века триумфаторами, быстро преодолевшими темные страницы своего прошлого и с новой энергией устремленными в будущее, а положение их населения, по меркам конца XX века, представляется более чем благополучным.

Во второй половине века возникают и усиливаются заметные и углубляющиеся в период после второй мировой войны различия. Италия и западная часть Германии — с 1949 г. FRG — примкнули к антисоветскому атлантическому блоку под эгидой США, получив от них немалую помощь в восстановлении экономических и государственных структур, тогда как восточная часть Германии — советская зона оккупации, с 1949 г. ГДР — получила поддержку СССР и стала составной частью образовавшегося под его эгидой социалистического лагеря, противостоявшего почти полстолетия западному блоку. Отзвуки этих разных, противоположных путей развития до сих пор ощущаются в ныне формально единой, но на самом деле все еще не объединенной до конца Германии. Наиболее же крупная часть расколившегося в 1991 году СССР — Россия — в ее нынешних, урезанных границах до сих пор находится в мучительном процессе поиска собственной идентичности. Не случайно, что понимание этих терзаний и наибольшее сочувствие к ним во внешнем мире мы встречаем именно со стороны в первую очередь Германии, затем и

Италии, прошедших через сходные унижения и острейшие кризисные ситуации полной хозяйственной разрухи во второй половине 40-х годов.

Сходство и различия исторических судеб всех трех стран подвергались анализу в целом ряде работ отечественных историков и представителей других научных дисциплин. Самые последние проведенные в нашей стране подобного рода исследования опубликованы, например, в вышедших в 1998 г. сборниках: «Россия и Германия», «Россия и Италия», «Россия и Германия в Европе».

В России приступили к серьезному сравнительному изучению присущего XX веку феномена тоталитаризма. Попытка создания первого посвященного этому явлению всестороннего научного труда предпринята учеными Института всеобщей истории Академии наук, издавшими год назад солидный коллективный труд «Тоталитаризм».

В феврале 1999 года в Институте Европы Академии наук был проведен «круглый стол», на котором были проанализированы выводы отечественной науки в исследовании феномена тоталитаризма, намечались новые пути его изучения (например, социopsихологический и ряд других нетрадиционных подходов).

Все же первые получившие широкое признание труды в этой области принадлежат немецким, затем итальянским ученым. Немецкие исследователи первыми в Европе приступили в развернутому изучению характеристик тоталитаризма. Изучались исторические предпосылки того, что происходило в трех странах в XX веке, исторические связи этих государств. Так, в Германии, под руководством недавно ушедшего из жизни Л. Копелева была начата научная работа по нахождению общих культурных характеристик и взаимосвязей в многовековой истории немцев и русских. В рамках этого коллективного труда, получившего название Вуппертальский проект, опубликованы первые тома.

В Италии также уделяется немалое внимание взаимоотношениям с Россией, широко ведутся исследования по ее истории, особенно XX века, хотя крупных фундаментальных работ издается меньше, чем у нас или в Германии. Немецкие и итальянские ученые широко исследуют взаимосвязи своих стран на протяжении столетия. Комплексного же труда по истории трех стран, их взаимосвязанном, пересекающемся трудном пути на протяжении этого века еще не создано. Так как в рамках данной научной конференции нет возможности дать развернутое обоснование необходимого, способного прояснить многие нерешенные проблемы и не выясненные вопросы исследования, приходится лишь концептивно обозначить направления возможного сравнительного исторического и политологического анализа путей развития указанных трех стран в XX веке.

* * *

В рамках такого историко-политологического исследования необходимо было бы подвергнуть изучению всю панораму их взаимоотношений, сравнить внутреннее развитие, приведшее к столь различным итогам в конце XX века. Конечно, исторически изучаемые страны развивались не в некоем вакууме, отгораживающем их от остального мира, а были его составной частью, что соответственно должно быть отражено в подобном анализе. Разумеется, следует дать критический обзор основных существовавших и существующих историографических и политологических подходов и концепций. Следуя принятому в профессиональной исторической науке хронологическому принципу, а в политологической науке выделению основных характеристик изучаемых структур и феноменов, необходимо осветить такие главные, на мой взгляд, моменты (специально выделяю эти разделы отдельными абзацами, в конце которых имеется датировка).

Капитализм, пришедший «вторым»: экономическое, социальное и политическое развитие трех стран, их позиции в ансамбле великих держав и взаимоотношения в начале века. Роль культуры и научных теорий в политизации масс. 1900—1914 гг.

Первая мировая война и ее последствия. Общественные надломы: революция в России и Германии, крах либерального государства в Италии. Выход на политическую арену широких масс. 1914—1922 гг.

Развитие в направлении тоталитаризма. Перестройка государственных и общественных структур: укрепление большевизма в СССР, Веймарская республика в Германии, первая стадия фашистского режима в Италии. 1922—1933 гг.

Организация тоталитарного государства, «Окончательная» победа социализма в СССР, приход к власти нацизма в Германии, укрепление фашистского государства в Италии. Советско-германский пакт 1939 г. и geopolитические изменения в Европе. Внутреннее сходство тоталитарных культур. 1933—1939 гг.

Вторая мировая война и роль в ней СССР, Германии и Италии. Напряжение трех обществ: война до победного конца. Победа СССР и ее цена, поражение и крах фашистского и нацистского режимов. 1939—1945 гг.

Послевоенный выбор. Продолжение строительства социализма в СССР, раскол Германии и избрание различных путей развития двух германских государств, создание демократической республики в Италии. Начало холодной войны и взаимоотношения четырех стран. 1945—1953 гг.

Оттепель в СССР и эрозия тоталитаризма, построение социализма советского образца в ГДР, укрепление демократии западного типа в ФРГ и Италии. Создание военно-политических блоков, формирование bipolarного мира и роль четырех стран в новой системе международных отношений. Возникновение ЕЭС и вклад в его строительство ФРГ и Италии. 1953—1964 гг.

Достижения реального социализма и иммобилизм государственных и общественных структур в СССР и ГДР, достижения демократии и динамизм в ФРГ и Италии. Рядка международной напряженности и позиций четырех стран. Научно-техническая революция и ее влияние на изменение структуры общества. Постиндустриализм западных обществ и исчерпание ресурсов общественного развития на Востоке Европы. 1964—1985 гг.

Перестройка в СССР и его распад, кризис в ГДР, рост экономического и политического влияния ФРГ и курс на объединение германских государств, итальянская демократия накануне кризиса. Роль СССР, ГДР, ФРГ и Италии в демонтаже bipolarного мира, окончании холодной войны и формировании нового мирового порядка. Взаимоотношения четырех стран. 1985—1991 гг.

Процесс трансформации и поиск идентичности в новой России, общественные последствия объединения Германии, кризис демократии и поиски выхода из него в Италии. Развитие межгосударственных и межобщественных отношений трех стран и их роль в мире на современном этапе. 1991—2000 годы.

Общее и специфическое в общественном развитии России, Германии и Италии в XX веке. Накопленный опыт и перспективы его использования. Прогноз развития трех стран в XXI веке.

Таковы, в главных чертах, возможные направления изучения предложенной тематики на стыке подходов, принятых в современной историографии и сравнительной политологии.

МАРКСИЗМ КАК НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА И ИДЕОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РОССИЙСКОГО ОПЫТА

1. История распорядилась так, что на протяжении всего XX в. судьбы России и марксизма переплелись теснейшим образом. Вначале марксизм (в русском его понимании) оказался заложен в основу беспрецедентного социально-исторического эксперимента в России. А исход этого эксперимента (в оценках лишь негативных его аспектов) послужил поводом для идеологического, политического отвержения, официального поношения марксизма как ответственного за попытку эксперимента, методы его осуществления и за результат. Системный кризис в бывшем СССР и современной России, кроме всего, привел за собой усиление духовного кризиса социалистической идеи в мире (именно усилением — сам кризис возник раньше по объективным причинам).

2. Российские ультра-радикалы и политические конъюнктурщики поспешили проигнорировать марксизм злом, преступлением, с которого и начались в XX в. все российские несчастья. Остается, правда, вопрос, почему же Россия из всего многообразия западных течений философской и общественно-политической мысли оказалась наиболее восприимчивая (и уязвимая для) именно марксизму. При этом адепты поверхностных подходов и скоропалительных приговоров не видят как минимум двух заключенных в их позиции мин замедленного действия. Обвинение во всех грехах марксизма и его последователей звучит с научной точки зрения ничем не убедительнее былых обвинений такого же плана в адрес самодержавия, помещиков и капиталистов. В обоих случаях объективные и сложнейшие социально-исторические процессы редуцируются до примитивнейшего субъективистского истолкования общественной жизни. Но главное, если стать на позицию «марксизм виноват», то где гарантия, что спустя некоторое время виноватой не окажется любая иная позаимствованная за рубежом концепция — демократия, рынок, либерализм и что угодно еще? Критериев-то нет, проблема обоснованности и жизнеспособности заимствований опыта и социальных рецептов извне научно до сих пор мало разработана.

3. Между тем вопрос об истолковании итогов взаимосвязи российского опыта с марксистским направлением научной мысли имеет принципиальнейшее научное, практическое и практическое значение. И дело не только в том, что сами основоположники марксизма, как известно, с большими подозрениями и недоверием смотрели на Россию своего времени, считали ее незрелой для социализма (такой зигзаг темы возвращает к субъективистской трактовке истории, но виноваты уже не марксизм, а его русские «фанаты»). Проблема серьезнее.

Политическое значение взаимосвязи (и ее истолкования) опыта России/СССР с марксизмом определяется прежде всего тем, удастся ли развернуть страну, общество, интеллигентскую и политическую элиты целиком и полностью в сторону идейно-политической реакции, или в обществе сохранится потенциал подлинно левого мышления и социальных действий. Можно утверждать, что пока общество и элита в целом не приняли ни лекарированного в конце 1991 г. шкурного антикоммунизма, ни официально навязываемого православия на службе кесаря, ни того, что в России принято выдавать за либерализм. Но политический спектр России на протяжении 90-х гг. начисто лишен левого фланга. Все наиболее заметные и значимые в нем силы — лишь разные группировки полити-

ческой и духовной реакции, что не может не иметь негативных последствий для внутреннего развития и международных позиций РФ.

Практическое значение осмыслиния проблемы «марксизм и судьбы России» связано с тем, какими видятся с позиций науки итоги 70 лет советской власти. Эти итоги примитивно объяснять как ошибку, отклонение, преступление — субъективные по природе проявления. Если как минимум три поколения родились, сложились, прожили в условиях советской системы, необходимо вести речь, самое малое, о серьезной социально-исторической мутации, отданные последствия которой (позитивные и негативные) далеко не самоочевидны. Лихость в оценке таких итогов, самонадеянная вера, будто прошлое можно по желанию отбросить, начав все с «чистого листа» обрекают страну на все новые приступы социальной «пысениковщины», итоги которых в силу избранной методологии преобразований (радикального волонтаризма) смогут со временем быть отброшены столь же легко, ибо подобный метод обладает непротротивительной психологической легитимностью.

4. Следует, видимо, различать место марксизма в познании и в практике. Первое обеспечивается любым результатом, в том числе отрицательным (в науке он тоже ценен). Второе зависит от баланса позитивных достижений и тех цены и издержек, которыми пришлось за эти достижения заплатить. Марксизм подвергается хуле и осуждению на том основании, что цена и издержки социального эксперимента в России оказались непомерно велики. Критика его как метода познания пока малоубедительна.

Не пытаясь оправдать преступления, коим нет и не может быть оправдания, в интересах научного анализа отметим следующее:

- СССР уже к рубежу 70-х гг. удалось выйти не только в положение второй сверхдержавы по критериям ядерной мощи, освоения космоса и т. п., но и войти в третью десятку стран мира по всей совокупности учитываемых статистикой ООН социально-экономических параметров. Ныне Россия безвозвратно простила со статусом сверхдержавы, держит на ниточке сохранившиеся еще технологические и научные возможности, сократившиеся на порядок, и откатилась на 73 место по социально-экономической классификации ООН;
- да, сталинские реформы 30-х годов (а это были именно реформы) осуществлялись жестоко и обошли стране примерно в 12,5 процентов ее населения. Но и петровские реформы осуществлялись столь же жестоко и обошли — любопытное совпадение! — примерно в те же 12,5 процентов тогдашнего населения. Стоило бы всерьез изучить причины, по которым определенный тип реформ обходится именно в такую долю населения; и по которым страна, «вырванная» к значительным для своего времени достижениям, затем столь же резко откатывается вспять в качестве развития и силе ее позиций в мире;
- к сожалению, пока никто и никогда не изобрел и тем более не осуществил в жизни без рисковых способов развития: издержки и плата за него есть всегда и везде. Их оптимизация требует, как представляется, переформулировки задач и стратегии развития (об этом ниже), и не может строиться на отбрасывании гипотез и опыта прошлого лишь в угоду политической конъюнктуре момента.

5. В познании марксизм стал первым опытом атеистического взгляда на природу и движущие силы общества, началом разрыва с исторически длительным религиозным этапом познания. Естественно, как такое начало, марксизм безусловно не мог быть и не был прав во всех его идеях и предположениях. Но он выдвинул макро гипотезу социаль-

но-исторического развития, которую предстоит проверять и уточнять еще многие десятилетия, если не века. И именно как такое начало он бесспорно имеет будущее, притом весомое, как минимум в процессе дальнейшего социального познания. При этом марксизм составил основу одного из трех взаимосвязанных направлений европейской мысли XVIII—XX вв., которые в совокупности сделали возможными нынешние уровни знаний и развития: христианско-нормативно-идеалистического, атеистически-марксистско-материалистического и христианско-позитивистско-прагматического (критерии выделения направлений понятны из названий).

6. Тезис «крайне философы только объясняли мир, теперь его предстоит преобразовывать» — ретроспективно это особенно ясно, — был выдвинут именно как философское осмысление открывающихся новых горизонтов познания и практики. Политическим лозунгом этот тезис стал заметно позднее, причем такое его превращение нельзя, на мой взгляд, списывать только на чьи-то невежество, фанатизм, революционный романтизм и любые иные субъективные качества. Есть определенная логика взаимосвязи познания и практики: выдвинутая гипотеза будет так или иначе подвергнута проверке. Формы такой проверки и ее потенциальная болезненность для общества зависят, в частности, от того, сколь всеобъемлюща гипотеза и какой объем знания разделяет ее и практику. Чем тоньше слой такого знания, тем более «грубой» вынужденно будет верификация. В данном случае гипотеза была максимально широкозахватной; уровень знания крайне тонок. Вряд ли разумно бросаться эмпирическим материалом, столь дорого оплаченным, даже не попытавшись всерьез использовать его для аналитического переосмысливания изначальной гипотезы.

7. Столь же закономерным было и обретение марксизмом идеологического качества. Дело не только в том, что сам марксизм откровенно стремился к этому. Гораздо важнее были иные факторы: объективная невозможность общественной жизни без идеологии как явления (идеология призвана дополнять наличные знания комплексом аксиоматических умопостроений, по сути веры, который дает психике человека возможность трансформироваться в поведение — отдельная, очень сложная тема. Идеология, лишенная аксиоматики и элементов веры, была бы теорией). Будучи глубоким отходом от религиозного миропонимания и познания, марксизм не мог тем самым не отринуть и многие, закономерно неприемлемые для него аксиомы религиозного мировоззрения (причем в вынужденной для него политической борьбе с реальным и сильным клерикализмом). Т. е. идеология марксизма как принципиально новой гипотезы должна была изначально включать особенно высокую долю аксиоматики, веры. И в то же время, выходя в жизнь, марксизм неизбежно попадал на почву религиозного по строю, образованию, всем основным компонентам сознания всех слоев общества. Это и предопределило превращение идеологии марксизма в неорелигию — стадия, неизбежная в исторической эволюции от религиозных сознания, миропонимания, познания к научным.

8. Воздействовать на явления и процессы объективного мира можно лишь в той мере, в какой они известны, поняты и доступны имеющемуся в распоряжении современников арсеналу средств. Даже в конце XX в. нигде в мире нет пока ни всеобъемлющих баз данных, ни операциональной теории мирового развития (и многих других, более частных теорий), ни средств и методов социальной инженерии, что позволяли бы уверенно строить жизнь и развитие общества в крупных (10 и более лет) масштабах времени, тем более управлять развитием (доступны влиянию и управлению отдельные, частные с исторической точки зрения ситуации и сферы). Но это означает, что развитие на макроуров-

не (в масштабах крупнейших стран, групп государств, мира в целом и на исторической шкале времени) пока стихийно. Человек в ХХ в. небывало расширил свои возможности влиять на это развитие осознанно и в желаемом направлении, в том числе благодаря опыту СССР и России. Однако его возможности отдаленно не приближаются к тому, чтобы устранить саму стихийность социально-исторического развития, заменив ее управляемостью. В то же время новые масштабы активности общества делают проявления стихийности более сложными, отложенными во времени и трудными для распознания и признания, в том числе и политически. На мой взгляд, события в СССР и России после январского 1987 г. пленума ЦК КПСС (когда ход внутриэлитных процессов перестал подчиняться принятым ранее правилам игры) стали одним из проявлений подобной стихийности. Предпочитая любые субъективистские трактовки этих событий их научному анализу, мы увеличивали бы роль стихийности и масштаб ее последствий в будущем развитии страны.

9. Парадокс в том, что марксистские методы исследования по понятным причинам никогда не применялись для изучения бывшего советского общества. В анализе современной России они также не участвуют, но уже по иным причинам. Между тем все произошедшее в СССР и России после 1985 г. по-своему вполне закономерно и может рассматриваться как первая стадия собственной эволюции новой, общественно- (в отличие от частно-) -собственнической формации. В этом случае социально-экономическая эволюция постсоветской России и всего бывшего СССР начинает смотреться принципиально иначе, как некая аналогия с раннефеодальной Европой.

В пользу подобной гипотезы может быть высказано несколько соображений. Центральное из них следующее. Первый исторический цикл формационного развития сложился в условиях, когда население отдельных стран и мира в целом было еще невелико, и потому везде господствовали межличностные отношения. В современном мире с его шестью миллиардами душ, напротив, безусловно доминируют отношения подлинно общественные, межличностные вытеснены далеко на задний план. Новый раунд формационного развития возможен и теоретически должен наступить в условиях, когда основным субъектом развития становится уже не личность, но некое формальное образование — от корпорации до межгосударственной интеграции. Кроме того, формации (однажды возникнув) не сменяют жестко друг друга, но продолжают существовать, меняясь только ролью и значением.

Ныне представляется уже бесспорным, что формационный подход должен быть дополнен (но не заменен) цивилизационным. Но теория цивилизации не может основываться только на описании различий между конкретными цивилизациями. Она должна включать анализ механизмов становления и функционирования цивилизации (в отличие от социумов иных типов), и тут марксизм способен внести весьма ощущимый вклад методологий и теорий. Итоговая картина будет сильно отличаться от формационных схем XIX в.— но это нормально для науки.

10. Давно высказана мысль, что самое ценное в марксизме — его метод, а не конкретные схемы и решения, рожденные реалиями совершенно иного мира. Главное же в методе марксизма — сочетание принципов историзма, развития и системности при анализе явлений и процессов общественной жизни; нацеленность на выявление факта, природы и характера объективно обусловленных закономерностей социального развития на макроуровнях общества и времени. Между тем именно эти принципы сплошь и рядом

игнорируются при анализе отечественной истории советского периода, особенно 1969—1999 гг.

11. Российский опыт заимствования на Западе и воплощения в своем Отечестве (со времен Петра I, а возможно, и Крещения Руси) любых представлений, идей и концепций позволяет высказать одно предположение методологического характера. Все попытки реформ ориентировались на некие цели конкретно-прикладного характера — «прорубить окно в Европу», «разрушить до основания мир насилия», «войти в сообщество цивилизованных государств». Величие целей оправдывало применение таких средств, использование которых вело к нарастанию амплитуды шараханий от одних социальных рецептов, формул, решений к другим. В итоге потрясения в российской жизни становились все сильнее и глубже, а главное, каждое из них делало неизбежным качание со временем маятника социального развития в обратную сторону. Между тем методологически более корректным было бы сокращение амплитуды подобных колебаний. Равнодействующая исторического развития оставалась бы при этом прежней, но затраты и издержки на ее реализацию могли бы снизиться на порядки.

12. На мой взгляд, итоги российского и мирового опыта XX в. дают основания и возможности для развития марксизма на основе глубокого и честного марксистского же анализа бурных событий века с позиций и в категориях современной науки. Как методология науки марксизм не может не развиваться и способен это делать. Нынешний кризис социалистической идеи и марксизма — кризис их развития, а не катастрофа и крах. Выход из этого кризиса — в обновлении и развитии марксизма, в создании на его основе подлинно левого политического движения, желающего и способного служить обществу и каждому человеку, а не элите, власти и самому себе.

Н. И. Шашков

Г. В. ПЛЕХАНОВ: СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ ИДЕЯ ИСТОРИИ

1. Проведение в Санкт-Петербурге уже «V плехановских чтений» есть признание того, что, во-первых, теоретические разработки Г. В. Плеханова не стали достоянием только книжных полок библиотек и «грызущей критики мышей», но и ныне формируют самосознание российского народа; во-вторых, выдвинутые им идеи имеют актуальное значение для современной, оказавшейся в историческом тупике России; в-третьих, идеи марксизма, опираясь на которые Г. В. Плеханов дал глубокий и многосторонний анализ экономического, политического, культурного и т. д. развития России на рубеже XIX—XX вв., являются пока непревзойденными современной буржуазной общественно-исторической теорией.

2. Будучи потомственным дворянином, которому светило достаточно благополучное будущее, Г. В. Плеханов отказывается от него и 20-летним юношем становится на путь революционной борьбы (народничества), а в 1882—1883 гг. переходит на позиции марксизма, которые не покидает до конца своей жизни. Его не занимают вопросы личного благополучия, чем, кстати сказать, страдают нынешние российские «революционеры» типа Чубайса, Рыбкина, Немцова, Черномырдина и др. Вынужденный эмигрировать за границу, Г. В. Плеханов остается бескорыстным революционным борцом за благо российского народа и прежде всего пролетариата, в котором он увидел не только самую угнетенную и бесправную часть российского общества, но и ту социальную силу, за которой просматривается будущее истории.

3. Г. В. Плеханов — марксист не только и не столько потому, что он пропагандирует идеи Маркса, сколько потому, что он использует Марксову методологию при анализе социально-исторического процесса в России. Г. В. Плеханов историчен прежде всего потому, что он рассматривал общество не как нечто застывшее, но как постоянно развивающийся, в определенный период разделившийся на противоположные классы с противоположными интересами социальный организм; что существующие в нем идеи «не падают с неба, а вырастают из условий социального быта»¹; что между противоположными по своим интересам классами (равным образом и между идеями) не может быть согласия, но бескомпромиссная борьба, победа в которой принадлежит тому классу, который формирует и претворяет в жизнь передовые прогрессивные и, следовательно, революционные идеи, выражющие ход исторического развития человечества. Только эти идеи бессмертны. Все остальные, иронизирует Г. В. Плеханов, бессмертны только в том смысле, что будущий ученый найдет их на пыльных полках в какой-нибудь библиотеке². Когда ныне правящие силы России выступают за заключение между различными политическими партиями «согласия», они уподобляются волкам, требующим от своих жертв согласия на то, чтобы их съели.

4. Г. В. Плеханов — последовательный революционер, для которого народное благополучие — высшая цель. Но ее реализация возможна только через социалистическую революцию, через уничтожение буржуазной частной собственности на средства производства, являющейся той извечной первопричиной, которая одних делает эксплуататорами, а других — эксплуатируемыми, обреченными влачить жалкое, бесчеловечное существо.

ствование. Капиталистическая частная собственность все делает товаром, и человек — такой же товар, как и любая созданная им вещь. Все продается и все покупается.

Современная Россия вступила на путь реставрации капитализма, на путь контрреволюции, на путь обесчеловечивания человека, независимо от того, является ли он бизнесменом или представителем наемной рабочей силы. Наемный работник живет под постоянным страхом стать безработным и потерять тем самым свое главное человеческое свойство, свойство трудиться и жить результатами своего труда. Буржуа выводит свое «Я» за пределы самого себя и превращает его в капитал, сущность которого, в конечном счете, выражается в деньгах. Общим же для наемного работника и для буржуа является то, что они оба обесчеловечиваются. Отличие между ними состоит в том, что наемный работник осознает свое обесчеловечивание на собственной шкуре (в 1996 г. 81 % российских семей имели душевой доход ниже прожиточного минимума, а 61 % — ниже физиологического, следствием чего является рост смертности населения. В 1993—1994 гг. в стране число только русских сократилось на 1,7 млн. человек), а нынешний российский буржуа сознает пока еще только свою исключительность в «умении жить», хотя все его «умение» состоит только в «делании денег».

5. Г. В. Плеханов исходил из того, что руководящей идеей исторического процесса является идея социализма, которая «представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплуататорами народа»³. Но идея может быть реализована лишь при условии ее соответствия социально — политическим и экономическим закономерностям развития общества. Не случайно поэтому Г. В. Плеханов не принял большевистского переворота в России.

6. Идея социализма, осуществляемая в СССР, не увенчалась успехом. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо поставить два других: была ли Россия в начале XX в. готова к социалистической революции? Был ли в СССР построен социализм?

Марксизм выдвинул положение, что построить национальный коммунизм невозможно. Он может быть осуществлен во всех или в большинстве высокоразвитых в экономическом, политическом и культурном отношении стран. К началу XX в., Россия в число таких стран не входила. Октябрьская революция, которая, кстати сказать, по содержанию своему была буржуазной, победила потому, что большинство народа, особенно крестьянство, психологически отторгало тогдашнюю Россию из-за сложившихся в ней условий. Большевики обещали крестьянам землю, и они ее получили; большевики обещали мир. Мир был заключен. Народ ожидал, что и все остальные обещания большевики исполнят. Живя этими надеждами, народ пошел за большевиками.

Когда нынешние идеологи нарождающейся российской буржуазии во всем винят большевиков и оправдывают их белогвардейских противников, то они, мягко говоря, лукавят. В годы гражданской войны насилие совершалось с обеих сторон. Да и вообще, гражданские войны не знают ни правых, ни виноватых. Они знают лишь победителей и побежденных.

Был ли в СССР построен социализм в марксистском понимании? Скорее, нет, чем да. Уже в конце 80-х гг. существующий в СССР общественный уклад называли социализмом «казарменным», «феодальным», «тоталитарным» и т. д. В действительности же это была специфическая советская форма государственного капитализма. Государство выступало в качестве «всеобщего капиталиста». Все было огосударствлено, в том числе и люди. Но огосударствление, как отмечал Энгельс, есть «фальшивый социализм».

Уже с конца 20-х годов в России нарастало противоречие между идеей социализма и объективной действительностью, между настоящим и ожидаемым будущим. Противоречие нарастало, но коммунистические лидеры от Сталина до Черненко этого не понимали или не хотели понимать. В итоге, советская форма так называемого социализма рухнула.

7. Будучи революционером, Г. В. Плеханов неизбежно должен был стать марксистом при анализе общественных явлений. Общество разделено на классы, каждый из которых имеет свои интересы. Внеклассовых интересов не бывает. Политические партии крайних классов — буржуазии и пролетариата — выражают соответственно их интересы. В нынешних условиях целые государства и их конгломерации выражают интересы своей претендующей на мировое господство буржуазии. Это, прежде всего, США, Германия, Япония и др. Семь «цивилизованных» стран мира контролируют 80 % валового продукта всего мира.

В современной России существует множество политических партий и движений. Кроме известных (КПРФ, ДВР, НДР, ЛДПР, «Яблоко» и др.), возникают новые. Создатель финансовых пирамид Довгань, потерпев фиаско на ниве коммерции, решил стать политиком и рекламирует «Российскую партию Довгания»; в Костромской области однофамильцы Смирновы решили создать «Партию Смирновых»; неудавшиеся правительственные чиновники (Немцов и Кириенко) создали свои политические партии. Не будет удивительным, если возникнут другие, не менее одиозные. Существовала ведь «Партия любителей пива».

Все известные ныне партии и движения можно в основном разделить на два направления: а) буржуазное, независимо от того, выражают ли они интересы своей компартийской или международной буржуазии. К ним надо отнести ДВР Е. Гайдара, «Яблоко» Явлинского, ЛДПР В. Жириновского, НДР В. Черномырдина и др. О своей классовой принадлежности они не заявляют, прикрываясь общими словами о «демократии», «свободе», «цивилизации», как будто существуют абстрактные «демократия» и «свобода». Г. В. Плеханов отмечал, что в среде буржуазии «всякое упоминание о борьбе общественных сил стало теперь считаться неприличным»⁴; б) левое, выражющее в основном интересы попранного большинства народа (КПРФ, «Народовластие», РКРП, «Трудовая Россия» и др.). Между ними стоят «Отечество», Аграрная партия и др. мелкие партии.

Все партии буржуазного направления не знают и не выдвигают общечеловеческих идей, ибо буржуазия не знает ничего, кроме «голого интереса», бессердечного «чистогана». Она превратила личное достоинство человека и его свободу в «одну бессовестную свободу торговли»⁵. Правда, ее идеологи любят наряжаться в белые одежды невинности, ибо, писал Г. В. Плеханов, «люди, безнравственные на практике, часто любят нравственную теорию»⁶.

Отсутствуют общечеловеческие идеи и у левых партий, а выдвигаемые ими — либо абстрактны, либо устарели. Муссируется идея государственности. Но в России государство всегда противостояло интересам народа. Патриотизм? Но простой человек вряд ли менее патриотичен, чем некоторые политические лидеры. Национальная идея? Но что это такое? Это что-то расплывчатое и непонятное. Православие? Но, во-первых, русский мужик никогда не был истинно православным. Во-вторых, что же делать мусульманам и ламаистам? И Россия остается пока без политической и нравственной общеизначимой идеи. Народ разобщен и идеологически ослаблен.

8. Г. В. Плеханов видел будущее России в победе социализма, в установлении всеобщего блага и справедливости для трудового народа. Социалистическая идея в России не

осуществилась. Началась реставрация капитализма. Победит ли он? Сейчас складывается впечатление, что большинство народа его не принимает, ибо он оказался более бесчеловечным, чем существовавшая ранее советская форма социализма.

Примечания

- ¹ Плеханов Г. В. Сочинения. 3-е изд., М.; Л., 1928. Т. 3. С. 261.
- ² Плеханов Г. В. Сочинения. 3-е изд., М.; Л., 1928. Т. 3. С. 260.
- ³ Плеханов Г. В. Избранные филос. произвд. М., 1956—1958. Т. 1. С. 120.
- ⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произвд. М., 1956—1958. Т. 2. С. 177.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 4. С. 426.
- ⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. 3. С. 410.

СОЦИАЛИЗМ КАК ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА ДЛЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ И КОНЦЕ ХХ ВЕКА

В настоящее время всех волнует вопрос о том, что ждет Россию в ближайшем будущем. Но почти никто не рискует отвечать на него. Так мало вероятным кажется выход к достойной жизни.

По нашему мнению, для того чтобы понять, где находится выход из сложившейся ситуации необходимо в который раз ответить на вопрос, насколько закономерной была Октябрьская революция и последующее построение советского социализма.

В связи с этим, исключительно важным представляется анализ общественных позиций тех сил, которые решали вопрос будущего России в начале века.

Начало двадцатого века было отмечено для России рядом революционных потрясений. В этот период времени в стране слились в одну волну экономический, социальный, политический кризисы, охватившие все общество. Этот масштабный кризис был вызван научно-технической революцией, называемой модернизацией экономики. В конце XIX века Россия переживала развитие промышленности в соответствии с образцами западного капитализма.

Но проблема для страны заключалась в том, что осуществлялась эта промышленная революция совершенно в иных социальных условиях, чем на Западе, и основные силы, действующие тогда на исторической арене России, были носителями иных черт, чем аналогичные слои буржуазного общества Запада.

Российская буржуазия, скованная сословными рамками задержалась с развитием своего классового сознания. Она была экономически сильным, но несамостоятельным классом. Анализируя процесс развития русской промышленности и торговли, Г. В. Плеханов писал, что русское государство принесло много жертв, содействуя капитализму, эти жертвы приносились в нездоровой обстановке самодержавия, вследствие чего русские торговцы и промышленники «приобрели навыки, плохо уживающиеся не только с нуждами более широких кругов населения, но даже с правильно понятыми интересами промышленности и торговли»¹. Георгий Валентинович не однажды подчеркивал, что политическое сознание пробудилось у русского рабочего класса раньше, чем у русской буржуазии. Таким образом, буржуазия не была в России революционной силой. Это проявилось в 1917 году в ее неспособности создать политический строй на идеях буржуазной демократии.

Отличалось от западного и положение крестьянства. В России не произошло такого раскрепощивания, как это имело место на Западе. С реформой П. А. Столыпина не удалось создать на селе классовое общество в виде фермеров и сельских рабочих. Даже там, где в губерниях значительные наделы земли принадлежали крестьянским обществам и товариществам, было бы неправильно говорить о существенных изменениях сельского уклада России. Сословие крестьян сохранило особую культуру и мировоззрение, оно жило по нормам не буржуазного, а традиционного права с большим влиянием общинного права. Таким образом, около 80 % населения России (столько было крестьянства) пришло к февралю 1917 года имея мировоззрение совершенно не соответствующее буржуазному обществу.

Влиятельной силой тогдашней России была интеллигенция. Она восприняла западные либеральные и демократические идеи. Но интеллигенция не стала буржуазной. Социальная философия русской интеллигенции представляла собой сочетание идеалов свободы, гражданского общества с мессианским (религиозным) идеалом правды и справедливости, свойственным традиционному обществу. Очень характерным примером этого являются взгляды Н. А. Бердяева и М. И. Туган-Барановского. В работе «Воля к жизни и воля к культуре» Н. А. Бердяев писал, что «буржуазность есть рабство у тленна»².

М. И. Туган-Барановский — самый крупный экономист дореволюционного периода, во многих работах подчеркивал, что нужно учитывать не классовую, а общечеловеческую позицию, что объективный исследователь всегда станет на сторону рабочих, подвергаемых неравенству и угнетению. Естественно, с такими взглядами интеллигенция не могла взять на себя роль проводника буржуазной идеологии, буржуазного строя в России.

Рабочий класс России также сохранил в себе черты традиционного общества. Это произвилось в достигших высокой степени формах его рабочей солидарности и самоорганизации.

Важную роль в духовной жизни России сыграл марксизм. Его влияние испытывали все представители культурного слоя российского общества и представители многих партий. Даже те, кто впоследствии высказывал свое несогласие со многими постулатами марксизма, как правило, начинали свою научную и общественную деятельность в качестве его правоверных последователей. Среди них были такие религиозные мыслители как России как С. Н. Булгаков, С. Л. Франк. Притягательность марксизма, очевидно, объяснялась для многих его гуманистическими позициями, открывающими для России путь к ликвидации всевозможного угнетения и неравенства. Для многих марксизм стал философией социального оптимизма.

В таких условиях после Февральской революции в России появились параллельно два вида государственной власти — буржуазная и советская власть.

Российская буржуазия оказалась неспособной быстро поддержать и развить систему буржуазной демократии в России. Более того, она допустила развал экономики и голод в Петрограде.

Большевики в своей деятельности делали ставку на завоевание большинства в советах. В. И. Ленин в работе «Апрельские тезисы» выдвинул положение о том, что путь к социализму будет лежать не через полное развитие и исчерпание возможностей капитализма, а через его преодоление и опоре на советы.

Г. В. Плеханов справедливо указал, что такая трактовка сложившейся в России ситуации не имела никакого отношения к марксизму, поэтому и назвал «Апрельские тезисы» бредом. Однако в борьбе за советы большевики подняли вопрос о мире и земле, перетянув советы на свою сторону. Интересно, что когда апрельские тезисы 8 апреля обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков, против них проголосовало большинство. Однако спустя десять дней апрельская партийная конференция, в которой участвовали делегаты со всей России, поддержала Ленина. Очевидно, представители с мест более чутко улавливали возможность советов взять власть.

С августа 1917 года никаких иллюзий по поводу возможности демократического варианта событий у Г. В. Плеханова не осталось. Экономическая отсталость России, культурная отсталость масс, стремление их к непосредственному введению социализма — все это сделало неизбежным, по оценке Г. В. Плеханова, победу именно большевиков.

Произошло народническое перерождение марксизма, побеждал бакунинский, народнический вариант социализма.

Хотя Г. В. Плеханов и считал октябрьский переворот несчастьем для рабочего класса, он видел также и его неизбежность в сложившихся в тот период условиях.

В настоящий период, в конце XX века, Россия переживает очередной виток модернизации. Так же как и в начале века, он сопровождается сильнейшим цивилизационным кризисом. Сегодняшний кризис связан с потерей значительной части накопленных в советский период производительных сил.

В современных условиях основными слоями общества, от которых зависит исторический выбор будущего России, являются: монопольная олигархия, в значительной степени носящая характер компрадорской буржуазии, средний класс, обслуживающий олигархию, и народ, продолжающий нести в себе черты традиционного общества.

Буржуазия, получившая необъятную власть, как и в 1917 г., проявляет неспособность управлять страной в интересах развития ее производительных сил. Но на этот раз ситуация иная: Керенский и его правительство было демократическим, они не хотели военной диктатуры. Нынешняя буржуазия будет приветствовать корниловщину, натравливая ее на народ и считая, что сможет в итоге использовать военную диктатуру себе во благо. «Демократическая» российская интеллигенция утратила черты свойственные традициям подлинной, сохраняющей преемственность со своими культурно-историческими корнями российской интеллигенции. Сейчас российская интеллигенция скорее приобрела черты культурной элиты, обслуживающей интересы буржуазии. Народ, потерявший за короткое время все социально-экономические права, все более и более проникается убеждением, что изменить что-либо в свою пользу можно, только покончив с этой властью и перейдя на позиции социализма. Однако, как это можно сделать не прибегая к кровавой драме, похоже, не знает никто.

Неизбежен либо приход к власти жестко тоталитарного правительства, либо, что маловероятно, но все же возможно — консолидация всех «живых» сил общества ради осуществления задач выхода из кризиса.

Достойный выход из сложившейся ситуации, на наш взгляд, мог бы быть только один — обращение к традиционным ценностям нашего общества на социалистической основе и поддержка всех слоев, исповедующих эти ценности. Но переход к подлинной демократии и социализму теперь, в России конца века, так же маловероятен, как это было в его начале.

Примечания

¹ Единство. 8 августа 1917 г. № 110.

² Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 170.

ВЗГЛЯДЫ Н. С. РУСАНОВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Целью и смыслом жизни Н. С. Русанова, крупного политического деятеля и известного литератора, было служение социализму. В 1896 году в статье о Максе Верлене, он писал: «Каждый из нас,— с талантом и без таланта,— но должен выработать себе определённое общественное убеждение и неуклонно служить ему»¹. Эти слова, без пресувлечения, являлись его жизненным кредо.

Анализ обширного публицистического наследия Русанова показал, что он рассматривал содержание понятия «социализм» в широком и узком смысле. В узком смысле, это теория, «которая ставит во главу угла обстоятельства преобразования требование в меньшей мере перехода средств производства из рук частных собственников в руки целого общества и устранение конкуренции отдельных производителей путем планомерной организации общественного производства»². В широком смысле, под социализмом Русанов понимал мировоззрение пролетариата, которому, по его мнению, предстояло стать основной движущей силой будущего социального переворота.

Он был убежден в том, оба аспекта содержания понятия тесно взаимосвязаны: «увеличение роли сознания в жизни пролетариата, усложнение его психологии, рост идеальных моментов в потребностях отражаются в тех изменениях, которые пролетарий внесёт в своё социальное евангелие»³. Русанова, рассматривавшего социализм, как «явление живое и развивающееся»⁴, более всего интересовала его эволюция, её направление и результаты. Взгляды Русанова на эту проблему представляют собой оригинальную концепцию, затрагивающую среди прочих и вопрос об исторических перспективах России.

Выбор конца XIX — начала XX вв.— конкретно с 1895 по 1905 гг.— в качестве хронологических рамок работы обусловлен объективными причинами. Во-первых, на рубеже веков происходит переосмысление Русановым собственных позиций в решении вопросов теории и практики революционной борьбы. Во-вторых, в это время была написана серия статей теоретического характера, представляющих собой изложение русановского видения процесса развития социализма. Они были своеобразным итогом его размышлений и серьёзным вкладом в развитие русской общественной мысли. В-третьих, рассматриваемый период стал эпохой консолидации российских политических сил всех направлений. Объективно активная теоретическая и публицистическая деятельность Русанова способствовала образования партии эсеров. И, несмотря на это, его собственный путь к вступлению в эту организацию был непростым.

В 1990 году Г. Д. Алексеева, исследуя идейную эволюцию народничества в начале XX века, дала следующую характеристику взглядам Русанова на значение деятельности Н. К. Михайловского, явившимся важной составной частью его концепции развития социализма: «...Этот видный деятель народничества XX века в оценке Михайловского и его идейно-теоретического наследия стоял на позиции типичного народника либерала, для которого идеи Михайловского были вершиной теоретической мысли освободительного движения XIX—XX веков»⁵. Данный вывод представляется неверным, так как Ру-

санов, во-первых, никогда не был либералом. Во-вторых, в начале XX века он не считал себя народником⁶ и критиковал ряд положений доктрины классического народничества.⁷ В-третьих, оценку Русановым значения деятельности Н. К. Михайловского нельзя называть типичной, так он стремился синтезировать формулу прогресса, взгляды на роль личности в историческом процессе с некоторыми положениями марксистской доктрины. Русанов не просто сожалел о том, что текущая литературная работа не позволила Михайловскому обобщить собственные социологические наблюдения и выводы⁸, после его смерти в 1904 году он считал своим долгом и потребностью русской общественной жизни развитие идей Михайловского: «...Мне хотелось бы, ...привести в связь научные результаты, добывшие нашим социологом-философом, с результатами современной европейской мысли, хотя бы теми же Дарвином, Марксом, отчасти Авенариусом и т. п.»⁹. Таким образом, идеи Михайловского не были для Русанова вершиной теоретической мысли освободительного движения XIX—XX веков. Критически оценивая их значение, он рассматривал некоторые из них, подобно ряду положений марксистской доктрины, в качестве составной части социалистической доктрины будущего.

Появление статьи В. А. Твардовской и Б. С. Итенберга, посвященной поиску Н. С. —Русановым общественного идеала, изменению на протяжении жизни его отношения к марксизму, свидетельствует о преодолении сложившейся в отечественной историографии негативной оценки значения его деятельности¹⁰. В то же время необходимо дальнейшее изучение русановской концепции эволюции социализма, попыток её приложения к анализу особенностей российской действительности.

К основным историческим источникам, на основании изучения которых возможен анализ взглядов Русанова по названным выше проблемам, относятся его статьи «Наша программа», «Мировой рост и кризис социализма», «Эволюция русской социалистической мысли», опубликованные в журнале «Вестник русской революции» в 1901—1903 гг.; написанные в 1900—1901 гг. для сборника «На славном посту» и журнала «Русское богатство» научно-публицистические работы «Н. К. Михайловский как публицист и гражданин» и первая часть «Социологических очерков», с которыми читатели смогли познакомиться лишь в 1905 году из-за противодействия цензуры их появлению в печати; рукописи и эпистолярное наследие Русанова, хранящиеся в АДП РНБ, ИРЛИ, ОР РГБ.

Для Н. С. Русанова эволюция социалистических идей являлась составной частью процесса общественной эволюции. Движущей силой как человеческой истории, так и истории «мировоззрения труда» он считал изменение коллективной психологии или «коллективного сенсуализма». Этим термином Русанов обозначал «совокупность бессознательных полубессознательных, но всемогущих привычек, чувств, потребностей, аффектов, громадного большинства членов данного общества»¹¹. Он стремился доказывать, что данная совокупность чувств и потребностей является истинным «фундаментом» общества, на котором покоятся его экономическая структура.

Таким образом, суть процесса общественной эволюции, по Русанову, заключается в удовлетворении полубессознательных потребностей развивающегося коллектического организма, возникающих в результате его взаимодействия с внешней средой. Основными, при этом, являются не экономические, а общечеловеческие потребности. Из контекста русановских работ следует, что к числу таковых он, в первую очередь, относил стремление к созданию возможно более совершенных форм коллективного союза между членами общества, способствующих осуществлению знаменитой «формулы прогресса» Михайловского.

Не типичным и крайне важным для понимания особенностей концепции Русанова представляется его взгляд на значение развития производительных сил в процессе социальной эволюции. С одной стороны, под давлением потребностей человечество ищет наиболее эффективные способы воздействия на природу, формируя для этого так называемую искусственную среду, состоящую из орудий труда, инструментов, и вообще, техники и приёмов производства. В процессе усовершенствования искусственной среды происходит и осознание классовых интересов: «В интенсивно живущем капиталистическом обществе ... материальное ядро растет и развивается быстрее облегающих его слоев коллективной психологии, разрывает эту оболочку, производит нравственные пертурбации и выражается тогда в великих социальных задачах, всплывающих, наконец, на поверхности народного сознания»¹². Приписывая подобный ход рассуждений Марксу, Русанов был согласен с ним лишь отчасти. Не менее важная роль в его теоретических построениях отводилась интеллигенции. Деятельность «сознательного меньшинства», — считал Русанов, — в значительной степени определяет перевод бессознательных стремлений в сознательную область, «так как работа классового самосознания не может сразу с одинаковой напряженностью проявляться в голове всех участников переворота»¹³. Таким образом, производительные силы играют, по Русанову, большую, но не исключительную роль в процессе развития коллективной психологии, а, следовательно, и ходе общественной эволюции.

С другой стороны, «лишь высоко развитый машинный способ производства переложит бремя разделения труда с человека на искусственные органы его, проектируемые во внешний мир, то есть на орудия и инструменты труда, и даст возможность человеку систематически работать, переходя при помощи усовершенствованных машин к всевозможным занятиям, и оставаться цельным существом, упражняющим наибольшее число своих физических и умственных способностей»¹⁴. По мнению Русанова, в этих условиях общество в целом, состоя из «индивидуумов, отличающихся общим гармоничным развитием мускульной и нервно-мозговой системы», будет наиболее однородно¹⁵. Таким образом, на его взгляд, лишь учение о значении постоянно развивающейся человеческой технологии, может быть основой для обоснования знаменитой «формулы прогресса», созданной Михайловским.

Общественная солидарность, справедливое разделение труда, гармоничное развитие личности, «крупная форма хозяйства на началах общественных»¹⁶, совершенное машинное производство — причудливо сплетаясь, эти понятия составляли основу русановских представлений о социализме как грядущем социальном строе.

Н. С. Русанов не считал свои взгляды оригинальными теоретическими построениями. Своими работами он стремился рассеять сложившиеся в общественном мнении усилиями недобросовестных комментаторов и учеников-ортодоксов устойчивые заблуждения и стереотипы относительно взглядов Маркса, содержания концепции «русской школы субъективизма» и т. п.. Блестящий, по свидетельству современников, знаток иностранных языков и социалистической литературы, изучаемой в подлинниках, Русанов был убежден, что лишь знакомит российского «читателя-друга» с «настоящим» Марксом или «истинным» Михайловским, каждое положение подкрепляя ссылкой на конкретный источник информации или авторитетное мнение. И всё же, думается, что «очищенные от изгари и шлаков» доктрины были, по сути, собственно русановскими представлениями, своеобразным творческим переосмыслением идей, оказавших в разное время значительное влияние на формирование его мировоззрения.

Рассматривая вопрос о возможной будущности русского экономического строя, Русанов опирался, в первую очередь, на теоретические построения Маркса, считая, что «никакая иная школа не пыталась еще исследовать так глубоко закономерность смены в истории экономической организации»¹⁷. При этом он неоднократно оспаривал утверждение о том, что согласно теории Маркса ни одна нация, не прошедшая после общинного хозяйства стадии капитализма и сопровождающего его индивидуализма, не может расчленять на появление в ней каких-либо более совершенных форм общежития¹⁸. Он называл подобную точку зрения одним из «искажений» доктрины. По мнению Русанова, главной предпосылкой перехода России к социализму является не степень проникновения капиталистических отношений в её систему хозяйствования, а уровень развития капитализма в данное время во всем культурном человечестве, в целом. Такой подход был обусловлен его уверенностью в истинности марксистского положения о том, что «на капиталистической стадии общественно-хозяйственной эволюции процесс производства уже явно выходит из границ, представляемых отдельной нацией и распространяется на сферу международных отношений»¹⁹.

В своей основе на протяжении рассматриваемого периода взгляды Русанова на возможность установления в России нового социального строя не претерпели существенных изменений: «Очень может быть, что всей России будет еще далеко до фабричного котла, когда вопрос о замене частного хозяйства общественным встанет во всем своем мировом величии перед массами, охваченными идеями интернационального социализма. Глубокое расстройство мелкого хозяйства, которое, разрушаясь тут, однако заменяется капиталистическим земледелием; нищенское состояние мужика, крайне суживающее размеры внутреннего рынка, все это позволяет думать, что Россия будет застигнута социальным переворотом прежде, чем крупное капиталистическое производство преобразует все хозяйствственные отношения страны и проникнется во все каналы экономической жизни вплоть до земледелия»²⁰.

Рассматривая вопрос о возможных путях совершения «великого социалистического переворота», Русанов связывал их выбор исключительно с окружающими условиями, то есть с уровнем социально-экономического развития данной страны и степенью реализации политических свобод внутри неё. Не отрицая, в принципе, возможности решения проблемы социального переустройства в ходе общественной эволюции, «без кровопролития», он считал революцию в России неизбежной.

Цель революционного переворота Русанов видел в свержении самодержавия и создании условий для дальнейшего движения страны к социализму, при этом содержание и последовательность конкретных действий революционеров после прихода к власти им не рассматривались. В 1900—1901 гг. находясь под влиянием идей Огюста Бланки, он не исключал «возможность захвата власти и диктатуры революционной интеллигенции и пролетариата в центрах с целью дать толчок оппозиционному движению по всей стране»²¹. Основной движущей силой будущего переворота Русанов считал пролетариат. Соответственно, работа социалистов, по его мнению, должна быть направлена на сближение фабрично-заводского пролетариата, социалистической интеллигенции и пропаганду в войсках. Крестьянство, по его глубокому убеждению, сможет, в лучшем случае лишь поддержать революционные выступления в городах.

Исторической задачей страны, вступающей в XX век, Русанов считал сближение на почве единой, революционной программы всех активных элементов во имя победы над самодержавием²². Стремясь содействовать этому, он неоднократно призывал социали-

стов различных направлений к объединению и прекращению «братоубийственной полемической войны». Предложения Русанова оценивались неоднозначно как в лагере неонародников, так и в среде русских марксистов. Реакция лидеров последних достаточно подробно рассмотрена в уже упоминавшейся работе В. А. Твардовской и Б. С. Итенберга²³. В кругах социалистов-революционеров в начале XX века позиция Русанова и близких нему лиц характеризовалась как промарксистская и «анархистская», что привело к возникновению серьёзных разногласий между ним и рядом лидеров формирующейся партии. Прямыми следствием разногласий стал отказ Н. С. Русанова в 1902 г. от поста главного редактора созданного им при участии И. А. Рубановича, на средства М. Р. Года журнала «Вестник русской революции», косвенным — его временный выход в 1903 году из партии²⁴.

Сложные взаимоотношения Русанова с лидерами крупнейших отечественных социалистических партий были обусловлены своеобразием его представлений о тенденциях развития социалистической мысли, освободительного движения в целом и исторических перспективах России. Его общественно-политическая и публицистическая деятельность была направлена на развитие «мировоззрения труда» и его пропаганду среди трудящихся масс и интеллигенции, содействовала росту революционных выступлений в стране и установлению связей с европейскими социалистами. В период активного формирования российских политических партий деятели-теоретики, а именно к такому типу относил себя Н. С. Русанов, были наиболее востребованы объективными потребностями революционного движения. Благодаря этому, конец XIX — начало XX в. стал эпохой полного раскрытия всех граней личности Русанова как крупного политика и талантливого литератора.

Примечания

¹ Кудрин Н. Е. Из Франции // Русское богатство. 1896. № 1. С. 129.

² Н. С. Влияние западноевропейского социализма на русский // Минувшие годы. 1908. Май-июнь. С. 5.

³ Мировой рост и кризис социализма // Вестник русской революции. 1902. № 2. С. 86.

⁴ Тарасов К. Условия развития и цели социализма // Материалы для истории русского социал-революционного движения. Париж. 1893. С. 1.

⁵ Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX веке. Идейная эволюция. М.: Наука, 1990. С. 120.

⁶ ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 607. Л. 50.

⁷ Ярчайшим образом подобной критики является, которая хранится в АДП РНБ, рукопись неопубликованной работы Русанова «О значении так называемого народничества в умственном отношении. (Посвящается памяти М. Ю. Гофмана)». См. АДП РНБ. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 70.

⁸ ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 607. Л. 99 об.

⁹ ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 399. Л. 155 об.

¹⁰ См. Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. С. Русанов — искатель истины в социализме // Отечественная история. 1995. № 6.

¹¹ Мировой рост и кризис социализма // Вестник русской революции. 1902. № 2. С. 74.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Кудрин Н. Е. Н. К. Михайловский как публицист и гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 175.

¹⁵ Там же.

¹⁶ АДП РНБ. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 39.

¹⁹ Там же. Л. 42.

²⁰ Этьен Бюиссон Всеобщая стачка. С приложением статьи Н. Е. Кудрина Всеобщая забастовка. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. С. 7.

²¹ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: т. 1: 1900—1907. М.: Россизъ, 1996. С. 56.

²² Там же. С. 58.

²³ См. Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Н. С. Русанов — искатель истины в социализме // Отечественная история. 1995. № 6. С. 79—85.

²⁴ О временном прекращении членства в партии эсеров на начальном этапе её деятельности Н. С. Русанов ни разу не упомянул в своих воспоминаниях. Нами пока не найдено каких-либо сведений об этом в его переписке. Единственным источником информации являются показания И. А. Рубановича и Я. Л. Юдилевского судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа. (См. соответственно: ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 49; ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 59.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ (К 90-летию со дня выхода в свет статьи Иванова-Разумника «Марксистская критика»)

«Конец идеологии», определившийся в России со всей ясностью на закате XX столетия, свидетельствует не столько об изменении мировоззренческой природы общественного сознания, сколько о смене его определенных парадигм. Последний всплеск интереса к идеологии имел место во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., достаточно быстро превратив всю сферу общественного сознания в «частное дело» отдельных индивидуумов, в устах которых отсутствие мировоззрения декларировало себя набором тех или иных цитат — прокоммунистического или антикоммунистического содержания. Полная и окончательная победа pragmatизма и утилитаризма, структурно-функционального подхода (лишь иногда стыдливо прикрываемого фитовым листком «человеческого фактора»), официальный отказ от государственных идеологий, затем безуспешный поиск т. н. «национальной идеи» — все это явилось следствием изменения неких «правил игры», в соответствии с которыми всеобщие интересы государства, общества, коллектива, отошли на второй план, полностью уступив инициативу частным интересам и представлениям.

Сегодня, когда общественные идеалы остаются не востребованными, а интеллигенция как особая социальная группа с присущей ей сугубо обостренной реакцией на гражданскую, политическую проблематику по сути дела сходит на нет, «человек идеологический» (*Homo Ideologicus*) представляется существом почти реликтовым. Его поведение — скорее отчаянная реакция при помощи известных стереотипов приспособиться к ускользающей современности, чем вариант ее адекватного анализа. В настоящее время в обществе господствует т. н. «технологический человек» (*Homo Technologicus*), основные черты которого — pragматизм и эклектика, а главная функция — достижение неких, вполне конкретных целей, а не их объяснение. «Всеобщее» (замес всех идеологий) растворяется в его индивидуальном поведении практически без осадка: им интересуются постольку, поскольку оно касается собственной персоны. Объединяющими остаются лишь настроения, которые воплощаются прежде всего в моде, понимаемой достаточно широко как процесс объективированного подражания.

Можно видеть в этих объективных итогах «эпохи просвещения» запрограммированный результат, обусловленный той идеологией, которая до недавнего времени именовала себя господствующей. Известна критика большевизма, приводящего к революционному экстремизму; известна критика ленинизма, сталинизма, волюнтаризма и эпохи застоя как основания для поиска разного рода «правильных» идеологических парадигм. Менее известна современному читателю историческая сквачка двух идеологий — народнической и марксистской, которая в начале столетия во многом предопределила и сегодняшний рубеж.

Одним из ярких примеров идеологической борьбы начала века стала двухтомная «История русской общественной мысли» Иванова-Разумника¹, которая сразу же после своего появления осенью 1906 г. вызвала широкий читательский и критический резонанс.

Многие ведущие публицисты поспешили отметить это незаурядное идеологическое и критическое произведение, освещенное литературным талантом молодого автора. Безусловно, оно не могло не вызвать и своеобразный «девятый вал» встречных возражений. Изгоеи и Эллис, Франк и Волжский, Луначарский и Плеханов в разных изданиях, с разной степенью убедительности полемически отнеслись к «Истории», написанной с неонародническими позиций.

В двух летних книжках за 1908 г. (июньской и июльской) журнала «Современный мир» появилась пространная статья Г. Плеханова «Идеология мещанина нашего времени». Нет необходимости пересказывать здесь ее содержание: она неоднократно переиздавалась и, безусловно, знакома исследователям творчества великого русского марксиста. Менее известно, что Иванов-Разумник ответил на нее яркой полемической статьей «Марксистская критика» (1909), в которой изложил свои принципиальные позиции, от которых позже — в условиях победившего марксизма — не отошел ни на шаг².

Главное, что отличает народнические и марксистские взгляды, — это «вопрос о социальном и этическом значении и положении человеческой личности», иными словами, «антроподицес» — которая, будучи краеугольной темой русского народничества, полностью игнорируется русским марксизмом. С представителем враждебного мировоззрения, по мнению Иванова-Разумника, полемизировать не о чем: пустая траты времени и усилий. А вот сопоставить точки зрения на одни и те же общественные проблемы, подвергнуть теоретические взгляды «испытанию фактами» — это, несомненно, полезно и интересно.

Марксизм, для автора «Истории», имеет методологическое значение: не больше, но и не меньше. Так, приглашая в сентябре 1912 г. к сотрудничеству в «Заветах» критика П. - Н. Сакулина, Иванов-Разумник писал: «Конечно, я знаю, что Вы по взглядам склоняетесь к „марксизму“, а „Заветы“ — орган не марксистский. Но, во-первых, в журнале этом подчеркивается то общее, что есть между „марксистами“ и „народниками“, а не выставляется вперед их разрыв. Во-вторых же — „кое в чем“, конечно, мы не сойдемся, — но зато в остальном не будет разногласий. Пример: в октябрьской книжке „Заветов“ будет рецензия (не моя) на книгу Переверзева про Достоевского. Сказать много хорошего об этой книге — трудно; она пример того, как не надо подходить к Достоевскому, или, вернее, как можно подойти к нему с самой неинтересной точки зрения. В предисловии к ней Вы высказываете иное мнение, — тут мы не сойдемся. Но зато во всем остальном, то есть в вопросе о марксистской методологии в истории русской литературы, я не могу себе представить принципиального расхождения между нами»³.

Социально-экономическим критерием можно и должно измерять те или иные социальные явления, объясняя их природу, но сводить все многообразие проявлений человеческой духовности к этому «универсальному аршину» — плоско, нелепо и опасно. Марксизм игнорирует смысл явлений, событий, наконец, самой жизни. Марксистская «философия» (кавычки Иванова-Разумника) спотыкается о «простейший вопрос» — «зачем?»: зачем жизнь? зачем смерть? зачем сам человек? «В результате получается та ужасающая плоскость мысли, из которой не может выйти марксистская критика. И находясь на этих низинах мысли, не умея поднять голову вверх, могикане марксизма продолжают считать себя обладателями единой истины»⁴.

Что здесь больше: психологи, злого умысла или недостатка ума? Знают ли марксисты, куда они идут и куда ведут остальных? — Знают, ибо вполне отдают отчет о средствах и целях, соответствующих собственному пути. Их общественный идеал — не запре-

дельное «нечто», туманное и отдаленное. Это идеал романтиков самого разного толка, тогда как марксисты по своему мировоззрению являются реалистами, утверждающими, что социальные, экономические и политические изменения возможны и необходимы здесь и теперь, на этой земле. Но какое будущее они уготовили человеку и человечеству? Конечной формой марксистского социального идеала является *Zukunftstaat*, и ради этого «государства будущего» они готовы положить на алтарь все и, прежде всего, самого человека. Человеческая личность — всего лишь средство для достижения этой «последней» цели.

Именно здесь находится точка исторического раскола русской интеллигенции на народничество и марксизм: кажется, что их объединяет желание построить справедливое, бесклассовое общество (Иванов-Разумник называет это стремление общей «конечной целью»), но если для представителей народнического мировоззрения личность — исходный и конечный пункт маршрута к этому социальному целому, то для марксистов она только промежуточное средство достижения итогового состояния. Отсюда социально-этический характер раскола, который сами марксистские критики подменяют причинами социально-экономическими, объявляя своих идеологических противников представителями «мелкой буржуазии».

Принципиальным пунктом полемики стала высказанная Ивановым-Разумником еще в «Истории русской общественной мысли» (вслед за Герценом) профетическая мысль: социализм, оказавшись победителем, *неизбежно* выродится в мещанство. Именно эта позиция и вызвала наибольший вслеск критических возражений у русских марксистов: как так? на святое замахивается?! Необходимость в защите будущего общественного строя — анекдотична, она напоминает историю со старым цыганом и ребенком, спор которых о неукраденой еще лошади заканчивается тумаками от старого — малому. Так и «могикане от социализма» (выражение Иванова-Разумника, адресованное прежде всего Г. Плеханову) считают обязательным вставать на защиту будущего общественного устройства, защищая ни что иное, как собственные доктринерские представления. Для Иванова-Разумника, какими бы привлекательными ни были конечные цели, критерий их правильности — путь, и на этом пути главное условие продвижения вперед — это право революционного меньшинства восставать против догмы, обыденности и нормы, пусть даже таковыми станут святые марксистов — социализм.

«Марксистская критика» по своей стилистике — весьма едкое произведение. Язвительно полемизируя со своими оппонентами — Плехановым и Луначарским, отстаивая «демоническое начало критики и иронии» (Герцен), и отвергая «божественное начало догмы», автор адресует им иронические стрельбы, метко лечащие в цель, объявляя их марксизм «высохшим, догматичным, отмирающим, нетерпимым, по инерции выгоравивающим мертвым языком мертвые слова»⁵. Спустя полстолетия в высказывании другого нелицеприятного критика марксизма прозвучал исторический приговор, имеющий прямое отношение к судьбе идеологии в XX столетии: «Может быть, тридцать седьмой год и нужен был для того, чтобы показать, как малого стоит все их *мировоззрение*, которым они так бодро хорошились, разворашивая Россию, громя ее твердьни, топча ее святыни, — Россию, где им самим такая расправа никогда не угрожала»⁶.

Однако, нет ли в этих словах вообще приговора любой идеологии и любому мировоззрению, тем более, что и сам автор «Марксистской критики», будучи человеком с «мироповзрительным отношением к действительности»⁷, руководствовался принципами «духовного максимализма»? Собственные взгляды Иванов-Разумник называл «имманент-

ным субъективизмом», поясняя их требованием: «да будет воля моя». И хотя такая философская позиция, полагал он, близка к солипсизму и индивидуализму — пределам индивидуального поведения, скрывающим нигилизм и вседозволенность «подпольного человека», «имманентный субъективист» подполью индивидуального «я» предпочитает сотрудничество с миром других людей. Он наделен социальным чувством, позволяющим ему жить «во все стороны»: «Человек, который хочет воистину жить, должен вмешаться в самую „гущу жизни“, жить всем и во всем, не замыкаясь на голых вершинах религиозных или эстетических схем, лежащих вне жизни, вне красок мира. И еще одно должен выполнить человек, который хочет воистину жить: он должен *любить человека*».⁸

Истории отечественной культуры известны личности, которые оставили яркий след в XX столетии не только символами индивидуальной веры, сколько экзистенциальным подвигом во имя ее реализации. Действительно, Иванов-Разумник начинал как один из тех «русских мальчиков», которым все европейские гипотезы казались аксиомами, требовавшими безусловного «долженствования», которые, в конце концов, так и не поняли, что свойственные им одержимость и нетерпимость во многом вызвали дух революции. Они приняли эпоху перемен, окрыленные гуманными надеждами, надеясь на духовное преображение человека. Им, не помышлявшим ни о власти, ни о личном благополучии — воздалось сполна: по вере собственной.

Значительная часть жизненного пути Р. В. Иванова-Разумника совпала с индивидуальной историей типичного гражданина советского государства, которую можно описать как трагическое столкновение личности и среды, индивидуальности и государственной власти. В этом перманентно повторяющемся конфликте, кроме своеобразных «правил», диктуемых социумом, всегда присутствует и непосредственный выбор личности. Экзистенциальным ответом Иванова-Разумника на вызов исторических «обстоятельств» стало бесстрашие, объясняемое полнотой самосознания, принципом: все увидеть, все запомнить, все понять. Быть может, именно поэтому он и выжил, пройдя революцию, террор и войну, советские тюрьмы и немецкие лагеря. В «Дневнике» К. И. Чуковского запечатлена оценка итогового труда Иванова-Разумника — мемуаров, посмертно изданных в Нью-Йорке в 1953 году: «...„Тюрьмы и ссылки“ — страшный обвинительный акт против Сталина, Ежова и их подручных: поход против интеллигенции. Вся эта мразь хотела искононить интеллигенцию, ненавидела всех *самостоятельно думающих*, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех, ибо если из миллионов ими замученных из их лап ускользнет один, этот один проклянет их навеки веков, и его приговор будет признан всем человечеством».⁹

В этой финальной трансцендентности, объясняющей «имманентный субъективизм» и «духовный максимализм», безусловно, есть своя правда. Но, быть может, читателю мемуаров Иванова-Разумника откроется и другой смысл его судьбы, равно как и судьбы мировоззрений в XX столетии: главным и подлинным итогом проживаемого и осознаваемого пути является сам путь, в данном случае значимый не завершающей «объективной» оценкой, а вечным вопросом о праве человека на сопротивление и изменение реальности, о границах этого права и о субъективной человеческой правде, его объясняющей. Объявляя в 1909 г. смерть «ортодоксального марксизма», Иванов-Разумник писал в заключительных строках «Марксистской критики»: «...было и прошло старое народничество, был и прошел ортодоксальный марксизм — остались одни развалины. Но снова и снова будет человечество строить на развалинах старых теорий и верований новые учения и системы, снова и снова ценные элементы старого будут входить в новые воздвига-

емые здания; разрушение и гибель старого должны придавать человеку новые силы для новой постройки, для нового стремления вперед»¹⁰.

Примечания

¹ См.: *Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.* В 2 т. СПб., 1907.

² Ср. с «протоколом допроса обвиняемого Иванова Разумника Васильевича от 4 февраля 1933 г.»: «Я не марксист. В области идеологии стою на позиции народничества. Идеологией народничества проникнуты все мои научно-литературные и политические труды». — Архив ГПБ. Ф. 16. Следственное дело Иванова-Разумника. Л. 7—8.

³ РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 361. Л. 52.

⁴ *Иванов-Разумник. Литература и общественность.* СПб., [1911]. С. 116.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования // Новый мир. 1989. № 8. С. 75.

⁷ Подр. см.: Белоус В. Г. «Скифское», или Трагедия «мировоззрительного отношения к действительности» // Звезда. 1991. № 10. С. 158—166.

⁸ *Иванов-Разумник. Заветное.* С. 119.

⁹ Чуковский К. Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 318. (Запись от 16 июня 1962 г.)

¹⁰ *Иванов-Разумник. Литература и общественность.* С. 194.

РОССИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА В МЕМУАРАХ ИСТОРИКОВ

Мемуары профессиональных историков весьма немногочисленны. Тем больший интерес представляет то, что многие из них были написаны под влиянием исторических перемен в судьбе России, начавшихся с приходом XX века, изменивших состояние власти, ее взаимоотношения с обществом и, как следствие, привычный уклад жизни людей.

Свои воспоминания об этом времени оставили Н. И. Кареев (1850—1931), П. Н. Милюков (1859—1943) и А. А. Кизеветтер (1866—1933), включив их в обширный текст воспоминаний о прожитой жизни.

Впечатления о смысле и значении событий начала XX века в судьбе России отразились в записках С. Ф. Платонова (1860—1933) и И. М. Грекса (1860—1941) о студенческих кружках и обществах в Петербургском университете в 80-е годы XIX в., написанных и изданных примерно в одно и то же время (1918 и 1921 гг.).

Рассуждения о зависимости судьбы историка от перемен в жизни общества присутствуют в мемуарах об А. С. Лаппо-Данилевском (1863—1919), написанных и опубликованных вскоре после его смерти в 1920—1922 гг. Авторы этих мемуаров — коллеги и друзья А. С. Лаппо-Данилевского (И. М. Грекс, А. Е. Пресняков, А. А. Кизеветтер), студенты-историки и философы (С. Н. Валк, Б. А. Романов и др.) не только запечатлели облик ученого, его научные интересы, систему и методы его преподавания, но и отношение историка к своему времени.

Мемуарные свидетельства о России начала XX века можно найти и в публицистических работах историков, например, В. И. Герье (1837—1919) о Государственной думе, Н. А. Рожкова (1868—1927) о революции 1905 г., в биографических заметках А. Е. Преснякова (1870—1929) о литературе, посвященной революционным событиям 1917 года.

Общим и очевидно наиболее характерным именно для мемуаров историков является не только воспроизведение прошлого в лицах и событиях, но, в силу особенностей профессии, желание объяснить, углубить, уточнить то, что сохранила память. Вместе с тем именно мемуары историков свидетельствуют о сомнениях по поводу того, насколько и как можно вводить в их текст возникающее со временем более ясное понимание смысла событий, их причинной связи и возможного влияния на ход истории. Наиболее пространные рассуждения об этом содержат мемуары П. Н. Милюкова, который отмечал, что положение историка-мемуариста отличается от положения рядового наблюдателя, для которого вновь происходящее представляется часто неожиданным, тогда как для историка оно может быть частью прежде развивавшегося и продолжающего развиваться процесса. Поэтому П. Н. Милюков старался, как он писал, «наочно подчеркивать пределы ограниченности своего прежнего кругозора», который постепенно расширялся по мере того, как выстраивалась общая цепь свершившихся событий¹.

Не менее сложным был вопрос, с которым обычно считают возможным обращаться именно к историкам и чаще всего в кризисные моменты: насколько анализ и знание прошлого позволяют понять, каким может быть или будет будущее. По мемуарам Н. И. Кареева, подобный вопрос ему задавали и в начале войны, в 1914 г., и как только началась революция в 1917 году. Как подчеркивал Н. И. Кареев, он обычно отвечал: «...история —

зеркало, хорошо ли, дурно ли отражающее то, что было, но тотчас же покрывающееся матовым налетом, как только оно бывает обращено к будущему». Правда, в связи с этим все чаще задавали и другой вопрос: «К чему же существует эта ваша наука, и неужели вы не жалеете, что потратили жизнь на занятия такой бесплодной наукой?»² Мемуары историков убеждают в том, что они были верны идеи ценности знаний как такиховых, не отрицая их значения в практическом плане. Н. И. Кареев писал, что он «уже давно был убежден, что знание само по себе может носить свою цель — удовлетворение потребности в знании и понимании, и отнюдь никогда не считал такое знание, „чистое знание“, бесплодным и в практическом отношении. Знание жизненного опыта учит тех, которые хотят у него учиться, учит и исторический опыт»³. Такие убеждения позволяли историкам — мемуаристам по-особому оценивать события текущей жизни, не участвуя в них, оставаясь просто зрителями или даже узнавая о них только из газет. Профессиональная деятельность формировалась, по словам Н. И. Кареева, «не практика текущей жизни с ее злобами дня, а человека книжного, чисто кабинетного ученого, взирающего на жизнь через призму научной теории, хороша ли или дурна эта теория»⁴. Возможно именно поэтому мемуары историков оставили нам не только описания событий и впечатлений от них, но и обобщающие характеристики времени с позиции как современников, так и ученых. При этом как-то иначе, иногда и более убедительно, начинают звучать те или иные оценки положения России в конце XIX — начале XX века, в общем, несмотря на другие высказывания в литературе 90-х гг., являющиеся традиционными для современной исторической мысли. Например, только как современник и вместе с тем как историк Н. И. Кареев мог написать: «Кто начал жить сознательно жизнью в шестидесятых-семидесятых годах минувшего века, тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неудержимый поток длительная западно-европейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги общества»⁵. С точки зрения историка и современника было ясно, что «русская политическая, интеллигентская и экономическая жизнь развивается в направлении все более и более назревавшей революции»; она явилась «законосообразным моментом нашей исторической эволюции, ее неизбежной неотвратимой стадией, потому что предотвратить ее могло бы только чудо — отказ царя от самодержавия, а высших сословий от привилегий, но и это чудо, в сущности, повлекло бы за собою тот же самый результат»⁶. Это было, как подчеркивал Н. И. Кареев, уже совершенно очевидно в первые месяцы войны, начавшейся в 1914 г.⁷

С этими оценками созвучно мнение А. Е. Преснякова о том, что к 1917 г. Россия «стояла на распутьях над развалинами старой государственности, рухнувшей накануне революции по внутреннему бессилию, над наследием старой власти, которого — и в этом был трагизм положения — некому было подобрать»⁸. Конкретные черты этого трагического положения были отчетливо видны в начале XX века. Их назвал В. И. Герье, неудовлетворительно оценивая итоги деятельности первой Думы: недовольство народа и растерянность власти; «экономическая рознь», позволявшая революционной агитации вбивать клинья в государственность; вражда к этому строю народностей, «угнетенных чужими, и терроризованных своими», но главное — «растерянность русского общества от долгой приниженности, порождавшей равнодушную покорность, а с другой стороны, необузданное своеование при первой возможности»⁹.

Осознавая и переживая трагизм своего времени, историки — мемуаристы стремились в отношении к нему подняться на уровень теоретического осмысления и анализа. А. Е. Пресняков оценивал время 1917—1920 гг. как эпоху глубоких политических и со-

циальных переворотов, которые позволяли их характеризовать как «опытные лаборатории исторического сознания», в которых «отчетливо и выпускно выступает в бурном брожении общественных сил внутренняя структура общественных отношений, обнажаются основные факторы исторического процесса»¹⁰, что в итоге позволяло глубже понять прошлое и соотнести его с настоящим. По мнению А. Е. Преснякова, переживаемый Россией кризис по глубине и масштабности можно было назвать уникальным в истории человечества — он завершил «вековое перерождение общественных отношений и давно начавшийся распад форм старой культуры»¹¹. С учетом этих суждений достаточно упрощенной представляется постановка вопроса к историкам того времени об отношении к революции в форме: принял или отверг. Как историки, они сознавали историческую неизбежность происходящего; как современники, они не могли не ощущать трагизма того, что происходило на их глазах и с ними, как не могли и со всем соглашаться. В связи с этим понятно замечание А. Е. Преснякова о том времени: «взбудораженное сознание современников жадно, хоть и растерянно, ищет разумения „переживаемого момента“»; многим Русская революция представлялась явлением «до крайности „стихийным“, а потому и непонятным»¹².

Из названных историков политическую деятельность постоянно вел П. Н. Милюков, ставший с октября 1905 г. лидером кадетов; А. А. Кизеветтер, несмотря на активное участие в избирательных кампаниях в Думу и в деятельности партии кадетов, не испытывал к политике, по его словам, «внутреннего вкуса» и «непосредственного влечения», но считал для себя необходимым участвовать в ней в сложные периоды общественной жизни;¹³ Н. И. Кареев, став членом партии кадетов в годы первой русской революции, отошел от политической жизни после 1907 г.; В. И. Герье в 1906 г. присоединился к октябристам, полагая, что свобода в России сможет развиваться только на основе самоограничения самодержавия и либерализации местного земского самоуправления.¹⁴ Независимо от политических убеждений общим для мемуаристов — историков было неприятие тенденций и фактов разрушительного характера в культурной и научной жизни. Их угнетали «до мучительной непереносимости» факты разрушения и отрицания культуры и науки, когда «поход против устарелых форм» творчества принимал характер похода против науки и культуры вообще, а научная деятельность, особенно в представлении широких народных масс, «низводилась на степень праздной забавы или преступного уклонения от иной, настоящей работы».¹⁵ Это давало основание для пессимистических оценок. И. М. Грэвс писал в 1918 г., что вторая революция (после Февраля) показывает, «как гибнет свобода, когда стихия душит культуру».¹⁶ С. Ф. Платонов подчеркивал в 1921 г.: «Вывеской и декретами университеты не создаются и не пересоздаются. Их растит и питает культурная почва и их росту не следует мешать».¹⁷ С горечью И. М. Грэвс в 1920 г. оценивал общее настроение: «...жизнь наша, будто отвергнувшая старую историческую неправду, все же жестоко удалилась от правды истинной во многом...».¹⁸ Особенно тяжело многие переживали крушение идеалов, определявших жизненные правила и принципы. Называя себя и многих своих друзей и коллег «горячими идеалистами», И. М. Грэвс, поясняя эту мысль, писал: «Мы высоко ставили культуру и личность, признавали великими путями для их развития науку и просвещение, чужды были неподвижного догматизма, почитали свободу и терпимость единственными достойными средствами достижения целей прогресса человечества».¹⁹ Реальная жизнь, во всей ее сложности и противоречивости, не позволила осуществиться этим идеалам.

Примечания

- ¹ Милков П. Н. Воспоминания (1859—1917): В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 131—132.
- ² Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 289—290.
- ³ Там же. С. 290.
- ⁴ Там же. С. 288.
- ⁵ Там же. С. 289.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 271.
- ⁸ Пресняков А. Обзоры пережитого // Дела и дни. 1920. Кн. I. С. 351.
- ⁹ Герье В. Первая русская Государственная Дума: Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 116.
- ¹⁰ Пресняков А. Обзоры пережитого. С. 346.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881—1914. М., 1997. С. 466.
- ¹⁴ Герье В. Первая русская Государственная Дума. С. 117—119.
- ¹⁵ Хроника / Под ред. Н. П. Черепинина // Дела и дни. 1920. Кн. I. С. 497.
- ¹⁶ Грэвс И. М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 2. С. 43.
- ¹⁷ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 133.
- ¹⁸ Грэвс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский / Опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 46.
- ¹⁹ Грэвс И. М. В годы юности. За культуру. С. 43—44.

Jaap Kloosterman

BETWEEN LIBERTY AND ACTION: MIKHAIL BAKUNIN'S INTERNATIONAL BROTHERHOOD

Mikhail Bakunin, one of the founders of anarchism, inspires contradictory feelings. To some, he is a historic champion of liberty. To others, whether inspired by Karl Marx or Fedor Dostoevsky, he was a dangerous authoritarian, who perpetually tried to dominate people, most notably within the nascent international labour movement. It is possible, indeed easy, to find ample evidence in support of either opinion. Yet this creates a problem instead of solving one. How can the conflicting elements be reconciled? After a century of polemics it is manifest that the answer will not come from unearthing still more historical details. Rather than digging deeper, it seems one should look over the top of the pit.

The key lies in the organizations where Bakunin's ideas confronted reality — the more so since he himself founded most of them. He did so in three spurts. The first one took place in 1848—49, when he was involved in nationalist-democratic movements in Central Europe. The second one, after a 12-year interval spent in prisons and Siberian exile, is related to his activities as a revolutionary panslavist in 1862—63. Finally, after the defeat of the Polish insurrection, he started to organize groups from a far broader revolutionary perspective in successive versions of what we shall generically label the International Brotherhood. Albeit poorly informed on his pre-1863 groupings we know that, like the Brotherhood, they took the form of a secret society.

Was this remarkable? The short answer is that in the late 1840s everybody with a program as radical as Bakunin's had been organizing secret societies for decades — partly under the false impression created by enemies of the French Revolution that Masonic lodges had played a major role in bringing about the fall of Throne and Altar. So there was a fair amount of relevant knowledge and know-how available. Nor were there obvious alternatives. Besides, the closed, hierarchical structure of the societies and the way they recruited adherents was particularly well suited to counter the problems usually faced by new organizations, such as the precarious relations of trust among members and the high costs in time, conflict and efficiency associated with the need to learn new roles.

Anarchism

That might have been much of the story had Bakunin not from 1864 on gradually elaborated a clearly anarchist program. In this way, the Brotherhood became one of the first anarchist organizations in history. With hindsight we know that it was also the first exception to a rule.

In view of the great variety of anarchist ideas, there are surprisingly few types of organization that anarchists resort to. Though certain «propagandists by deed» have founded conspiratorial groups, the dominant model is the circle, which may or may not take on more formal contours, or even become part of a loose federal structure, but is invariably based on firmly egalitarian principles. These circles are sects in the sense of Max Weber, if one discards the religious connotation. Regardless of its size, the sect is the «selection instrument that separates the qualified from the non-qualified¹. It is home to an ideological elite.

Circles are very good in organizing equals who passionately share the same ideas. That's why many anarchist groups have been paragons of solidarity. But circles can be very bad at making decisions. Decision-making is commonly the province of the general assembly, and

since a majority vote is often considered repressive, unanimity is the norm. As a result, a conflict easily lames the organization or provokes a split. One solution is to make an eminent interpreter of the group's creed «more equal than others». Decisions are then reached by deferring to his charismatic authority. This system seems to obtain in many egalitarian organizations, and is widespread among anarchists. One only has to think of the role played by Petr Kropotkin, Elisée Reclus, Ferdinand Domela Nieuwenhuis and others, who were revered like idols in their milieu. Of course tensions persist. Although the anti-authoritarian authority usually has remarkable leeway in redirecting the group, he may violate unwritten rules, as Kropotkin experienced when he took sides for the Entente in 1914. Other difficulties may arise from the frequent occurrence, in such circles, of an organizer who translates the ideas of the charismatic leader into practice, thus risking to be perceived as a bureaucrat.

All this is typical of sects. But the picture becomes more complicated if we look at the relationship between anarchism and revolutionary syndicalism, always a bit uneasy if only because of the presence of non-anarchists in the unions. This sometimes resulted in the formation of anarchist groups outside the unions, which tried to coach them in more or less forceful ways. The most famous case is the Federación Anarquista Ibérica (FAI) and its role vis-à-vis the Confederación Nacional del Trabajo in the 1930s. It is permissible, though, to consider the Brotherhood as a forerunner from the moment it made contact with the International Working Men's Association in 1867. It then turned, in Bakunin's words, into the «necessary complement» to the International. The latter was «to unite the working masses [...] in an immense and compact single body» by appealing to their material interests; the Brotherhood, which allegedly crystallized their ideas, was to give them «a really revolutionary direction»². Its program was by then solidly anti-authoritarian, but like the FAI the Brotherhood conceived of its realization by compelling a non-anarchist mass organization on an anarchist course.

Secret Societies

Scholars trying to make sense of the many secret societies found around the world, long ago noted that some of them are only with difficulty distinguished from sects. This can surely be said of a group of political organizations in late 18th and 19th century Europe. Differing from revolutionary conspiracies with relatively short-term goals like the Charbonnerie or the societies of Auguste Blanqui, this category has a carefully elaborated, universalist program that is expected to take a long or even a very long time to implement. The best-known examples are Adam Weishaupt's Order of the Illuminati, the later societies of Filippo Buonarroti, and the series of German leagues that culminated in Marx's *Bund der Kommunisten*. We do not know if Bakunin's earlier organizations belonged to the family, but the International Brotherhood certainly did.

The secret societies in this category are all based on a set of ideas that are felt to be true and essential to humanity. They are embedded in a concept of historical progress that makes their realization both scientifically certain and morally just. Since the future course of history is inexorable, the societies have the right to pursue it; and since it is desirable, they also have the duty to do so. As Sergei Nechaev, Bakunin's short-time companion, said of the dying old world, «Its end is inevitable, we must act to hasten that end!»³. The society is egalitarian, since all men are equal before the truth; but it is also hierarchical, since some men are closer to the truth than others. In the words of Buonarroti, «Many people want to overthrow the existing order of things; few rise to the ideas of the new social order»⁴.

For all its resemblance to a sect — for its leaders, too, constitute an elite strongly united by egalitarian ideas — the society's hierarchy sets it clearly apart. Gradualism is built into its

logic. Internally, it differentiates among grades roughly equivalent to Masonry's apprentices, fellows and masters, or, even more to the point, to the *audatores*, *credentes* and *perfecti* of Manichaeism: in the Communist League and Bakunin they take a geographical form rising from a local through a national to an international level. Externally, it creates or penetrates other, public organizations, which become in a way the society's lowest grades. Their purpose is to serve as propaganda channels, recruiting grounds and political instruments. This is the best place to observe the moral ambiguity of the society, which typically applies different standards of conduct to different people from the top grades down, and perpetually vacillates between educating and manipulating those who still live in error. For unlike the sect — the «visible community of the Saints», which is only moderately interested in proselytes⁵ — the secret society wants to mobilize the masses. Though based on ideas, its hierarchy is at the same time intended as a command structure for political action.

The contrast between secret societies and sects is also reflected in their institutional cultures. Whereas the latter are preoccupied with handling a strong inside-outside dichotomy, the former are chiefly concerned with up-down relations. They have to legitimate their existence as a hierarchy. Those at the top have to show how those at the bottom will profit from continued participation. In the case of our societies, the founder must be seen to be able to deliver the benefits that his theory promises to all members. Thus the leader and the led establish a charismatic interdependence, which is «much more basic than the obvious fact that no conspiracy can succeed without organization»⁶. This explains, incidentally, why the societies cannot be viewed merely as groups driven underground because of their exposure to risk.

Political Action

Contrary to what is sometimes suggested, a secret society is a strikingly rational institution: it is, after all, to a large extent consciously constructed. In our category of societies, this rationality is entirely focused on the question of power. The Brotherhood was not only to prepare the revolution, but to exercise an invisible «collective dictatorship» during and beyond the revolutionary process in order to destroy and prevent every form of official power separate from the masses⁷. This is congruent with the way Weishaupt, Buonarroti and Marx conceptualized dictatorship. Yet it draws a clear line between the Brotherhood and most anarchist circles, which deny any form of power a place under the sun, as mirrored in their own institutional structure. Only groups like the FAI have a similar orientation towards the political struggle. But then the FAI contained various radical sub-groups, whose function may be broadly compared to that of the higher grades of a secret society.

This reminds us that the borders between the societies and the sects are dynamic. In the case of the FAI, certain anarchist circles evolved into something much more akin to a hierarchy in the face of political developments in Spain that demanded quick decisions. Conversely, an evolution from secret society to sect appears natural enough, since it solves part of the former's problem of continuity by sacrificing effectivity to increased group cohesion — which may become desirable in a changing political climate. This should probably be taken into account when examining post-Bakuninist anarchism. In any event, right at the beginning of the history of modern anarchism, the International Brotherhood contained the germs of two opposing elements, which were maintained in a precarious state of equilibrium as long as conditions favoured an organization geared to revolutionary action. Unsurprisingly, this situation didn't last.

The same fate had earlier befallen our other examples. None of the societies under discussion ever succeeded by its own standards. Both intrinsically — by the fact that they were based on a secret that had to be divulged — and because their universalist claims were in actual

practice made by small marginal groups, they could scarcely be expected to lead more than an ephemeral existence. Elite consciousness was at the same time a virtue made of necessity. In the end, new and different political circumstances made them lose the legitimization for their hierarchies.

Their main accomplishment was the elaboration of a series of theories that eventually inspired major currents in the European labour movement. Yet their legacy may have endured in yet another way. Consider the oft repeated suggestion that some secret societies may be seen as prototypes or precursors of political parties. If so, we should remember that «certain structural characteristics of a type of organization are remarkably stable over time»⁸. Hence a development from society to party would likely not produce just any sort of party: it might well produce a sect. Could this explain some of the peculiarities of the German Socialist Party after its birth from the adaptation of Marx's theory to a repressive environment? And would it pay to look at the evolution of Bolsheviks and Mensheviks in terms of the relationship between secret societies and sects?

Примечания

¹ Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, 4th ed, Tübingen, 1956, II, 730.

² Letter to Tomás González Morago, 21 May 1872. For all Bakunin's writings, see his *Oeuvres complètes*, CD-ROM edition, Amsterdam, 1999.

³ Franco Venturi, *Roots of Revolution*, New York, 1966, 383.

⁴ Armando Saitta, *Filippo Buonarroti*, Rome, 1972, II, 156.

⁵ Weber, *ibid*.

⁶ Peter L. Berger and Thomas Luckmann, *The Social Construction of Reality*, Harmondsworth, 1973, 144.

⁷ Letter to Albert Richard, 1 April 1870.

⁸ Andrew L. Stinchcombe, «Social Structure and Organizations», in: James G. March (ed), *Handbook of Organizations*, 4th ed, Chicago, 1972, 155.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЗАПАДА И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ТРУДАХ Н. И. КАРЕЕВА

В работах Г. В. Плеханова, посвященных философии истории неоднократно встречается имя Н. И. Кареева. Плеханов, со свойственной ему полемичностью, критиковал его за непонимание, и даже более того, искажение марксизма и приверженность идеализму. Кареев, в свою очередь, известен своей многолетней полемикой с представителями марксизма. Он принадлежит к тем многочисленным ученым, чье творчество долгие годы оказалось невостребованным по идеологическим причинам.

Н. И. Кареев (1850—1931) известен прежде всего как специалист по истории западноевропейских стран, социологии, философии истории. Он оставил обширное научное наследие, его перу принадлежат более 400 работ, посвященных различным проблемам обществоведения. Немало рукописей хранится в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Блестящие окончив в 1873 году историко-филологическое отделение Московского университета, он преподавал в Варшавском университете. С 1886 года его имя связано с Санкт-Петербургским университетом, где он прошел путь от молодого профессора до декана исторического факультета. Его работы выдерживали несколько переизданий и были хорошо известны за пределами страны. Ситуация коренным образом изменилась после революции 1917 г. Кареев не счел нужным скрывать свою политическую позицию, и с середины 20-х гг. его педагогическая и научная деятельность практически прекращаются. В 1929 г. имя Кареева, так же как и имена других «буржуазных» историков, связывают с процессом «Промпартии». Завершающим аккордом преследований ученого стала критика его творчества на заседании секции историков-марксистов в конце 1930 — начале 1931 гг. Кареев не успел ничего предпринять в свою защиту, в феврале 1931 года его жизненный путь завершился.

Особенностью исторической концепции историков-либералов являлось их осознание неразрывной связи прошлого и настоящего, вовлеченности России в единое европейское русло истории. В трудах Кареева это положение получило наиболее полное и тщательное обоснование. В статье «Мечта и правда о русской науке»¹, как и большинстве работ ученого, поднимаются вопросы, выходящие далеко за рамки названия. Для нас же главным будет являться то, как Кареев определял взаимоотношения России и Европы. Кареева принято причислять к «западникам», но это не совсем верно, он не был слепым поклонником западной модели развития. России, считал Кареев, принадлежит особое, уникальное место в истории. Крайние точки зрения об отношениях Европы и России: или безоговорочное «поклонение» перед Западом, или полное его неприятие — нежизнеспособны. Слишком тесные и давние узы связывают Россию и Европу. Кареев видит выход из этой ситуации в синтезе российских и европейских моделей, в разумном усвоении передовых европейских идей и придании им самобытной, национальной окраски. Самим ходом истории Россия вовлечена в мировое русло, превратившим московитов в европейцев, расширившим границы старой Европы. «Этого факта отрицать нельзя», — пишет Кареев, — восточную „Европу“ не вычеркнешь с исторической карты и не превратишь ее снова в Азию или просто „не Европу“, но точно также и не втиснешь ее в границы „старого Запада“».²

Движущей силой этого процесса — органического слияния России и Европы, по мысли Кареева, должна стать наука. Именно ученые, способны воплотить в жизнь теоретическую концепцию. Русская наука, порвавшая с традицией греко-латинской академии, прочно связана с западной мыслью. Уникальность отечественной науки заключается в том, что европейская мысль при этом обогащается живым, постоянно развивающимся национальным самосознанием. Кареев отмечает: «...наша истинная действительная, а не призрачная самобытность, может заключаться только в переработке в русском духе западных идей».³ В отличие от Запада, — продолжает Кареев, — где наука носит школьный, корпоративный характер, русская наука с самого начала играла важную роль в государственных и общественных делах. Именно поэтому науке, и ее детищу — интеллигенции, предстоит учить и развивать общество: «Наше всемирно-историческое призвание может выполниться лишь тогда, когда русские ученые будут сообща, так сказать, по одному плану работать для русского же общества, а не двигать враздробь европейскую науку».⁴ Эта идея — неразрывной взаимосвязи и взаимодействия России и Запада формулировалась Кареевым в максимально широком понимании — в контексте всемирной истории. В конечном плане все его историческое и философское творчество было подчинено грандиозному плану — наглядно показать, как отдельные «раздробленные» истории сливаются в единый мировой поток, как человечество постепенно выходит на «большую дорогу истории».

Кареев одним из первых русских ученых сумел уловить взаимосвязь истории и современности, взаимовлияние истории-науки и общественной жизни. Осознав параллельное течение науки и реалий сегодняшнего дня, он стремился создать соответствующую историческую и методологическую основу исторической концепции, и наглядно показать эту взаимосвязь на конкретных исторических примерах. Именно поэтому работы Кареева по истории Западной Европы неразрывно связаны с российской действительностью. И надо отдать должное смелости и научной честности историка, сумевшего с самого начала научной деятельности подчинить свое творчество этому грандиозному плану, невзирая на встречавшиеся трудности. А начались они уже с выбора темы магистерской диссертации. Его учитель В. И. Герье предложил молодому историку заняться изучением жизни и деятельности Эразма Роттердамского. Герье принадлежал к более ранней школе отечественных историков, чей основной интерес был сосредоточен на сюжетах религиозно-политического содержания европейского средневековья. Кареев же нашел свое место в среде историков, специализирующихся по социально-экономической проблематике, и впоследствии стал из ярчайших представителей этого направления.

Еще в студенческие годы он увлекся историей Франции, и поэтому темой магистерской работы стало положение крестьян во Франции накануне Великой революции. Из истории стран Западной Европы времен позднего средневековья и нового времени отечественные историки пытались извлечь уроки политического опыта, имевшие большое значение для выработки линии поведения по актуальнейшим вопросам современности. В преобразованной России самым злободневным вопросом был аграрный. Отношения государства и общин, дальнейшие пути и направления развития общин являемся ключевыми моментами в концепциях русских историков. В 70-е гг. XIX в. одна за другой выходили в свет книги, осмысливающие эти вопросы на примере европейских стран. В 1876 г. в Лондоне была издана книга М. М. Ковалевского «Очерк истории распадения общинного землевладения в кантоне Ваадт». Именно эта работа положила начало систематическому изучению форм и типов западной общинности. В этом же году появилась книга князя А. И. -

Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских странах». Несколько лет спустя, в 1879 публикуется магистерская диссертация Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Выбор Кареевым столь переломного момента в истории Франции, да и вообще в европейской истории, вполне очевиден. Кареев, как и его коллеги, отчетливо понимал влияние революции 1789 года на дальнейший ход истории. Для самого Кареева Французская революция становится величайшим событием в мировой истории, чьи отголоски оказались спустя столетия. «Кто начал жить в 60—70-е годы, тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватила и Россию в свой неудержимый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего общества», — писал Кареев.⁵ Магистерская диссертация получила высокую оценку российских и зарубежных историков. Коллеги единодушно отмечали широту и масштабность произведения молодого ученого, умелый и профессиональный анализ работ предшественников, смелость и новизну выводов. Проведенное исследование позволило Карееву прийти к выводу, что хотя аграрный вопрос активно обсуждался экономистами и политиками, общественными деятелями и юристами, он так и не был до конца решен.

История Франции, особенно периода XVIII в., стала на многие годы одной из стержневых тем творчества Кареева. Труды Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, И. В. Луцицкого, их коллег и учеников создали знаменитую «#Иcole russe». Впервые этот термин употребил Жорес в работе «Социалистическая история Французской революции». Участниками «Русской школы» считали себя выдающиеся французские ученые А. Матье и Ж. Лефевр. Благодаря деятельности «Русской школы», а в ней особо можно выделить школу Н. И. Кареева, были заложены основы современной отечественной истории. Работы представителей «#Иcole russe» отличались высочайшим профессионализмом, масштабностью поставленных задач, научной и гражданской смелостью их решения.

В начале XX века в работах русских историков особое внимание уделялось проблеме государства и революции. Взаимоотношения государства и общества, возможности или невозможности разрешения государством социальных противоречий — это основные компоненты либеральной исторической концепции. Именно здесь наиболее ярко сказалась связь между политическими взглядами авторов и научными исследованиями. Идеалом либералов было конституционное правовое государство, переход к которому они видели в постепенном мирном развитии соответствующих государственных форм и учреждений. Государству они отводили роль «руководителя нации», подчеркивая важность совместной деятельности правительства и «общества». В том случае, если государство неспособно адекватно реагировать на требования общества мирный ход развития прерывается революцией. Таким образом, ответственность за революцию, в конечном счете, несет государство. Поэтому в концепции историков-либералов тема «государство-общество-революция» занимает важнейшее место. Особое внимание ученые уделяли решению этих вопросов в истории нового времени. Изучение тех или иные аспектов английской и французской революции можно найти в трудах Луцицкого, Ковалевского, Кареева. В работах последнего Французская революция 1789 г. получила наиболее полное освещение.

Приостановленное внимание Кареева к истории революции в начале XX в., было своевременным ответом на общественный запрос: многие сравнивали переживаемые в России события с происходящим во времена Французской революции. В 1905 г., когда в России

делалась попытка установления конституционных порядков, Кареев исследует роль парижских секций в 1790—95 гг. В 1917—18 гг. выходит в свет ряд работ Кареева о событиях французской революции — это уже труды «мэтра», ученого с мировым именем, известного историка, философа и социолога. В 1917 году была опубликована монография «Французская революция». Эта книга подводит итоги многолетних занятий автора историей революции. Основное внимание уделяется политической борьбе времен революции 1789 гг. Он предостерегает читателей от поисков в его книге каких-либо предсказаний или прямых параллелей российских и французских событий. Зеркало истории затуманивается при попытке предсказать будущее,— считал Кареев. Ученый вновь и вновь обращает внимание читателей на опасность, таящуюся в чрезвычайных формах правления, на недопустимость применения террора. В работах, посвященных революции 1789 года Кареев не раз подчеркивал, что апология идеи государства, подавление «принципов 1789 года»: свободы, равенства и братства в результате привели к установлению деспотического режима, перед которым меркнут все злоупотребления *«l'ancien régime»*. Став очевидцем русской революции, историк нашел в них подтверждение своим выводам, оканчившимися пророческими.

В заключение следует отметить, что творчество Н. И. Кареева, его коллег М. М. Ко-
валевского, И. В. Лучицкого и других нуждается в дальнейшем тщательном изучении.
Эта задача выполнима на современном этапе развития исторической науки, когда исто-
рики, отказавшись от догматических интерпретаций, находятся в поиске новых па-
радигм исследования. В трудах представителей русской исторической школы обнаружива-
ется много идей и концепций, способных обогатить современную отечественную исто-
риографию, придать ей самобытный и новаторский характер. Жизнь и творчество
Н. И. Кареева и других историков-либералов связанное с повседневной действительно-
стью России второй половины XIX — начала XX вв., может получить адекватную и взве-
щенную научную оценку. Так же как и осмысление судеб России и Запада, неразрывно
объединенных историческим процессом.

Примечания

¹ Русская мысль. 1884. № 12. С. 100—135.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 289.

REVOLUIONARY CONSTITUTIONALISM AND LONDON EMIGRATION

The standard image of the political refugee in the 19th century was a sad one: she or he must «stand with folded arms, regarding with envious eyes the country where the combatants are fighting, dying, conquering, while they, sad and idle, stifle in their forced inaction, strangers in a strange land»¹. Despite his pessimism, Sergei Mikhailovich Stepiak-Kravchinskii (the author of these lines in 1883) was by 1890 rendering essential support to the movement inside Russia. He organised the Society of Friends of Russian Freedom, aimed at raising money among the British public to further the revolutionary struggle and heighten their awareness of the injustices of the Tsarist system. He had also set up in London a publishing house, the Fond vol'noi russkoi pressy (hereafter FVRP), which dealt in uncensored Russian-language editions of political pamphlets belonging to all anti-Tsarist tendencies: authors who would have refused to stand on the same platform to give speeches, found their works standing side by side on the shelves of the FVRP's warehouse in West London². Associated with Stepiak in the FVRP were N. V. Chaikovskii, L. E. Shishko, F. V. Volkovskii and, more briefly, M. W. Voynich, L. B. Gol'denberg and E. E. Lazarev.

If one can talk of the Russian political emigration of the 1890s as having rival poles of attraction, these were, firstly, P. L. Lavrov and the concept of a gradualist peasant-based socialism prepared for by propaganda; secondly, G. V. Plekhanov and a worker-based Marxist socialism; and, thirdly, Bakunin, Kropotkin and revolutionary anarchism. For a time, in the 1890s, there was a fourth pole too: not so ideologically oriented as the others, it was based in London, centred on the FVRP, and called itself «revolutionary constitutionalism».

The contradiction in terms appears great at first until one recalls that for the Tsarist system all opponents were revolutionaries, whether socialists, anarchists or liberals.

Of course, constitutionalism and liberalism were by the 1890s no novelties in Russian political life: since 1856, and the preparation for the emancipation of the serfs, liberal thought had spread inside Russia. But this growth was slowed down by the negative reception of constitutionalism by the two other major political factions inside Russia: it was generally rebuffed by Tsarists, who refused to accept the idea that absolute power should be diluted by popular representation; and it was suspect to the revolutionaries who, following the emancipation, had (not exclusively, but in large numbers) taken a terrorist path and interpreted the liberal stance, especially as exemplified by the «small deeds» liberalism of the zemstvo activists, as a compromise with the Tsarist system³. This mutual misunderstanding led to the profound cleft between liberals and most revolutionaries, instead of a readiness to unite against the common enemy of Tsarism.

However, even here the 1880s wrought changes of outlook. The revolutionary movement had suffered several setbacks in the wake of the assassination of Aleksandr III in 1881. The security apparatus had been unified under one administrative roof. Several leading members of the revolutionary movement had become apostates and given evidence against their former colleagues to the authorities. Many other key members were arrested. Attempts to restart the movement at the end of the 1880s met with failure, as witness the demonstration for N. G. Dobroliubov in 1886 and the attempt to assassinate Aleksandr III the following year.

Action alone, however heroic, was no longer enough: on the one hand, scepticism and demoralisation, on the other the correctness of the Marxists' predictions that Russia had already entered the capitalist stage, indicated that a new path was needed. It seemed to many that this path lay in the direction of a unification of the divided movement and its joint action with liberals. Attempts were made at the turn of the nineties to achieve this unification, notably during the famine of 1890—1891⁴.

Liberals too were increasingly inclined to forms of common action with the revolutionaries. The institution of the zemskii nachal'nik and other limitations on the potential autonomy of the zemstva at the beginning of the 1890s, the sidelining of local authorities during the famine, and Nikolai II's outright rejection of liberals' aspirations as «senseless dreams» in 1894 all served as a clear marking of the failure of the strategy of working with the autocracy and the need for a new direction.

However, although each side saw the need for joint action, each was looking from its own point of view. For the liberals, the new direction was a search for a new partner after rejection by the old one and a turn away from the «small deeds» liberalism of previous years, a series of local actions with necessarily limited effect, towards declarations of fundamental universal principles. For the revolutionaries, the change was from mere action, with no effect outside small circles of sympathisers, to the working-out of generally acceptable political programmes and institutions. Although the results were the same, the backgrounds from which they emerged, the motives behind them were different.

The political group which embodied this unification most clearly was the People's Right Party (Partiya narodnogo prava — PRP). It was formed in the early 1890s by the former chaikovets M. A. Natanson out of disparate small groups of exiles — marxists and narodniks both — in towns along the Volga: Kazan', Nizhni Novgorod, Samara, Saratov⁵. On 17 February 1894 O. S., the PRP's manifesto was published at Smolensk, with at least the tacit approval of the influential journal *Russkoe bogatstvo* («Russian Wealth») and its editor N. G. Mikhailovskii. In it, the party claimed ambitiously to be «the force of organised public opinion», that is of a nascent civil society in Russia. The manifesto listed prominently the civil rights considered to be important: representative government on the basis of universal suffrage; the basic freedoms of religious belief, the press, and assembly; the human rights of the individual; and the right of all national groups to self-determination⁶. Within two months the police in Russia undertook a concerted movement in a number of towns, arresting many of the PRP's leaders.

This did not end the existence of the PRP, however. Its ideas were already being aired by a leading member of the London emigration, Stepnjak. He had already signalled his readiness to make common cause with liberals as early as 1887. Three years later, when he had a platform from which his ideas could be regularly expressed (i. e. the FVRP with its pamphlets⁷ as well as a monthly periodical *Letuchie listki* — «Flyers»), he advanced the ideas of «revolutionary constitutionalism» in a location accessible to the entire liberation movement. The theory was revolutionary by virtue of requiring the removal of the present Tsar for its realisation, and constitutionalist by advocating a transition to a parliamentary regime without the condition that such a regime should lead directly or necessarily to socialism. It preached an end to terrorism and conspiracy on the part of the revolutionaries, concerted joint activity by socialists and liberals to encourage a nationwide protest movement, the introduction of a constitutional monarchy regulated by a national assembly (zemskii sobor) and, until all this was a realistic possibility, a sympathetic role for the emigration in relation to the movement inside Russia which would help to bring about the latter's revival.

Such a revival was not out of the question, even given the catastrophic situation of the PRP inside Russia. For, although many PRP leaders were under arrest, its ideas continued to be preached. Angel Ivanovich Bogdanovich, the editor of a leading «legal» journal *«Mir bozhii»*, in the autumn of 1894 produced a manifesto for the PRP, *Nasushchnyi vopros* («The Burning Question») which the FVRP reprinted in early 1895. In late 1895, the PRP, renamed the Society of People's Rights (ORP), was still functioning inside Russia and its works continued to be published by the FVRP until 1898⁸. At the end of 1895, the fondovtsy were preparing to publish an all-opposition newspaper, to be titled *Zemskii sobor*, for which funds had been raised both in Russia and among the emigration in the west. We know that both Kupernik and Plekhanov were ready to contribute to it, as were naturally the fondovtsy themselves, and that Stepnjak, the leading revolutionary constitutionalist, was to be its editor. He died in a railway accident on 23 December 1895 N. S. Without him the fragile unity of potential contributors fell apart: Plekhanov was not prepared to work with Stepnjak's collaborator Feliks Volkovskii, nor the latter with him. In any case, the FVRP's centre of interest was shifting from peasants to workers: in spring 1896 large-scale strikes began in a number of Russian factories, greeted by an excited N. V. Chaikovskii in *Letuchie listki* as «the new force... an organised worker proletariat»⁹.

However, this enthusiasm was shortlived: the workers' movement inside Russia did not quickly culminate in revolutionary change as Chaikovskii had naively hoped, while at Plekhanov's instigation the FVRP was ruled ineligible to speak on behalf of Russian workers at the July 1896 London Congress of the Second International. Moreover, by then Russian marxists had by then formed their own party and showed little interest in the fondovtsy, and members of the FVRP themselves turned back to their former interest in the peasantry. In 1900, they formed the Agrarian-Socialist League which by 1904 had been incorporated into the Socialist-Revolutionary Party. The PS-R was to remain their natural political home henceforth.

The project of an all-opposition organ was also abandoned within eighteen months of Stepnjak's death. After casting around for an editor who would be agreeable to all sides, the FVRP appointed P. A. Dement'ev, a Russo-American railway entrepreneur (he had patriotically called the Florida terminus of his line St. Petersburg) who had deep pockets if not a strong revolutionary pedigree. Plekhanov, who had recommended Dement'ev, had clearly done so for his own motives: he did not wish collaboration with this liberal businessman, but to polemicise with him¹⁰. The first, and last, number of the journal came out under the rather clichéd title *Sovremennik* («The Contemporary») in 1897 and was badly reviewed even by its sponsor *Letuchie listki*: it was «every vague... written sometimes passionately, sometimes nad'vely»¹¹. This episode of the search for all-opposition unity shows clearly what gulfs of distrust and self-interest existed between individuals. Stepnjak, a towering giant among the emigration, succeeded through his tremendous gifts and network of acquaintances throughout the movement: when he fell, no other could pick up the baton he had dropped.

Примечания

¹ S. M. Stepnjak[-Kravchinskii], *Underground Russia*. London, 1883, p. 93.

² See John Slatter, «The Russian emigré press in Britain, 1853—1917», *Slavonic and East European Review* 73/4, October 1995.

³ See George Fischer, *Russian Liberalism* Cambridge MA, 1958; Shmuel Galai, *The Liberation Movement in Russia 1900—1905* Cambridge 1975; and Charles Timberlake, *Essays in Russian Liberalism*, Columbia MO, 1972.

⁴ G. V. Plekhanov's contribution took the form of his pamphlet *Vserossiiskoe razorenie*, Geneva, 1892.

⁵ See among others V. V. Shirokova, *Partiya narodnogo prava*. Saratov, 1972.

⁶ Reprinted in V. L. Burtsev, Stepniak (eds.), *Za sto let*. London, 1897, p. 260—262.

⁷ Those by Stepniak were *Chego nam nuzhno i nachalo kontsa* (London 1892); *Zagranichnaia agitatsiiia* (London 1892); and Stepniak's foreword to the anonymous *Proekt russkoi konstitutsii* (London 1895; its author was in fact the liberal Odessa lawyer Lev Abramovich Kupernik). The pamphlets of Stepniak's collaborator F. V. Volkovskii (editor of *Letuchie listki*) may be included in this number too: *Chemu uchit konstitutsiiia grafa Loris-Melikova?* (London 1894) and «The Claims of the Russian Liberals» in *Nihilism As It Is*, a volume of translations into English edited by Stepniak and published in London in 1895 by T. Fisher Unwin, a publisher sympathetic to the fondovtzy.

⁸ *Letuchie listki* 30 (22 March 1896), p. 10 on the ORP. ORP publications by the FVRP were: *Nasushchnyi vopros* (1895), I-i god Nikolaia II (1896), *Nashe vremia* No. 1 (1897) and No. 2 (1898).

⁹ *Letuchie listki* 33 (30 June 1896), p. 7.

¹⁰ Literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova, vol. 4. M., 1937. P. 305—306.

¹¹ *Letuchie listki* 39 (20 May 1897), p. 16.

Т. Г. МАСАРИК ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РОССИИ

1. Масарик как ученый и политик. Его мировоззрение, философские и культурные ориентации. Идеалы свободы. Юм и Кант. Ранний интерес к России, ее истории и литературе. Толстой и Достоевский. Политическая деятельность до и после I мировой войны. Создатель и президент Чехословацкой республики.

2. Россия на рубеже двух столетий. Вопрос выбора пути России. Подходы к этому вопросу народников и Маркса. Переписка Маркса с Засулич и его письмо в журнал «Отечественные записки». Легальный марксизм и образование марксистских групп (1883), социал-демократической рабочей партии (1898).

3. Полемика Масарика с марксизмом в книге «Философские и социологические основания марксизма». Плехановская оценка книги.

4. Русско-японская война и первая русская революция. Манифест, Дума. Политическая жизнь в России. Рост интереса к русской литературе и культуре в Европе. Диаглевские сезоны (с 1907 г.). Демонстрация русской версии европейской культуры. Литература. Театр, музыка, живопись.

5. Замысел книги «Россия и Европа» Т. Г. Масарика и цели исследования. Россия—Европа. Анализ истории, культуры и перспектив России. Первоначальный план: решение загадки русского духа находится в творчестве Достоевского. Корректировка идеи. Реальное воплощение: обзор истории России — 1 том; русская общественная мысль (в основном 19 столетия) — 2 том; Русская литература от Пушкина до Горького — 3 том. (не завершен). Новая, углубленная оценка народничества, марксизма и социал-демократии и их перспектив России (II том книги «Россия и Европа»).

6. Реакция на книгу Масарика в России и русской эмиграции. Препятствия к распространению книги в царской России. Масарик персона non grata. Рецензия Л. Троцкого в венском социал-демократическом ежегоднике «Кампф».

7. Т. Г. Масарик в 1917 и 1918 гг. Теоретические и практические результаты спора с марксизмом. Русский социализм как эк. тип России. Актуальность книги сегодня. Проблема идентификации России остается.

Г. В. ПЛЕХАНОВ О СУДЬБАХ РОССИИ (от «Истории русской общественной мысли» к «Году на Родине»)

Историческое значение личности и творчества Г. В. Плеханова определяется не только его местом в истории российской социал-демократии, но и ролью в целом в отечественной культуре. А. Н. Потресов считал, что это — «национально-историческая роль»¹. Тем более парадоксален факт практического неприятия идей Плеханова ни революционной Россией 1917 г., ни ее интелигенцией (прошлой и нынешней), ни современными политиками, аппелирующими к демократическому будущему России. Нередко Плеханов представляется сегодня запыленной реликвией марксистского прошлого. По сути дела, повторяется ситуация трагического одиночества, непонимания, давившая Плеханова в год после его возвращения на родину, но сложившаяся значительно раньше.

Значение Плеханова как русского исторического деятеля состоит не только в том, что он привнес и утвердил марксистскую традицию в народнический и народовольческий социалистический менталитет России, но и в том, что российская модернизация (урбанизация, становление гражданского общества) виделись ему как путь развития тех общественных отношений, которые связаны с утверждением принципов хозяйственной и экономической организации индустриальных социумов. Это перспектива утверждения в России демократического правопорядка, институциализации связей либеральных и демократических социалистических сил российского общества. Социалистической демократии, как демократии пролетариата и для пролетариата, считал Плеханов, предстоит долгий путь развития через революционную борьбу, коалиции и сотрудничество с ее политическими и классовыми противниками. Либерализм не добьется политических свобод в России без энергичной поддержки социалистической демократии в лице рабочего класса. Российское революционное движение победит как движение рабочего класса или не победит никогда. Размыслия о социализме и революции, Плеханов искал пути освобождения и эманципации России в целом, «формулировал единую национальную задачу России»²; и в этом — общенациональное, культурное значение его идей, выходящее за рамки теории и практики социал-демократии.

Посмертный, оставшийся незавершенным труд Плеханова «История общественной мысли» замыкает цикл его теоретических исследований общественной эволюции России, начатых в 1880-е гг. (работы «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия»). Именно «История» демонстрирует связь позиции Плеханова по вопросу о войне (оборончестве!) с его историческим анализом³. Уже в 70-е гг. Плеханов размышлял об особенностях общественного развития России. Ответ на него был найден достаточно быстро: Плеханов формулирует тезис о своеобразном сочетании элементов Запада и Востока в прошлом и настоящем нашей страны. В своих изысканиях он шел от настоящего к прошлому, искал корни этого своеобразия в истории России. И если полемика с народовольцами заставляла Плеханова акцентировать то, что родит Россию и Запад, то позже неудачи революции 1905—1907 гг. побудили его обратить внимание на «европейские недочеты» России, на то, что сближает ее не с Западом, а с Востоком. «История обществен-

ной мысли» подводит итог его размышлению над возможными объяснениями российской современности.

Плеханов считал правомерным применение марксистской схемы в исследовании российской истории. Но содержательно его концепция исторических судеб России продолжает традиции отечественных историков — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Плеханов согласен с выводами И. П. Павлова-Сильванского: не может быть и речи о коренном отличии древнерусского строя от феодального уклада Западной Европы. Вместе с тем он подчеркивает, что русский исторический процесс отличается от западноевропейского важными моментами, напоминающими не европейскую историю, а становление и упрочение восточных деспотий: «Россия как бы колеблется между Россией и Западом»⁴.

В общественно-политическом отношении этот отрыв от Востока и сближения с Западом выразились в начавшемся со времен Петра I и его преемников раскрепощении сословий и росте городской промышленности. Но раскрепощение распространялось лишь на дворян-землевладельцев. Плеханов подчеркивает: реформы XVIII века не преследовали цель европеизировать крестьянство. Напротив, в это время закрепощение крестьянина государству и землевладельцам было доведено до своего логического завершения. Именно поэтому «азиатский» характер реформ в России мало улучшал положение дел. Если «благородное» население все чаще думало и жило в соответствии с западными идеалами, социальное положение «подлых людей» подчинялось «азиатскому» укладу. В этом Плеханов видел самую глубокую причину разрыва между «народом» и более или менее просвещенным «обществом», отсюда выводил причины неудач революции 1905—1907 гг. По его убеждению, взрыв первой русской революции был следствием европеизации России. А неудачи обусловлены тем, что процесс европеизации охватил далеко не все сферы российского общества.

Плеханов искренне верил в перспективы капиталистического развития России, которое он отождествлял с европеизацией. Эти процессы, по его мнению, носят спонтанный и необратимый характер; начавшись в городах, европеизация перенесется в деревню; неудачи первой русской революции постепенно потеряют свое значение. Азиатская компонента, считает Плеханов, определяет своеобразие российской истории. Современная Россия «платится за то, что она слишком европеизирована сравнительно с Азией и недостаточно европеизирована сравнительно с Европой»⁵. Задача российской социал-демократии — содействовать европеизации России, что в политическом плане означает не что иное, как организацию рабочего класса в самостоятельную политическую силу.

«История русской общественной мысли» подытожила плехановские идеи о судьбах страны: для России путь капиталистического развития неизбежен; труден только первый шаг; ее движение от «Запада» к «Востоку» совершается все более быстрыми темпами. Вступая на путь капиталистического развития, Россия не копировала Запад, а пошла по пути индустриализма иным, ускоренным темпом и строила свои общественно-политические отношения, институты, формулировала идеи и теории применительно к своим, отличным от Запада, условиям. Для Плеханова главная тенденция общественной мысли в России — идея отрицания существующего во имя будущего; он развивает логику восприятия российской действительности Белинским, искавшим субъекта развития, «идей отрицания на русской почве». Таким субъектом у Плеханова становится пролетариат; «идей отрицания» — идея социалистической перспективы России.

Уже в 1920-е гг. плехановеды обратили внимание на тот факт, что в «Истории общественной мысли» присутствует осознание конститутивной роли государственного и политического моментов в истории России. Он понял значение охранительной функции российской государственности, сыгравшей важную роль в формировании такой сложной (и в geopolитическом, и в экономическом, и в социокультурном планах) цельности, как Россия. Именно в этом контексте Плеханов рассуждает о неоднозначности классовых коллизий, как они развертываются «взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства и... более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит роль о защите страны от внешних нападений»⁶. Таким образом трансформируется схема классовой борьбы, как она изложена Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте»: Плеханов признает своеобразие борьбы классов в российских условиях. К этой мысли он шел на протяжении многолетнего исследования русской истории. Ее он положил в основу своей I политической программы в годы первой мировой войны и революции 1917 г.

Плеханов этого периода — теоретик, политик, лидер, отстаивающий идеи сохранения экономической и политической независимости отечества и демократической коалиции либеральных и социалистических сил. Л. Потресов заметил как-то, что «призрак мировой революции уничтожил для России всю концепцию революции буржуазной»⁷. Плеханов же как раз и стремился сохранить в сознании интеллигенции, политиков, масс русского общества идею неизбежности и необходимости демократических преобразований России во имя будущей социалистической перспективы Социализм «для России — это дело сравнительно отдаленного будущего. Теперь Россия страдает... не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития. Война, так беспощадно разоблачившая пашу постыдную техническую беспомощность и обусловленную ею страшную экономическую отсталость, доказала это с математической убедительностью»⁸. Россия должна защитить себя в войне, в противном случае победа Германии поставит ее в положение экономической зависимости, разрушит все революционные перспективы, приведет к ослаблению демократических режимов в Европе.

Россия должна «развести» «демократическую» и «социалистическую» парадигмы революционных преобразований. Идею овладения властью в Февральской революции (как впрочем, и в революции 1905—1907 гг.), использования этой власти для социалистического преобразования общества Плеханов считал преступлением перед делом политического освобождения России и перед делом социализма. Только пройдя школу демократии, пролетариат подготовит себя к социалистическому строительству. Против лозунга захвата власти большевиками, против идеи диктатуры утопического меньшинства Плеханов выдвинул два рода аргументов: 1) практически невозможно захватить власть в России таким образом; 2) если пролетариат захватывает власть, когда пролетарское движение еще не созрело для этой власти, он «работает» не на себя, а на тот класс, движение которого уже созрело (повторение тезиса Энгельса из «Крестьянской войны в Германии» — работы, написанной против преждевременных революционных выступлений). Плеханов развивает эту мысль: для него диктатура пролетариата как революционная власть большинства в России невозможна. «Вместо диктатуры рабочего класса перед нами будет диктатура нескольких десятков лиц»⁹, а этим диктаторам «удалось бы организовать только голод»¹⁰. Следствием полной хозяйственной разрухи станет, в частности, острое ухудшение положения русского пролетариата, а в общем — попытное движение народно-хозяйственного уклада страны в сторону изжитого прошлого, «варварская реакция про-

тив реформ Петра Великого»¹¹. Хозяйственная разруха может оказаться «могилой русской революции. Ставя себя в изолированное положение и тем самым взваливая на свои плечи задачу борьбы с хозяйственной разрухой, революционная демократия очень сильно рискует нанести революции смертельный удар»¹². Вне коалиции для социал-демократии нет спасения в современной России, нет спасения и России¹³.

Приведенные рассуждения Плеханова оказались ошибочными. История показала, что захват власти радикальным политически меньшинством в России возможен. Власть этого меньшинства смела просуществовать достаточно долго. Результат — сложился новый тип русского иерархически организованного общества (формируется новый правящий слой, элиты, которая не освобождает общество, а вновь закрепощает его). В то же время Плеханов был совершенно прав, делая акцент на коалиционном характере власти, которая призвана осуществить социальное и политическое реформирование в России. Февральскую революцию (ее, по словам Плеханова, «осуществила страна»¹⁴) он воспринял как первый шаг к политической свободе; свобода позволит объединиться всем «классам и слоям» России, «интересы которых были бы нарушены восстановлением старого порядка»¹⁵. Спасти революцию от крушения, а государство от разгрома может власть, объединяющая вокруг себя социалистические и либеральные силы общества. «Нынешнее наше правительство еще не может быть исключительно социалистическим, и не должно быть таковым... оно должно быть коалиционным, т. е. таким, в котором социалистические партии участвуют наряду с различными партиями буржуазии»¹⁶. Необходимо «бороться со всем тем, что задерживает развитие новых производительных сил»¹⁷. Экономическая платформа коалиции — реформы и, прежде всего, реформы земельной собственности (с выкупом земли помещиков и передачей достаточно большого количества земли в собственность государства). Плеханов считал важным сохранить традиционную структуру власти в послереволюционной России: Советы должны быть органами защиты революции, а не организациями по захвату власти, ресурсов, управления. Его политическое кредо для России 1917 года — утверждение демократического парламентаризма.

Ни в годы войны, ни в период Февраля и Октября Плеханов не изменил своего традиционно недоверчивого отношения к крестьянству (за что эсеры называли его взгляды «примитивным марксизмом»). С его точки зрения, социалистическая революция не может победить в стране, где большинство составляет не пролетариат, а крестьянство («Крестьянство — ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства... В замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается... хозяйственная деятельность крестьян направлена в сторону капитализма»). Плеханов чувствовал несоответствие социальной структуры России формуле антагонизма «буржуазия пролетариат»; он предвидел, что, «несвоевременно захватив политическую власть, пролетариат не совершил социальной революции, а только вызовет гражданскую войну»¹⁸.

Прожив 37 лет за границей, Плеханов вернулся в Россию сразу после Февральской революции и оказался, по существу, вне политической игры. Причиной были многие обстоятельства¹⁹. Хотя Плеханов отставал методы и принципы марксизма, он не имел возможности применить их на практике, в действии. Плеханов мыслил и поступал как наблюдатель, критик, но не как политик. Л. Д. Троцкий в статье «Беглые мысли о Г. В. Плеханове» назвал его «теоретическим предвестником» пролетариата России²⁰. Это верная и тонкая характеристика. Плеханов сумел нарисовать перспективу движения России к

ВВЕДЕНИЕ В «ИСТОРИЮ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ» И ТАКТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВА

Когда советские исследователи ставили вопрос о тактике, сформулированной Г. В.-Плехановым во Введении к работе «История Русской Общественной Мысли», они, как правило, приводили его тезис о классовом сотрудничестве против внешних врагов и критиковали Плеханова за то, что его тактика т. н. оборончества основана на ложном немарксистском принципе. Однако такой подход не допускал постановки напервейшего на наш взгляд вопроса, а именно: что думал сам Плеханов о связи между Введением в «Историю Русской Общественной Мысли» и собственной тактикой.

В письме к Н. А. Рубакину от 14 июля ** 1915 г. Плеханов пишет: «Приехавши в Женеву, я застал у себя на столе три экземпляра моей „Истории Мысли“, только что пришедшие из Москвы. Посылаю Вам один из них и еще раз прошу: хоть перелистайте только,— если некогда читать,— историческое введение. Оно заключает в себе мою философию истории русской „революции“ 1905—1906 гг. Кто знает эту философию истории, тот понимает и мою тактическую линию. А мне очень хотелось бы, чтобы она стала ясна Вам.»¹ Здесь следует пояснить, что первый том «Истории Русской Общественной Мысли» вышел, как обычно считают, не в 1914 г., а в 1915 г., по-видимому, в мае, потому что 28-го мая 1915 г. Плеханов писал в издательство «Мир», что он получил один экземпляр своей «Истории», но что этого мало².

Судя по дате письма к Рубакину, Плеханов имеет в виду свою позицию т. н. оборончества, когда он пишет о «моей тактической линии». 8-го мая 1915 г., за два месяца до цитированного выше письма, Плеханов написал оборонческую статью «Еще о войне». Рубакин же в это время занимал антивоенную позицию³, поэтому Плеханов и старался уговорить его. Когда Плеханов пишет: «Кто знает эту философию истории, тот понимает и мою тактическую линию», то следует понимать: Если Вы уясните мою философию истории, изложенную во Введении «Истории», то Вы поймете и мою тактическую линию. Отсюда ясно, что в понимании Плеханова философия истории, изложенная во Введении в «Историю», тесно связана с его тактикой.

Сначала рассмотрим, какую философию истории имеет в виду Плеханов.

Несомненно, что это не та формула классового сотрудничества, о которой шла речь выше, поскольку он пишет о «философии истории русской „революции“ 1905—1906 гг.» Кавычки при слове «революции», поставленные Плехановым, по-видимому, означают революцию, кончившуюся неудачей. Итоги революции 1905—1906 гг. были подведены Плехановым в заключительной части Введения в «Историю», где он пишет, что революционный взрыв был результатом сочетания двух, совершенно различных по своей природе сил. Первая — европейская по происхождению, революционная сила рабочего класса, а вторая — азиатская, по мировоззрению консервативная сила крестьянства. Консервативность крестьянства заключалась, по мнению Плеханова, и в том, что «Когда крестьянины требовал отобрания земли у помещиков, и даже когда он сам принимался отбирать ее, он вел себя не как революционер, а, напротив, как самый убежденный охранитель: он охранял ту аграрную основу, на которой так долго держалась весь общественно-политический строй России»⁴. Несмотря на различие этих двух сил, считает Плеханов, революция

демократии и индустриальной цивилизации более точно, чем большинство его современников. Он указал на сложность модернизаторских процессов в русском обществе; на неоднозначность и противоречивость модернизации, осуществляющейся в условиях экономического и политического имперского деспотизма; на трудности в преодолении порожденного этим деспотизмом социального и политического обскурантизма массы, народа, социума.

Плеханов часто повторял в первые дни после Октября: «Как тяжело, что мы оказались правы во всем»⁵. Справедливость плехановских оценок русской истории и революций подтверждается: сегодня, как и в начале XX века, мы все еще стоим перед необходимостью поиска сил, способных управлять процессами развития России к демократии и социальному равенству. Мы по-прежнему мистифицируем и фестилизируем понятия демократия, либерализм, массы, применительно к российским условиям. Глубина и реализм многих аргументов Плеханова — результат его размышлений об исторических судьбах России.

Примечания

- ¹ Потресов А. Историческая роль Плеханова // Дело. № 11—12. 26 июня (13 июля) 1918.
- ² Там же.
- ³ Это впервые подметил Д. Б. Рязанов (См.: Рязанов Д. Изменил ли Плеханов своему знамени? // Наше слово. 1915. 3 декабря; его же. Предисловие редактора к «Истории русской общественной мысли» // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XX. М.; Л., 1925). На сходство аргументов «Истории» и позиции Плеханова в годы войны и после Февральской революции указывал М. Н. Покровский — в лекциях «Борьбе! классов и русская историческая литература» (Пг., 1923) и в статье «Плеханов как историк России» (Под знаменем марксизма: 1923. № 6—7).
- ⁴ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Часть первая // Плоханок Г. В. Сочинения. Т. XX. С. 12.
- ⁵ Там же. С. 131.
- ⁶ Там же. С. 13.
- ⁷ Потресов А. Памяти Плеханова: к десятилетию со дня его смерти // Дни. 30 марта 1928 г.
- ⁸ Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. Париж, 1921. С. 53—54.
- ⁹ Единство. 2 мая 1917 г.
- ¹⁰ Единство. 20 мая 1917 г.
- ¹¹ Единство, 6 октября 1917 г.
- ¹² Единство. 8 сентября 1917 г.
- ¹³ Единство. 27 июля 1917 г.
- ¹⁴ Плеханов Г. В. Речь на Московском государственном совещании. Давос, 1921. С. 20.
- ¹⁵ Единство. 27 июля 1917 г.
- ¹⁶ Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ Плеханов Г. В. Открытое письмо к Петроградским рабочим. ГОПБ. ОРК. Фонд листовок.
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов: судьба! русского марксиста. М., 1997.
- ²⁰ Троцкий Л. Беглые мысли о Г. В. Плеханове // Под знаменем марксизма. 1422 № 5—6. С. 7.
- ²¹ Памяти Плеханова. Специальная газета под ред. Н. Е. Ершова. Пг. 9 июня 1918 г.

побеждала, пока они действовали вместе, но «движение русской крестьянской Азии лишь на короткое время совпало с движением русской рабочей Европы»⁵. Революция провалилась, полагает он, когда крестьянская сила перестала поддерживать силу рабочего класса. Плеханов пишет, что дворянская контрреволюция восторжествовала «благодаря слишком еще недостаточной европеизации крестьянства предыдущим ходом экономического развития»⁶.

Таким образом подведя итоги революции 1905—1906 гг., Плеханов видел перспективу русской революции только в дальнейшем процессе европеизации, т. е. в капиталистическом развитии России. Поэтому и плехановская философия истории, об уяснении которой он просит в уже цитированном письме к Рубакину, состоит в понимании истории России как процесса европеизации.

Далее рассмотрим, как эта философия истории соотносится с его позицией т. н. обороночества. Совершенно очевидно, что Плеханов считал возможную победу Германии серьезной угрозой ходу процесса европеизации в России. В газете «Justice (Справедливость)» от 15-го октября 1914 г. он пишет: «Германия навязала бы России такие обременительные условия, какие сделали бы ее дальнейшую экономическую эволюцию страшно трудной. Но так как экономическая эволюция является основой общественной и политической, то Россия, таким образом, потеряла бы все, или почти все случаи покончить с царизмом»⁷.

Это же опасение встречаем и в других статьях. Например, в «Письме болгарскому социалисту о войне» от 27-го октября 1914 г.: «Такое поражение России, которое замедлит ее экономическое развитие, будет вредно для дела народной свободы и полезно для старого порядка. Все, что замедляет наше экономическое развитие, поддерживает нашу реакцию, представляющую собою своеобразное политическое следствие экономической отсталости русской земли»⁸. В вышеупомянутой статье «Еще о войне» Плеханов, сравнивая возможную победу Германии с татарским игом, утверждает: «Татарское иго замедлило наше экономическое, а с ним и все культурное развитие. Оно вызвало к жизни наш политический порядок. Немецкая победа остановит наше экономическое развитие, положит конец европеизации России и увековечит этот старый порядок»⁹.

Таким образом, Плеханов опасался, что победа Германии остановит развитие процесса европеизации, в котором он видел единственный путь к победе революции. И потому нетрудно понять, что его т. н. оборонческая позиция являлась логическим выводом, который следует из Введения в «Историю Русской Общественной Мысли».

**Все даты в настоящих тезисах приведены по новому стилю.

Примечания

¹ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. А. 69а.

² «Воинствующий материалист». Сб. I. М., 1924. С. 197.

³ Рубакин А. Н. Рубакин. Лоцман книжного моря. М., 1967. С. 112.

⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 20. С. 112.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Там же.

⁷ «Justice». 15 октября 1914 г.

⁸ Плеханов Г. В. О войне. Пг., 1915. С. 28—29.

⁹ Там же. С. 70—71.

Г. В. ПЛЕХАНОВ И Ю. О. МАРТОВ: К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

В судьбе России в XX веке социал-демократия сыграла определяющую роль, которая оценивается неоднозначно в исторической литературе. Социал-демократическая традиция сегодня непопулярна, социал-демократию обвиняют во многих трагедиях нынешнего века. Однако «non est culpa vini, sed culpa dibentis» (Виновато не вино, но пьющие).

Вопрос о приемлемости для России идей, выразителями которых в начале века были Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов и другие лидеры социал-демократии является актуальным, т. к. сегодня Россия вновь оказалась перед выбором пути развития. Но для ответа на этот вопрос необходим научный анализ теоретического наследия лидеров социал-демократического движения, сопоставление их взглядов, психологии, взаимоотношений.

Несмотря на кардинальные сдвиги в современной исторической литературе в осмысливании судеб социал-демократической альтернативы в России работа в этом направлении о отечественной историографии далеко не завершена.

Взаимоотношения Г. В. Плеханова и Ю. О. Мартова не были предметом специального изучения, хотя этот вопрос затрагивался их современниками и исследователями.

В произведениях В. И. Ленина критика Мартова и Плеханова занимает одинаковое место. Примерно равное количество работ Мартова и Плеханова упоминается в Полном собрании его сочинений.

Другой их современник, В. М. Чернов, отмечал, что как мыслитель Мартов был менее оригинален, чем Плеханов, но превосходил его последовательностью и верностью себе. Литературное дарование Мартова, по мнению Чернова, уступало плехановскому, Плеханов был более изворотливым, остроумным и находчивым полемистом, но Мартов, как полемист производил более искреннее впечатление. Это замечание интересно тем, что содержит элементы личностных характеристик Мартова и Плеханова.

В литературе можно выделить две основные точки зрения на отношения Мартова и Плеханова. Первая состоит в том, что их расхождение было результатом различных теоретических представлений и политических разногласий. Согласно второй точке зрения Плеханов и Мартов были единомышленниками, а сложности в их отношениях были результатом недопонимания, вызванного различием характеров.

Вторая точка зрения заслуживает внимания хотя бы потому, что сам Плеханов склонен был считать причинами постоянных расколов в РСДРП не только политические, сколько психологические факторы, т. к. интеллигент часто способен превращать товарища по партии в своего конкурента. Объясняя их в письме К. Каутскому, Плеханов писал:

«Наши расхождения вызываются не различием во взглядах. Скорее можно сказать, что наши расколы порождают оттенки наших политических и тактических взглядов. Это может показаться странным, но, увы! это правда»¹.

Плеханов безусловно оказал большое влияние на формирование марксистского мировоззрения Мартова. Он принадлежал к тому поколению, которое, по свидетельству его сестры Л. О. Дан, прочитав книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», за одну ночь стало другим². Мартов признавал, что его первые литературные опыты были вдохновлены работами Плеханова. Выражением почтения к основа-

телю группы «Освобождение труда» и стремлением подчеркнуть идеиную связь с ним было продиктовано решение Мартова послать от имени руководимой им петербургской социал-демократической группы мандат Плеханову в Женеву для участия в международном конгрессе.

Личное знакомство Мартова с Плехановым произошло в редакции «Искры», где он появился позже других редакторов, когда его товарищи, Ленин и Петресов, уже успели разочароваться в учителе марксизма, о чем подробно рассказал Ленин в воспоминаниях «Как чуть не потухла «Искра». Мартов не был свидетелем конфликта и пытался примирить обе части редакции, вызывая недовольство обеих сторон. Тем не менее, в значительной степени благодаря его позиции редакция осталась работоспособной, создала проект программы партии и выступила как единое целое на II съезде РСДРП. При обсуждении этого документа в редакции Плеханов поддержал ряд замечаний Мартова, в том числе по вопросу о национализации. Его обсуждение выявило близость взглядов Мартова и Плеханова на роль крестьянства в революционном процессе.

Первое расхождение Мартова с Плехановым возникло из-за так называемого «дела Баумана», продемонстрировавшее различное отношение к вопросам морали и нравственности. В отличие от Мартова, Плеханов исходил из принципа «благо революции — высший закон», в то время как Мартов полагал, что нельзя во имя высоких целей пренебречь моральными принципами.

Тем не менее, со стороны «Искры» казалась монолитной, поэтому никто не ожидал, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, что спустя несколько месяцев Мартов будет считать Плеханова своим врагом, говорить оскорбительные слова в его адрес, а Плеханов будет готов вызвать его на дуэль. Несмотря на остроту конфликта, разрыва отношений не произошло ни в 1903, ни в 1904 году, когда взаимоотношения вновь осложнились из-за инцидента со статьей Л. И. Аксельрод, посвященной критике эмпирионизма Богданова. Рассерженный отзывом Мартова на статью Л. И. Аксельрод, Плеханов отказался от предложения Мартова сотрудничать в журнале «Социал-демократ». Однако конфликт был улажен.

Сопоставление статей Плеханова и Мартова в «Искре» позволяет утверждать, что в главном их теоретические представления совпадали. В революционном движении оба делали ставку на сильную централизованную партию, гегемонию пролетариата. Истоки их мировоззрения были одинаковыми, главным в учении Маркса для них была идея классовой борьбы, необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Анализ работ Плеханова и Мартова, их переписки в 1905—1907 гг. позволяет сделать вывод о том, что годы первой русской революции были временем их наибольшего сближения.

Одним из наиболее практически значимых в годы революции и в то же время наиболее искаженным в исторической литературе был вопрос об отношении лидеров социал-демократии к либералам как возможным союзникам в борьбе с самодержавием. Изучение источников позволяет сделать вывод о том, что сложившееся в литературе представление о Плеханове и Мартове как проповедниках тактики соглашения с либеральной буржуазией нуждается в корректировке.

Многочисленные статьи в социал-демократических изданиях свидетельствуют о том, что и Плеханов, и Мартов, считали бесспорным вывод о непоследовательности и контрреволюционности буржуазии, но, тем не менее, видели возможность ее использования в интересах пролетариата. Плеханов писал о том, что буржуазия не может изменить рево-

люции, т. к. никогда ей не служила, но объективно «пролетариат заинтересован в том, чтобы у власти оказались слои буржуазии, окрашенные в цвета, наиболее близкие к пролетарским». Сопоставление содержания статьи Мартова «Рабочая партия и захват власти, как наша ближайшая задача» со статьей Плеханова «К вопросу о захвате власти» подтверждают, что на вопрос о тактике пролетариата Плеханов и Мартов дают одинаковые ответы. Оба полагают, что РСДРП, сохранив самостоятельность, в борьбе с общим врагом должна временно объединять усилия с другими оппозиционными движениями, руководствуясь формулой: «быть вместе, идти врозь».

В своих статьях в «Искре» Мартов старался проанализировать возможные последствия совместных действий с мелкой и либеральной буржуазией. Среди его работ, авторство которых удалось установить по материалам РГХИДРИ, имеется статья «Дворянская партия», позволяющая сделать вывод, что Мартов допускал, что замедленные темпы политического развития либеральной буржуазии могут привести к соглашению пролетариата с крестьянством. Но оно может быть только временным, т. к. по мере развития буржуазной революции будут нарастать противоречия между крестьянством и пролетариатом. Либеральную же буржуазию Мартов оценивал как трусивую, непоследовательную и склонную к соглашению с царизмом. Однако надеялся, что революция изменит свойства самой буржуазии: во-первых, развитие капиталистических отношений будет обострять ее конфликты с самодержавием, во-вторых, на нее будет оказывать революционизирующее действие пролетариата³.

Таким образом, и Плеханов, и Мартов считали возможными лишь временные соглашения, а не союз с непролетарскими партиями. Опираясь на вывод Маркса о необходимости поддержки всякого оппозиционного движения, они дополнили его признанием необходимости не связывать себе руки постоянными соглашениями с партиями иной политической ориентации.

Вместе с тем, оба, в качестве главного внутреннего противоречия в самой социал-демократической партии, выделяли несоответствие между ее пролетарским характером и той ролью, которую в ней играет пролетариат. Одну из главных причин поражения революции они видели в отсутствии массовой, действительно пролетарской не только по целям, но и по составу партии, полагая, что одной из основных ее задач является содействие воспитанию пролетариата в процессе самостоятельно переживаемого им политического опыта.

Примечания

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. VI. М.; Л., 1928. С. 28.

² Из архива Л. О. Дан. Амстердам. 1987. С. 173.

³ Дворянская партия // Искра. № 96.

АНЖЕЛИКА БАЛАБАНОВА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РОДСТВЕННИКОВ

Мне бы хотелось ознакомить участников конференции в Доме Плеханова, где хранится недавно изданная «Историческим архивом» переписка между Г. В. Плехановым и А. И. Балабановой, с воспоминаниями о ней ее родственников. Большинство Балабановых по нисходящей линии жили и живут в Москве и Ленинграде (ныне Петербурге). Несмотря на то, что связанные с пребыванием А. Балабановой в до- и послереволюционной России документы почти не сохранились (в суровые 30-е годы большинство из них её родственники были вынуждены уничтожить), некоторые материалы - печатные издания и фотографии раннего периода ее жизни, нам удалось сохранить в архиве.

Несколько слов о себе и нашей семье. Анжелика Балабанова была родной сестрой моего деда по отцу, т. е. я прихожусь ей внучатым племянником. Родился я в 1924 году. К этому времени Анжелика Балабанова, проработавшая несколько лет в Коминтерне, уже выехала из России в свою вторую эмиграцию, из которой ей так и не довелось вернуться на родину. Произошло это в 1922 году. В первый раз она покинула Россию, когда ей было 17 лет, в 1895 году, и вернулась вместе с В. И. Лениным и другими революционерами после Февральской революции весной 1917 года.

Конечно, мои воспоминания о ней основываются исключительно на рассказах моего отца и моей тёти, жены брата моего отца, которая в период проживания Анжелики Балабановой в России находилась в Петрограде и не раз с ней встречалась. Тётя рассказывала, что Анжелика была небольшого роста, изящная, с очень нежным лицом, обрамленным двумя тутиными косами. Говорила она быстро, но очень четко, и её можно было хорошо понимать. При разговорах смотрела на собеседника, не отрывая от него глаз. Мой отец был кадровым военным (впоследствии по его стопам, став тоже кадровым военным, пошел и я). Во время революции он учился в Петрограде в высшем учебном заведении, институте, который позднее назывался ЛЭТИ. В 1917 г. вынужден был бросить учебу и вступил добровольцем в Красную армию.

В 1918 г. Анжелика Балабанова дала моему отцу рекомендацию для вступления в ВКП (б). Отец очень гордился и дорожил дружбой с А. Б., продолжавшейся всё время её жизни — 1918—1922 гг.— в России. В эти годы много раз встречались, главным образом в Москве, где отец служил и учился в Военной академии им. Фрунзе, вели между собой переписку. В письмах к отцу Анжелика всегда напоминала ему о том, как должна строиться деятельность агитатора-коммуниста. Так, в одном из писем, она отмечала, что главным в его действиях должны быть последовательность и продуманность. В другом письме она разъясняла, каким путем можно воспитать сознательных участников и защитников великих завоеваний пролетарской революции. В письмах они обменивались мнениями. По воспоминаниям отца она была сторонницей НЭПа, демократизации. Но она была ярым противником насилиственных мер в промышленности и сельском хозяйстве, и тем более в сфере культуры.

Анжелика подарила отцу две брошюры: «От рабства к свободе (обязанности и права коммунистов в первой трудовой республике)» и «Несколько слов об агитации (Письмо-лекция)». Обе брошюры написаны А. Балабановой и изданы в Москве в 1920 году. На

обложке одной из этих брошюр сохранился её автограф: «Дорогому Лёне в благо будущего. Всё и всегда для коммунизма, для освобождения от всех оков, всего гнёта, всякой лжи и великого рабства. 11.4.1920». В честь неё отец дал мне имя Анжелло.

В период 1936—1937 гг. отец служил в Москве. Мне тогда было 12—14 лет, и я хорошо помню, что, когда собирались у нас гости, в основном это были люди военные, отец любил рассказывать об Анжелике, о том, сколь она была умна, грамотна и т. д. Он хвалил её за её неутомимую деятельность, большую, общественную и политическую работу, которую она вела за границей, следил за её переездами: Италия-Вена-Берн-Берлин-Париж и т. д.

Вот за эти разговоры, за восхваления А. Б. и за полученную от неё рекомендацию в партию, за то, что она была ему родной тёткой, его в 1937 году арестовали и в 1938 году он был расстрелян. После ареста он просил маму уничтожить всю переписку с Анжеликой и все, касающиеся её документы. Мама так и сделала. Однако отдельные бумаги сохранила моя тётя С. С. Балабанова, которая всё время жила в Ленинграде. Эти документы мы и храним в нашем семейном архиве.

Несмотря на то, что в последнее время, начиная с периода «перестройки», имя Балабановой не раз упоминалось в печати, были частично опубликованы главы её книги о Ленине, все же широкой публике мало известны факты её биографии, её жизни и деятельности. Мне представляется уместным напомнить здесь о некоторых из них, чтобы участники конференции смогли ощутить, насколько это была яркая, неординарная личность, действительно, пламенная революционерка. Все эти данные собраны мною уже не только по воспоминаниям родственников, но и по крупицам из архивов, библиотек, разнообразных печатных изданий.

Анжелика Балабанова родилась в г. Чернигове 4 августа 1878 года (на камне, положенным на её могиле, по-видимому по ошибке как дата рождения выбит 1877 год) в семье богатого купца первой гильдии Исаака Балабанова. У неё было два брата Самуил и Виктор. Вот Виктор и был моим родным дедушкой по отцовской линии. Отец Анжелики, принадлежавший к слою людей по тому времени не бедных, слыл в Чернигове гуманным, образованным и честным. Дом его всегда был полон бедным людом, и никому не отказывали в помощи. Состояние свое он нажил большим трудом, начав буквально с нуля. По отзывам современников, был требовательным, но справедливым и честным, немало трудился сам и не любил лентяев. Детям своим он дал хорошее образование.

Эти качества отца заложили в душе дочери ростки любознательности, трудолюбия, уважения и внимания к людям. Вся её сознательная жизнь была посвящена борьбе за права трудового народа, за справедливость в отношении простого люда. По рассказам моего отца, она была женщиной темпераментной, решительной, смелой и отзывчивой, была всегда готова прийти на помощь товарищу. Качества эти закладывались в детстве. В гимназии Анжелика училась хорошо. Рано начала интересоваться политикой и экономикой.

После смерти отца, И. Балабанова, в мае 1895 года состоялся раздел семейного имущества. Доставшуюся ей долю Анжелика передала старшему брату, а он за это выплатил ей 15 тысяч рублей и обязался передавать ей проценты с годового дохода на её существование и обучение в Европе. Сам он остался в Чернигове продолжать дело отца. Виктор же, мой дед, переехал в Петербург, начал учиться, и где остался по окончании учебы, основав свое дело (он стал банкиром).

Анжелика в том же 1895 году уехала за границу продолжать учебу. Она закончила Брюссельский университет, дальнейшее образование получила в Цюрихе, Лейпциге, Берлине и Лондоне. Во все время учёбы оба брата помогали ей деньгами, высыпали из России необходимую ею прессу и литературу.

Тяготевшая по своим убеждениям к социал-демократии, в 1897 г. А. Б. примкнула к Союзу русских социал-демократов. Она работала переводчицей, так как к этому времени хорошо знала немецкий, французский, итальянский, английский, говорила по-сербски. Балабанова много и плодотворно сотрудничала в общественных и политических организациях, вела большую пропагандистскую деятельность по отстаиванию прав трудящихся. В 1900 году Анжелика Балабанова вступает в Итальянскую социалистическую партию (ИСП). В эмиграции завязывается многолетняя дружба с основателем русской социал-демократии Г. В. Плехановым и его семьёй (о хранящейся в архиве Дома Плеханова переписке уже упоминалось). Анжелика была очень дружна и с Идой Исааковной Аксельрод, о чём свидетельствует сохранившаяся обширная переписка. В 1907 г., на V съезде РСДРП, она познакомилась с Лениным и впоследствии долго с ним сотрудничала.

С началом мировой войны А. Балабанова активно включается в антивоенное движение, часто выступает с докладами на митингах и конференциях, пишет статьи антивоенного содержания. Она ведет обширную переписку с целью агитации против войны со многими социалистическими деятелями: И. Аксельрод, К. Цеткин, А. Коллонтай, М. Литвиновым, А. Луначарским, Р. Гриммом, Л. Сомоно и др. Ещё до войны она вошла в состав ЦК Итальянской социалистической партии, в которой принадлежала к её левому крылу. Накануне войны, одно время вместе с будущим итальянским диктатором Б. Муссолини, с которым они были знакомы еще со времен швейцарской эмиграции (рассказывают, что она повлияла на то, что он примкнул к социалистам), А. Балабанова работала в редакции её центрального органа газеты «Аванти!» («Вперед!»). Была представителем ИСП в Международном Социалистическом Бюро. Как представитель этой партии принимала участие и выступала с докладами на Циммервальдской и Кантальской конференциях в Швейцарии, задачей которых была борьба против мировой войны. На Циммервальдской конференции она была избрана секретарем Международной социалистической комиссии. Как представительница итальянских социалистов Балабанова участвовала Международном женском конгрессе. При её непосредственном участии Итальянская соцпартия принимает резолюцию, призывающую к восстановлению Интернационала и установлению скорейшего мира в Европе.

Вернувшись в Россию через Германию вместе с Лениным в 1917 г., она сотрудничает с ним, получая ответственные посты в правительстве. В это же время вступает в партию большевиков. С образованием III Интернационала Балабанова становится его первым секретарем-переводчиком. Кроме неё секретарями ИККИ были Берзин, Воровский и Радек, председателем стал Зиновьев. По постановлению секретариата ЦК РКП (б) от 8 октября 1918 г. было образовано Бюро в составе Балабановой, Бухарина, Воровского, Розина и Аксельрод, имевшее целью организацию соответствующих бюро за границей в различных странах для подготовки всемирной социалистической революции. Уже тогда Балабанова заняла особую позицию и выступила против этих программ бюро. Разногласия — она выступила против навязывания опыта большевиков зарубежным партиям, против одновременной организации революции во всех странах — привели к тому, что она в 1922 году пишет заявление о выходе из Коминтерна.

В том же году она покидает РСФСР и обосновывается сначала в Вене, затем в Париже, продолжая сотрудничать в «Аванти!». После смерти Ленина, который её очень ценил, в 1924 году Балабанову заочно исключают из ВКП (б). За границей она продолжает неутомимую деятельность в рядах социал-демократии. В 1925 году её избирают секретарем Международного бюро революционно-социалистических партий, в 1928 году — секретарем Итальянской максималистской партии. Свою деятельность этого периода она подробно описала в вышедших в середине 20-х годов сначала в Берлине на немецком, а десятилетие спустя, в США, на английском языке мемуарах. После установления в Италии и Германии фашистского и нацистского режимов Балабанова эмигрирует в США, где занимается литературной деятельностью. Там в 1943 году выходит малоизвестная книга её стихотворений, сразу на нескольких европейских языках, под названием «Слёзы людские».

Вернувшись по окончании второй мировой войны в январе 1947 года в Италию, Балабанова примкнула к Социалистической партии итальянских трудящихся (правому крылу ИСП, образовавшему свою собственную партию под руководством Дж. Карагата, впоследствии получившую название Итальянская социал-демократическая партия). До последних дней своей жизни продолжала интересоваться проблемами международного социалистического движения, выступала с докладами на организованных политиками и учеными конференциях по всей Европе.

Умерла Анжелика Балабанова в Риме 25 ноября 1965 года, где и похоронена на кладбище «Акатолико». Место захоронения приобретено в постоянное распоряжение доктором Джино Ипполито и содержится за счет средств Итальянской социал-демократической партии.

Таковы мои личные воспоминания о том, что рассказывалось в нашей семье представителями старших поколений об Анжелике Балабановой, и некоторые из собранных мною на протяжении многих лет сведений о её жизни и деятельности.

Г. В. ПЛЕХАНОВ И ЦАРСКАЯ ОХРАНКА

Сюжет этот представляет интерес не только сам по себе, но и потому, что позволяет по материалам архива III отделения и Департамента полиции уточнить и пополнить некоторые факты биографии Г. В. Плеханова и выявить ранее неизвестные сведения о его родственниках.

1. Хотя с полицией Плеханову пришлось столкнуться еще до известной Казанской демонстрации (первый обыск и кратковременное задержание его произошли в марте 1876 г., второй — в декабре того же года на квартире, где он проживал со своей первой женой Н. А. Смирновой, однако обыски последствий не имели¹), но только после нее появились основания для его преследования теперь уже со стороны политического сыска, ибо он являлся самой важной фигурой (*«коратором»*) на демонстрации.

Аресты начались сразу же после разгона демонстрации, но имена ее организаторов, в том числе Плеханова, стали известны III отделению позже, в начале 1877 г. Поиски «коратора» не дали результата, так как охранка долгое время не располагала описанием внешности и приметами Плеханова, и это сводило ее усилия к нулю. Не раз случалось, что Плеханова задерживали, доставляли в полицейские участки, проводили обыски, но никому из жандармских чинов не приходило в голову, что находящийся в их руках молодой человек — Плеханов. Так было в ноябре 1877 г. при аресте на центральной квартире землевольцев в Саратове, затем — в марте 1878 г. в Петербурге — во время стачки на Новой Бумагопрядильне и, наконец, в мае 1879 г. в Ростове-на-Дону после ареста и обыска на его квартире².

Более полные и точные сведения о Плеханове и его роли в революционном движении были получены III отделением лишь в конце января 1880 г. после показаний А. Жаркова, выдавшего типографию «Черного передела», а также подробного описания его внешности дворником того дома, где размещалась типография. С этого времени Плеханова искали не только по делу о Казанской демонстрации, но и как «главного руководителя» чернопередельской типографии³. Однако все это происходило уже после эмиграции Плеханова за границу и, разумеется, поиски его в России, в частности на его малой родине, результатов дать не могли.

2. Из воспоминаний сестры, К. В. Плехановой, было известно, что последний раз Плеханов приезжал на каникулы в Липецк в августе 1876 г. (это было за 4 месяца до Казанской демонстрации)⁴. Больше в родные места он приехать не мог потому, что перешел на нелегальное положение и не хотел подвергать опасности родных и близких. Но оказывается, что когда по делу о раскрытии тайной типографии «Черного передела» Плеханова искали в Тамбовской губернии, липецкий уездный исправник доложил Тамбовскому губернатору, что вследствие проведенного познанию выяснилось, «что Плеханов присезжал в деревню Гудаловку летом 1877 года и пробыл там не более 4 дней»⁵.

Таким образом, можно считать, что последнее посещение родины приходится на конец июля 1877 г. Именно тогда, направляясь в составе группы народников из Петербурга в Саратовское землевольческое поселение, Плеханов, видимо, решил по пути нелегально побывать в Гудаловке, а может быть, и в Липецке.

3. Было бы очень интересно узнать об отношениях Георгия Валентиновича с матерью из его писем к ней. Пока о них мы можем судить по рассказам родных и близких. К сожалению, до нас не дошло ни одного письма его к Марии Фёдоровне. На основании воспоминаний К. В. Плехановой можно предположить, что в условиях подполья он только изредка сообщал матери о себе письмами, доходившими до нее через незнакомых людей. Пользоваться почтой было опасно, так как за матерью была установлена слежка. Она подолгу не знала, где находится ее сын. Так, например, в декабре 1876 г. Мария Федоровна просила живущую в их липецком доме квартирантку выяснить во время поездки в Петербург, что с сыном, но последняя не застала Плеханова на квартире. В конце 1878 г. Мария Федоровна сама ездила в Петербург и через Н. А. Смирнову в последний раз виделась с Георгием⁶.

Материалы по делу о тайной типографии позволяют считать, что почтовой перепиской с матерью Георгий Валентинович все же пользовался. Во всяком случае, в телеграмме начальника Тамбовского ПКУ от 14 Февраля 1880 г. говорится о том, что 11 февраля того же года мать Плеханова получила письмо от сына из Швейцарии. Письмо по изъятию «в подлиннике с конвертом» было отправлено им в III отделение⁷.

Действительно, в деле имеется неподписаный конверт, куда, по-видимому, было вложено письмо Георгия Валентиновича к матери вместе с конвертом. Но ни письма, ни конверта, в котором оно пришло из Швейцарии, в неподписанном конверте нет. Остается надеяться, что, возможно, оно затерялось и когда-нибудь может быть обнаружено в материалах III отделения.

4. В 1883 г. из-за границы в Россию возвратилась сестра Плеханова, Александра Валентиновна, сдавшая специально повидать брата и познакомиться с его революционным окружением. Находясь в Швейцарии, она вышла замуж за серба Савву Захаровича Якича. Последний пожелал получить образование в России и поступил в Киевский университет. Супруги поселились в Киеве, но вскоре Александра Валентиновна, как и ее муж, была уличена в революционных связях. Она была арестована, судима и как сербская подданная в ноябре 1883 г. выслана из России без права возвращения⁸.

Из приводимых ниже документов становится известно, что прежде чем переселиться в Киеве, Александра Валентиновна приезжала в Липецк. Кроме того, из них явствует, что полицейский надзор над родственниками Плеханова на его родине продолжался, по-видимому, вплоть до Первой русской революции и принятия Манифеста 17 октября 1905 г.

3 июня 1883 г. липецкий уездный исправник сообщал Тамбовскому губернатору, что негласным путем им получены сведения о том, что жительница Липецка, Лариса Дмитриевна Познякова (далняя родственница Г. В. Плеханова по линии первой жены отца, В. И. Позняковой), получила в конце 1882 и начале 1883 года два письма. «...первое от самого Георгия Плеханова для передачи студенту Николаю Николаевичу Познякову, состоявшему в г. Липецке под надзором полиции, а второе — от Александры Плехановой для передачи сестре Георгия Плеханова Варваре Позняковой, жене студента Николая Познякова. В этих письмах Георг и Александра Плехановы просили о скорейшей высылке в Вену денег, так как они терпят большую нужду. Содержание этой части письма Ларисе Позняковой было дано прочитать, так как Николай и Варвара Позняковы просили для Плеханова у нее, Позняковой, денег, в которых она им отказалась, все содержание писем ей, Позняковой, читать не давали. Где в настоящее время находятся Георг и Александра Плехановы, ей неизвестно»⁹.

Но уже через два месяца, 3 августа, он сообщил следующее: «В дополнение к рапорту своему от 3 июня сего года за № 43 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что родная сестра политического преступника Георга Валентинова Плеханова, Александра Валентинова, в настоящее время в замужестве за сербским подданным, студентом Якич[ем], 26 июля прибыла в город Липецк и остановилась на Дворянской улице в доме г. Вильяминовой, а затем перешла на квартиру Степанова [на] Продольной улице, что г. Якич о личности своей представила сербский национальный паспорт 21 июля / 2 августа сего года за № 5965, явленный того же числа в Российском консульстве в Вене под № 4551, но метрического свидетельства и русского национального паспорта, по которому г. Якич ездила за границу, ею не представлено и дознать об этом секретно не представляется возможным...»¹⁰

Примечания

- ¹ Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж. 1990. С. 12, 22.
- ² Там же. С. 33—34, 45, 101.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. З эксп. 1880. Д. 144. Ч. 1. Л. 10.
- ⁴ Бережанский А. Годы на родине // Собеседник. Воронеж. 1971. С. 69—90.
- ⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 15 об.
- ⁶ Бережанский А. Годы на родине. С. 90—91.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1880. Д. 144. Ч. 1. Л. 63.
- ⁸ Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 158.
- ⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 33—34.
- ¹⁰ Там же. Л. 35—35 об.

М. Б. Конашев

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГЕНЕТИКОВ В 20—30-Е ГОДЫ XX ВЕКА: «НЕТРАДИЦИОННОЕ» ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ?*

История советской генетики является одной из наиболее изученных областей истории советской науки, для которой был даже придуман очередной термин — «сталинистская наука». Причиной тому был и до сих пор остается обостренный интерес к лысенкоизму и подавлению генетики в СССР в конце 40-х — начале 50-х гг. В результате даже среди историков науки сложилось мнение, что все или почти все аспекты и эпизоды этой истории уже изучены, и недописанными остаются лишь некоторые детали. При этом, как и в прошлом, советское общество (и советское научное сообщество) 1930-х — 1940-х гг. рассматривается как «закрытое» общество.

Согласно такому подходу ни один внешний фактор не играл сколько-нибудь значительной роли в социальных, культурных и иных процессах советского общества. Научные контакты советских генетиков с их западными, в частности американскими, коллегами не анализировались как отдельный и важный фактор развития советской генетики. Международный политический и социокультурный контекст также исключался из рассмотрения. Картина развития была такова, как будто динамичные, драматичные и часто трагические события в советской генетике происходили в изолированном и абсолютно непроницаемом для внешних влияний и воздействия «железном ящике» советского общества.

В России генетика возникла во время гражданской войны и ее формирование совпало с формированием советской социально-политической системы. Хотя три главные центра отечественной генетики — школы Ю. А. Филипченко, Н. И. Вавилова и С. С. Четверикова быстро выросли в 1920-е гг. и приобрели мировую известность, только в конце 1920-х — начале 1930-х гг. была создана собственно «советская» генетика. Поскольку в целом русская наука даже 1920-х гг. еще сохраняет многие черты досоветской, старой, то есть европейской науки, отечественная генетика тоже примерно до конца 1920-х гг. оставалась европейской генетикой. Этот начальный период ее развития может быть назван периодом неполитизированной генетики, последующий — политизированной. Политизация генетики, то есть трансформация ее в «советскую генетику», особенно остро отразилась на научных контактах русских генетиков с зарубежными, в особенности, с американскими коллегами.

Европейский характер русской генетики в 1920 гг. выражался в том, что как наука в своих основных чертах и функциях она воспроизводила, разумеется, адаптируя их, все принципиальные черты, функции и нормы западной науки. Создавалась она первоначально по частной инициативе и частными усилиями нескольких молодых биологов: Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова, Н. К. Колыкова, Н. И. Вавилова. Их контакты с западными коллегами также носили европейский характер и имели очень большое значение для становления и первоначального развития советской генетики. Обычной практикой было опубликование статей отечественных генетиков в зарубежных биологических

журналах, главным образом в немецких и американских, обмен книгами и оттисками, другими печатными материалами. Регулярно в отечественной научной и научно-популярной периодике публиковались рецензии и обширные обзоры зарубежных работ, наиболее выдающиеся из которых были переведены на русский язык¹.

Главными западными партнерами и корреспондентами русских генетиков в этот период были: Ч. Б. Девенпорт, А. Ф. Блексли, Т. Г. Морган, Р. Перль, Р. Гольдшмидт, Г. Дж. Меллер, Г. С. Дженнингс, О. Мор, Л. Данн. Некоторые из зарубежных генетиков один или несколько раз посетили СССР, и даже какое-то время здесь работали: американцы Г. Дж. Меллер и К. Б. Бриджес.

Одновременно русские генетики выезжали за рубеж, участвуя в международных генетических конгрессах и других научных мероприятиях, а также в исследовательских проектах, либо проходя стажировку в зарубежных лабораториях. Особенно важными оказались научные поездки на год-два молодых ученых, в частности при поддержке Рокфеллеровского фонда. В конце 1920 гг. Ф. Г. Добржанский, Г. Д. Карпченко, В. В. Аллатов, и др. отправились в различные исследовательские центры в США, где выполнили блестящие экспериментальные и теоретические исследования, опубликовав результаты в ведущих американских научных журналах и приобретя заслуженную мировую известность. Они не только накопили необходимые навыки и опыт, но и стали выдающимися исследователями в своей области, основав новые, либо реорганизовав старые генетические центры по возвращении. Политические реалии на родине, однако, внесли корректировки в столь многообещающее начало. «Великий перелом» заставил некоторых из них остаться за рубежом (так, Ф. Г. Добржанский в США, и Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии).

«Великий перелом» означал и поворот в международной политике. Главной целью его был, однако, не изоляционизм, как иногда утверждается, а введение тотального контроля за информационным потоком между СССР и внешним миром, включая обмен научной информацией и учеными как ее носителями. Поэтому, скажем, ограничение научных экспедиций Н. И. Вавилова в начале 1930-х гг. являлось выражением общего принципа: допускались только те контакты советских ученых с их зарубежными коллегами (включая проведение международных научных конгрессов и конференций в СССР и участие советских научных делегаций в зарубежных конгрессах), которые представляли политический интерес или пользу с точки зрения власти.

В тоже время эта политизация генетики «сверху» сопровождалась встречным движением «снизу»: хорошо понимая, что они смогут добиться определенных благ для своей науки, институтов и своих собственных исследований, некоторые генетики активно и дифференцированно использовали политические аспекты своих контактов и сотрудничества с западными коллегами.

На 5-м Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. советские генетики провели специальное заседание, на котором приняли решение добиваться проведения следующего конгресса в СССР. Положительный ответ на эту инициативу был получен и от власти в СССР, и от международного генетического сообщества в лице международного оргкомитета. Определенным образом было использовано и участие зарубежных генетиков во Всесоюзном съезде по генетике в 1929 г.

На 6-м Международном генетическом конгрессе в 1932 г. в Итаке (США) было принято два важных для советской генетики решения: Н. И. Вавилов был избран членом

Международного оргкомитета (МОК) следующего 7-го конгресса, и СССР был определен в качестве одного из возможных мест проведения 7-го конгресса.

В соответствии со вторым решением весной 1935 г. председатель МОК, норвежский генетик О. Л. Мор послал Н. И. Вавилову письмо, спрашивая о возможности и времени проведения 7-го МГК в СССР. Н. И. Вавилов ответил, что обсудит вопрос с правительством, и вскоре сообщил, что положительные ответы получены от Наркомата сельского хозяйства, Наркомата просвещения и АН СССР. В конце августа 1935 г. Н. И. Вавилов известил О. Л. Мора, что положительный ответ правительства также получен. В конце сентября 1935 г. О. Л. Мор известил Н. И. Вавилова, что большинство голосов членов МОК было подано в пользу СССР как лучшего места для проведения 7-го МГК в августе 1937 г. Благоприятное решение было принято по некоторым данным под влиянием американских генетиков.

В декабре 1935 г. предварительная программа МГК была подготовлена Институтом генетики и одобрена президиумом АН СССР. Программа и состав советского ОК были вскоре одобрены и правительством. Подготовка к МГК шла и за рубежом. Около 100 американских генетиков подтвердили свое участие (для сравнения: из Великобритании ожидалось около 20 генетиков, включая Дж. Хаксли и Дж. Б. С. Ходдейна). Всего около 2000 приглашений было разослано и около 900 подтверждений было получено до того, как в СССР ситуация резко изменилась.

В декабре 1936 г. советский ОК был неожиданно ликвидирован, но затем удалось добиться решения о том, что проведение МГК отложено на 1938 г. Советские генетики, в частности Н. И. Вавилов, возлагали большие надежды на 7-й МГК, надеясь, что конгресс укрепит положение советской генетики и поможет генетикам в их борьбе с Т. Д. - Лысенко. В СССР МГК, однако, так и не состоялся, и был проведен в августе 1939 года в Эдинбурге (Шотландия).

Судьба МГК в СССР была предопределена в результате взаимодействия таких факторов как реакция зарубежного (прежде всего американского) генетического сообщества на события в советской генетике, усилия лысенкоистов по дискредитации генетиков и генетики и «смена настроений» на советском политическом верху, причина которой точно еще не выяснена. 14 декабря 1936 года в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья, в которой утверждалось, что два советских генетика — И. И. Агол и Н. И. Вавилов — арестованы, а МГК отменен. Статья была перепечатана журналом «Science» и вызвала интенсивный обмен мнениями и целый ряд конкретных действий американского сообщества генетиков.

Дополнительными источниками информации послужили письма их коллеги, Г. Дж. Меллера, работавшего в Институте генетики АН СССР в Москве и сообщение Роз Келлер из «Интуриста», а также редакционная статья в «Нью-Йорк Таймс» от 17 декабря 1936 года, в которой уточнялось, что только один из генетиков, Агол был арестован, но по политическим причинам, а МГК отложен.

Фактическое общее мнение американских генетиков выразил Г. Уоллес в частном письме к О. Л. Мору: в сложившейся ситуации лучше провести МГК в другой стране в 1938 или 1939 году. Несмотря на усилия советского ОК, в частности коллективное письмо ведущих советских генетиков от 22 июня 1937 г., мнение зарубежных генетиков все больше склонялось в пользу отказа от проведения МГК в СССР. Их знакомство с первоисточником (Бюллетень VI Сессии ВАСХНИЛ, № 8, 30 декабря 1936 г.) предопределило

окончательно решение МОК, большинство членов которого проголосовало за проведение 7-го МГК в Великобритании в 1939 г.

Контакты советских генетиков с американскими (и другими) коллегами были восстановлены во время Второй Мировой войны, но их послевоенная судьба также была непростой.

Как было показано выше, Россия в этой казалось бы узко специализированной сфере вполне «вписывалась» в общее русло развития и при благоприятных внутренних и внешних условиях по крайней мере сохранила бы почетное положение второй генетической державы в мире и «нетрадиционное» измерение.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-03-04237).

Примечания

¹ См. напр.: Морган Т. Г. Структурные основы наследственности. М.; Пг.: Госиздат, 1924. 310 с.; Гэйт Р. Наследственность и евгеника. Л.: Сеятель, 1926. 267 с.; Морган Т. Г. Теория гена. Л.: Сеятель, 1927. 312 с.; Конклайн Э. Г. Наследственность и среда. М.: Госиздат, 1928. 333 с.; Пеннет Р. Менделизм. Л.: Госиздат, 1930. 240 с.; Фриз де Г. Избранные произведения. М.: Медгиз, 1932. 147 с.; Иогансен В. Л. Элементы точного учения об изменчивости и наследственности с основами биологической вариационной статистики. Л.: Сельхозгиз, 1933. 410 с.; Меллер Г. Избранные работы. Авториз. пер. с англ. под общей ред. и с ввод. статьей акад. Н. И. Вавилова. М.; Л.: Сельхозгиз, 1937. 237 с.; Морган Т. Г. Избранные работы по генетике / Пер. с англ. под общей ред. и с ввод. статьей акад. Н. И. Вавилова. М.; Л.: Сельхозгиз, 1937. 285 с.; Пайнтер Т. С., Бриджес К. Б. Строение гигантских хромосом. М.: Биомедгиз, 1937. 47 с.

Советские генетики не имели возможности публиковать свои результаты в журналах, что было связано с тем, что в 1920-х гг. в СССР действовали строгие цензуры, запрещавшие публикацию научных работ, связанных с генетикой. В 1920-х гг. в СССР было запрещено изучение генетики, так как это было воспринято как «евгеническая наука». В 1930-х гг. генетика была воспринята как «бесперспективная наука», так как ее результаты не соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1940-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1950-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1960-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1970-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1980-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 1990-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 2000-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 2010-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 2020-х гг. генетика была воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствовали идеям марксизма-ленинизма. В 2030-х гг. генетика будет воспринята как «важная наука», так как ее результаты соответствуют идеям марксизма-ленинизма.

ELITE FORMATION AND EGALITARIANISM: CONTRADICTIONS IN SOVIET POLITICAL CULTURE OF THE 1930S

The policy break of the years from 1928 onwards may be explained in more than one way. Arguably, the most important reason was the urge to industrialize, which had two main motives. The first was the need for economic modernization and growth in order to expand the power potential of the Soviet state and reduce its backwardness¹.

The second motive was the construction of socialism and the ideological response to backwardness. Marxist-leninist theory and practice was in a crucial sense politics of backwardness par excellence. The theory of modes of production was combined with the theory of revolution in a way which exerted immense attraction and produced tragic illusions in backward countries. The marxist theory of progressive stages might have been harmless, or even had certain positive effects in the advanced West. It was, however, fatal in backward Russia because it eventually came to reinvigorate the wishful thinking which already Herzen had expressed by his dictum on the privilege of backwardness and which ran through narodniki's belief in Russia's mission and ability to skip the capitalist stage.

In terms of theory, the problem inhered in the fact that a socialist revolution could not and should not occur only in Russia in 1917. I make two short comments on this point. First, it is possible, by piecing together passages from Marx' and Engels' writings largely from the years 1847–1850, to turn out a rudimentary marxist theory of revolution in conditions of backwardness. The revolutionary scenarios of this theory parallel to some extent the stages in the development of the Russian revolution from February 1917 to 1930, the collectivization corresponding to what Engels envisioned as «a second struggle» in his 1847 draft to *The Communist Manifesto*².

Second, there was the theory about the weakest link in the chain, but such a theory can at best only explain breakdowns and disintegrations. The more effective it is in explaining this, the gloomier prospects for the future when contemplating what marxist theory said about the material and other preconditions for building a new society after the revolution. Bukharin stated the problem in 1918; after having elaborated upon the reasons for the «revolution of the proletariat» he writes: «On the other hand, however, the reasons for the easy victory of the proletariat changes after the victory dialectically into reasons for the greatest difficulties»³.

The Bolsheviks tried later to drum the problem away by rhetorical means («There are no fortresses in the world which the toilers, the Bolsheviks, cannot storm»), by extreme voluntarism («The will of the party can create miracles»), or by sheer mysticism («Bolshevik consciousness triumphs over the spontaneity of market forces»).

In theory, socialism was a modernist project, a kind of post-capitalism so to speak, and, on the other hand, an egalitarian project with the goal of liquidating exploitation and exploiting and privileged classes. Apart from the fact that the working class was considered to be a vehicle for modernization, there was not much to connect the two sides. I shall argue that this lack of interconnectedness lies underneath many of the contradictions of the 1930s.

The immediate effect of the Russian revolution and the Civil War was a profound archaization and ruralization of the country. Not only was the working class disastrously decimated in

1921; many of the socialist demands were interpreted in a rather anti-modernist way by the workers themselves. In the history of socialism the question of elites has always been difficult and painful, and much of the anti-elitist sentiments in the various «oppositions» in the years 1918—1921, notably the «Workers' opposition», was anti-modernist. And if, as it is noted in a recent text-book, the overwhelming majority of party members towards the end of the 20s were automatically supporters of the idea of socialism in one country and did not even grasp the relevance of any discussion concerning this point⁴, it reflected attitudes which were not necessarily supportive of socialism as a modernist project.

Industrialization required capital accumulation, mobilization of resources and manpower, competence, technology, discipline, just to name a few of the pertinent ingredients. It turned out that the socialist discourse in the interpretation of the majority of the workers would obstruct much of this. In so far as collectivization, economical, technological, and industrial modernization inherently required and led to functional and social differentiation, huge expansion of career possibilities and formation of new elites, it contradicted the workers' view of socialism as a class-less society. This contradiction was aggravated by the fact that the first leap forwards took place in a period of «class war» and the final attack against the old elites. The proponents of industrialization argued that the traditional role of trade unions representing workers as opposed to managers etc. belonged to the bourgeois past, and the party tried to find a new and more «progressive» role for them. If we consider the real place and function that the trade unions got later, we have to admit that the allegedly «petit bourgeois» view of their role which Tomskii stood for at the end of the 20s, was the most modern so far attained in the history of work-management relations in Russia. When it was relinquished, there were no cultural resources to prevent work-management relations from revolving back to essentially pre-modern standards.

It is obvious that extensive, radical planning for economic growth could not live with the traditional opposition between workers and management. In view of the hardships and sacrifices on the part of the workers which one realistically could foresee, however, the workers could not be left without enemies. If need be, one had to invent enemies for them. The traditional opposition had therefore to be reshaped and reformulated.

While not disputing any of the current interpretations of Stalinism nor of the politics of terror in the 1930s, I think that one can see some aspects of the events of this decade as outcomes of the strategies chosen to resolve the indicated problem. The workers had partly to get new enemies, and old enemies had to be seen not so much as workers' enemies in the traditional sense, but as enemies of every honest man and of the government and the party as well, as the foes of everything connected with the revolution, i. e. counterrevolutionaries. The enemies of the workers tend in the course of the 30s to become ever more generalized and class-neutral, to become «enemies of the people», i. e. of the grand collective.

Within the frame of the ideological and discursive creation of this grand collective, called «trudyashchiya narod», with no antagonistic classes, emblematised by the declaration of the achievement of the building of socialism, the Constitution of 1936, and cancelling of the preferential treatment of workers, went the formation of the new elite. Its birth process was protracted and traumatic. It was to go through several purges and bloodlettings. The working class was invited to participate in the carnage as if in compensation for being forced to accept a new elite and commanding stratum. All the military metaphors in the official discourse, intensification of the class struggle, playing on the war threat, and so on, helped to create a siege mentality which would make a commanding elite necessary to protect the toiling people. On the other

hand, one should watch very closely those who were promoted into the elite, for the enemy was particularly apt to mask itself and worm its way into the elite. So, be vigilant and seek out the enemy, the working class was told. The workers should be made to accept the formation of the elite in general by being permitted and at times even encouraged to batter it under the pretext that it harboured so many enemies.

1928—1931. The «class war» in the years after 1928 gave full outlet for the oppositional moods; the socialist offensive was accompanied by full-scale assault on everything old that stood in the way of socialist progress, from old cultural and managerial elites to backward and selfish peasants. This was, as it were, realization of socialism as it was understood by the workers, accompanied by growing intensity of the class struggle, «spetseedstvo» and celebration of proletarian cultural values, egalitarianism, emphasis on class origin, enrollment of workers into institutions of learning, and so on. «Technology decides everything», it was asserted, as if to say that one could dispense with the services of the specialists. Two exemplary trials attempted to show that it was the managers and engineers and not the workers who were against and blocked the industrialization programme.

1931—1933. The «class war» years produced a catastrophic decline of discipline and in general a fluid and chaotic society, «a quicksand society»⁵. A somewhat similar situation occurred in 1938—1939. In both cases the situation called for stern measures in order to regain control and create a social climate more favorable for the economy. The objective reasons for opposition on the part of the workers increased sharply after 1931 when Stalin called off the class war and foreclosed any attempt to act upon the principle of equality by his verdict that equalizing (uravnivokva) was petit bourgeois. At the same time the specialists were (partly) rehabilitated and measures introduced to enforce discipline in industry and law and order in society at large (in particular, to protect «socialist property»).

1934—1938. This period was the most complicated and contradictory. The party's popularity being at a low in 1933, a certain relaxation followed in 1934. The workers, the rank and file party members etc. were encouraged to control and criticize their superiors. While it was asserted that «cadres decide everything», it was the time of campaigns against inconsiderate bosses and rude and haughty bureaucrats. There were purges in the party. There was the work on the new constitution and the quasi multi-candidate elections in 1937. There was the Stakhanovite movement from the autumn 1935 which was used against workers as well as against managers, who were told to «master technology»⁶. In a sense, Stakhanovism with its heroes of production purported to say that everything depends on the worker. Most of this continued well into the terror years 1936—1938.

1938—1941. The terror frenzy slowed down from 1938 when it began to dawn upon the leadership that «nothing seems to have undermined or even wrecked labor discipline as much as the campaign against wreckers»⁷. The managerial authority had to be restored and the workers reined in, through new decrees on labour.

While sharing many of the criticisms that have been raised against the use of the concept of totalitarianism as regards the Soviet Union, I believe the concept may still be useful for certain purposes. We have, however, to separate intentions from real outcomes, forms from contents.

The social realities of the Soviet society in all its bewildering absurdity and complexity can at no point of time be meaningfully described as totalitarian. May be as despotic, but not as totalitarian. The crucial issue here is the classical problem of unanticipated and often hidden consequences of social action and the concomitant lack of control of what really was going on in the enormous country, in the real life of production, distribution and administration⁸, not to

speak of what was going on in popular discourse and in peoples' minds⁹. It is, however, possible to see one reason why the 1930s for many observers have come to look totalitarian: the majority of the people constructed most of their representations of the world in terms of the traditional us-them (verxi-nizy) dichotomy, but for a while (in 1937) «the regime's image of the enemy and that constructed by the people partially coincided»¹⁰.

To conclude, promises inherent in the socialist discourse made the process of elite formation more painful than it otherwise would have been. The cases of denunciation of superiors in the hope of moving into the vacant positions were only the ugliest surface of a more profound psycho-social turmoil. The old elites were ousted at a time when the industrialization drive was bound to create new elites considerably larger than the old ones. The Soviet society being about 1930 in a state of flux and anarchy, socially extremely open and fluid, the struggle for social elevation and a place in the sun started anew from scratch, so to speak. This gave the elite formation process a peculiar intensity and instability. On the other hand, the whole process was disfigured and corrupted by influential traits in the socialist discourse, not only by the egalitarianism, but also by ideals of socialist moralism, as modesty, anti-careerism, narodnost, and so on. All of this could be used both by those who were against elites by principle or by temperament, as well as by the rivals themselves, to throw suspicion on any candidate who was busy reaching the goal, that is a place in the elite.

Примечания

¹ Note for example the similarities in the understanding of the problem in Sergei Witte's memorandum to the tsar in 1900 (quoted in Theodor H. von Laue: *Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York, 1963, p. 2–3), and Stalin's speech to industrial managers in February 1931 («О задачах khozyaistvennikov». *Sochineniia*, 13, p. 38–39).

² «Grundsätze des Kommunismus», Marx und Engels: Werke (MEW), 4, p. 373.

³ Nikolaj Bucharin: *Ökonomik der Transformationsperiode*. Reinbek bei Hamburg 1970, p. 162.

⁴ Politicheskaiia istoriia: Rossiiia — СССР — Rossiiskaia Federatsiia. Moskva, 1996, vol. 2, p. 326.

⁵ Moshe Lewin: *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. London, 1985, p. 221.

⁶ Sheila Fitzpatrick («Stalin and the Making of a New Elite, 1928—1939». *Slavic Review*, vol. 38 (1979), p. 394), citing Stalin and Molotov, makes the point that in 1928, «the state had been threatened by the sabotage of a group of technical experts who were not Communists, while in 1937 the threat came from Communists who were not technical experts».

⁷ Lewis H. Siegelbaum: *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*. Cambridge, 1988, p. 260.

⁸ And the feedback of these consequences upon the whole system. Writes Siegelbaum: «Because the state had swallowed civil society, the exercise of state power was profoundly affected by what was being digested» (*ibid.*, p. 297).

⁹ See, in particular, Sarah Davies' discussion on the basis on NKVD and party reports on popular opinion in the 30s. She finds, for example, that the terror against the elites was popular, but, noting that all the defendants in the show trials had been leading communists, many expected that the furore would soon come to the rest of the leaders in power, including Stalin (Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934—1941. Cambridge, 1997, p. 131—32).

¹⁰ *Ibid.*, p. 144.

СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР. 1920-Е — 30-Е ГОДЫ

Влияние социальных и политических событий на развитие архитектуры в нашей стране исследовалось достаточно мало. Проблема эта, на первый взгляд, может показаться несколько надуманной и сложной, но она видится очень интересной и перспективной с исследовательской точки зрения. Серьезным трудом по этой теме можно считать монографию В. Паперного «Культура Два» (М., 1996). В советской официально изданной историографии тема взаимосвязи архитектуры и политики практически не рассматривалась, Отдельные работы, освещавшие аспекты этой проблематики появились лишь в последнее время.

Чем характеризуется архитектура эпохи 20 г., названной конструктивистской и шире, культура этого периода?

Это была культура перемещения, неустойчивости и изменения состояния. Характерными были и свойственные этому периоду фразы-лозунги: «вечный бой», «перманентная революция», «земля дыбом». Архитектурные сооружения, присущие этой культуре должны были быть, образно говоря, движущимися (и даже буквально; но осуществить это не удалось): такими примерами можно считать знаменитые проекты — башню-памятник III Интернационалу В. Татлина (1919—1920) и «Летающий город» И. Юзефовича (1927—1928).

В таких сооружениях не следовало «стоять и сидеть, все должно быть несущим механически вверх, вниз, увлекать против вашей воли»; жилые дома должны быть «поворачивающимися к солнцу, разборными, с меняющейся планировкой комнат».

Идеал, к которому должна была стремиться архитектура (и строительная промышленность) 20-х, состоял бы в том, что «перемена жилищ отдельными гражданами» была очень легкой. Подразумевалось, что не только люди отрываются от насиженных мест, от земли и активно перемещаются, и их жилища тоже, — люди как бы путешествуют (в проектах) в своих жилищах. Поэтому прототипом жилья становятся «кабинки пассажирского парохода, аэроплана или специального вагона». Как следствие, строящиеся многочисленные клубы, Дома и Дворцы культуры представляют собой зачастую полуфантастические нагромождения устремленных куда-то объемов, образно говоря, готовых взлететь. Детали их похожи на носовую часть теплохода, в них появляются характерные круглые «иллюминаторные» окна; зачастую основные массивы зданий ставятся на несущие колонны, которые, если использовать метафору, можно сравнить с ногами; а, например, т. н. ленточные окна общежитий и Домов — коммуны также весьма походят на окна пароходов и т. д.

Проследим, что же происходит в политической и социальной сферах в этот период. Во-первых, время перестает быть незыблым и устойчивым: по Декрету от января 1918 г. изменился календарь, Декретом от февраля 1919 г. была введена международная система часовых поясов. Во-вторых, был принят ряд мер способствовавших свободному перемещению граждан в пределах РСФСР-СССР и за рубеж. Постановление подтверждало отмену обязательных общегражданских паспортов и иных видов на жительство; в 1923 г.

был издан Декрет ВЦИК и СНК СССР, запрещавший требовать «от граждан обязательного предъявления» таких документов, «стесняющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР»; в 1925—1926 гг. произошла отмена централизованной системы регистрации браков; существовал довольно свободный въезд и выезд за границу.

Из типичных сооружений этого периода можно привести проект Дворца Труда братьев Весниных (не осуществлен), собственный дом архитектора К. Мельникова в Крикоарбатском переулке (1927—1928); построенное по его чертежам здание Клуба им. И. В. Русакова (1928), Дом Наркомата Легкой Промышленности на Мясницкой ул. (1934) архитектора Ле Корбюзье (все — в Москве).

В целом можно сказать, что советская архитектура 20-х г. началась проектами стеклянных жилых ящиков В. Хлебникова и закончилась мобильными жилыми ячейками М. Охитовича и М. Гинзбурга.

Однако постепенно, с 1926—27 гг. начинается медленный откат от политики НЭПа, происходит становление и оформление жесткой тоталитарной системы во всех сферах жизни в стране. Как это отразилось в законодательстве и архитектуре 30-х гг.?

Издаются серия законов и постановлений, прикрепляющих социальные слои, национальные группы, а затем и всего населения СССР к месту проживания, работы, семьи и т. д.

Так, в 1926 г. принимается постановление, направленное на «содействие переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни».

В этом же году начинается борьба за трудовую дисциплину и на предприятиях: вводятся трудовые списки, в 1930—1931 гг. проводятся меры «по борьбе с текучестью кадров». Дополнительно, в 1932 г. за прогул без уважительных причин вводится увольнение, с декабря того же года устанавливается обязательная паспортная система с пропиской и принимается ряд других мер ограничительного характера.

Ограничивающие постановления коснулись и сферы зарубежных поездок. Так, в 1926 г. «для советских граждан, окончивших заграничные ВУЗы и возвращающихся для работы в СССР» устраивались специальные экзамены по обществоведению. Указ 1927 г. был направлен на «жесткое сокращение заграничных командировок». Апофеозом стало окончательное установление в середине 30-х годов «железного занавеса».

Все это привело к особому отношению к границам, что удивительно точно зафиксировали архитекторы на своем пространственном языке — в виде появившихся повсюду барьера, границ и тому подобных сооружений.

Первым зданием в стиле неоклассицизма можно считать жилой дом арх. И. Жолтовского в Москве на Манежной пл. (1934). Именно в период «осаждения» населения СССР в архитектуре возникают огромные арки высотой от 2 до 7 этажей. Тщательно оформляются входы на станциях московского метро (ст. «Комсомольская», арх. Д. Чечулин и др., 1935 г.). Архитектурными средствами это должно было подчеркнуть исключительную важность, даже подвиг (и сопряженную с ним опасность) пересечения границ.

Постепенно граница приобретает значение рубежа Добра и Зла: Добром по-прежнему в 30-х гг. являлось все рабоче-крестьянское (пролетарское), а Злом, соответственно, все буржуазное.

Другая характерная особенность архитектуры 30-х, как и 40—50 гг., является отсутствие каких-либо «движущихся», «летящих», «способных перемещаться» архитектурных элементов и объемов.

Именно одновременно с введением тоталитарной оседлости населения СССР, особенно с введением паспортов, архитектурные сооружения становятся капитальными, непропорционально огромными и тяжелыми, крепко «приросшими» к земле, строятся по иерархическому принципу.

Классическим примером подобной архитектуры следует считать неосуществленный фантастический проект Дворца Советов в Москве арх. Б. Исфана, В. Гельфрейха, В. Щуко в 1934 г. Он представлял собой гигантское здание высотой в 300 м, завершающееся 100-метровой статуей В. И. Ленина! Неосуществленный проект Дворца уже после войны воплотился, как бы в меньших масштабах, в московских высотных зданиях МИДа, МГУ и др.

Какой же стиль возобладал в 30-е в советской стране и почему?

Архитектура и культура первого послереволюционного десятилетия активно рвались в будущее, что и отразил стиль конструктивизма. Это же будущее в 30-х годах в культуре, как и в реальной жизни, отодвигалось как бы на неопределенное время. Продвижение к нему виделось еще более захватывающим и радостным, но этому движению уже не было видно конца, движение становилось самодостаточным.

Движение в новой архитектуре и культуре становится вполне тождественным неподвижности, а будущее — верности. Будущее, превратившись в вечность, настолько уж однородно и неизменно, что в нем уже ничего, в сущности, не происходит. Ничего нельзя увидеть, туда как бы бессмысленно и взглянуть — поэтому взгляд архитектуры и культуры оборачивается назад, как бы развернувшись на 180 градусов. Настоящий момент оказывается уже не начальной точкой истории (как в 20-ые), а скорее, ее финалом¹. Основной задачей советской архитектуры становится освоение наследия мировой архитектуры. Кстати, и юридическая процедура наследования была восстановлена в 1926 г. Освоение наследия началось с триады «Греция-Рим-Ренессанс». Если так можно сказать, культура 30-х считала, что мировая культура развивается циклично, предполагалось, что современный оставил незамкнутым и замкнуть его (собой) предстояло именно советской культуре (и архитектуре, хотя вопрос этот, безусловно, очень сложен и дискуссионен). Именно тогда начинается процесс внимательного «перебора» различных прошлых стилей и творческих концепций с точки зрения их возможного подхода для завершения этого цикла. Таким образом, были охвачены готика, барокко, с некоторыми оговорками, модерн и даже архитектура Востока (Персии). В результате, уже к началу войны советская архитектура ощущала себя наследницей всех традиций и итогом всех путей развития, а в самый канун войны и в год ее начала этот круг охватил традиции Киева, Владимира, наконец, самой Москвы. Уже после окончания войны Москва стала «образцом» архитектуры для себя самой и всего мира (по крайней мере, так хотелось партийному и государственному руководству нашей страны). Из осуществленных проектов 30-х гг. можно назвать здание гостиницы «Москва» (арх. А. Щусев, Л. Савельев, О.-Стапран, 1935—38 гг.), Дом Советов Народных Комиссаров СССР в Охотном ряду (арх. А. Лангман, 1936, ныне — здание Государственной Думы РФ), жилой дом на 1-й Мещанской улице (арх. И. Соболев, 1938), Дом ВЦСПС (арх. А. Власов 1937). Государственная Библиотека им. В. И. Ленина СССР (арх. А. Щуко, В. Гельфрейх, 1938), совершенно экспрессионистский проект Государственного Академического Кинотеатра СССР (арх. Д. Чечулин, К. Орлов, 1936, на площади Свердлова, не осуществлен, все — в Москве), и другие сооружения.

Главное сооружение эпохи — неосуществленный проект Дворца Советов — представлялось в 1940 г. следующим образом: «Вся многовековая культура человечества, его искусства войдет в стены народного здания. От золотистых фаянсовых плиток мавританской Испании до архитектурного американского стекла. От майоликовых украшений Флоренции до монельметалла. От изразцовой мозаики Византии до современной пластмассовой промышленности. Старинное искусство гобелена, резьбы по черному дубу, возрожденная фреска, светотехнические достижения фотолюминесценции, народное мастерство Палеха — нельзя перечислить богатств художественного украшения. Незаметно — среди порфира и мрамора, хрусталия и яшмы — будут действовать высокая техника и комфорт XX века»². Как видно, планировалось даже использовать иностранные «буржуазные» изобретения и открытия в химии, электротехнике (американские, французские и др.).

Таким образом, по мнению автора, советская архитектура (как и культура в целом) в обсуждаемый период активно и довольно последовательно отражала социальные и политические процессы, происходившие в это время в нашей стране (что оставалось характерным и после войны, в 40—50-е гг.). В 20-е годы и, что видится довольно неожиданным, в 30-х годах она широко использовала в своем развитии прошлое мировое архитектурное наследие и современные ей достижения зарубежного градостроительства (например, США и Франции).

Примечания

¹ Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 123.

² Дворец Советов. М. 1940. С. 19—20.

Leo Van Rossum

THE GULAG PERIODICAL PRESS DURING THE EARLY THIRTIES: SOME OBSERVATIONS

1. The aim of this paper is a) to evaluate the modest research published so far about the Gulag periodical press; b) to put forward some considerations pertaining to the relevance of said press as historical source. The present author had access only to a selection of the Gulag press, i. e. the papers preserved at GARF, which mostly date from the period 1932—1937¹. Therefore, subsequent remarks are at best provisional.

2. The idea that re-education of prisoners would be stimulated by issuing a internal prison journal with editorial participation of the inmates was probably first put into practice in the 1860s in Switzerland. Towards the end of the 19th century prison journals circulated in nearly all European countries, including Russia. In Russia a different type of prison press existed as well: the illegal press produced by political (revolutionary) prisoners and directed against the (prison) authorities. During the 1920s the «legal» prison journal was a familiar phenomenon in penitentiary institutions in Soviet Russia. Editorial participation of prisoners was not only accepted but actively stimulated and the range of subjects treated was wide. The journals circulated outside the prisons as well; paid subscriptions and commercial advertisements were gladly accepted.²

3. Organization and circulation of the Gulag periodical press was diametrically opposed to that of the prison journals of the 1920s. Despite the relatively long period of existence (roughly 1930—1955) and notwithstanding the policy of having published different bulletins for each camp, all periodicals produced had many common features:

- Permanent and concentrated, though not always efficient exhortation of the inmates to increase their labour productivity. Justification of this exploitation by pointing to their need to be re-educated through meaningful, inspiring labour, by preference at large scale construction projects. Re-education (*perekovka*) through the vehicle of the highest form of labour organization: socialist competition and shock movement.
- Propagating the re-educational message in newspapers, better bulletins published by the various *cultural-educational sections* of the camp administration. Printing of said papers in occasionally wellfurnished printing shops in the camps, with a frequency of 3—7 days and in a size of 2—4 A3 pages.
- Publication of the bulletins in great diversity and pressrun: some camps (Bamlag, Dmitlag) published apart from the central bulletins (pressrun up to 25.000) some 10—12 separate bulletins for the *raiony*, *otdelenii* and even *lagpunkty* within the same camp with contents referring to the local scene (pressrun 200—1000); smaller units were sometimes served with wall-papers. The cultural sections produced also periodicals for special groups like women (e. g. *Kanaloarmeika*), for illiterates (e. g. *Stanem gramotnymi*). The camp guards had their own organs (e. g. *Na strazhe Bama*). (Cultural monthlies, collections of short stories or poetry written by prisoners, albums with songs composed equally by prisoners, mainly published by the cultural sections of Belbaltlag, Dmitlag and Bamlag are not discussed here as the propagandistic impact of these most interesting (and curious) editions differs from the day to day impact of the bulletins.)

- quasi spontaneous, in fact guided and concerted «participation» of inmates (*lagkory*), usually in the form of critical notes on (minor points) concerning the organization of the work, food, bania etc.
- No circulation whatsoever of the press outside the camp.

However, one would be wrong to postulate that above summarized common features did not allow for variables in time and geography. Particularly the press published during the early thirties offered some accommodation for authentic expression and relevant information.

4. While our knowledge of the Gulag system of forced labour has, generally speaking, increased enormously during the last ten years, research about the «lagernaia pressa», has been lagging behind. The main reason for this seems to be the difficult access to the sources. Because of the *grif* «ne podlezhit rasprostraneniu za predelami lageria» the Gulag press was in most cases not incorporated in any public library or archive in the USSR. But also after the seal on spetskhranenie was broken at the end of the 1980s, access to the Gulag press remained problematic. None of the four major collections of Gulag press in Russia covers the entire period of existence of the press nor does any have full coverage for a more limited period of time. In fact, most periodicals preserved have incomplete holdings. The state of cataloguing is not always according to the solid Russian bibliographic tradition. Finally the physical condition of the press preserved does not always allow free consultation of the papers in the reading room.

5. Under these circumstances it is hardly astonishing that research into the Gulag periodical press is still in *statu nascendi*. There are references to the Gulag press in samizdat works. The best example is, of course, Solzhenitsyn's *Arkhipelag GULAG*, but it is clear that he was able to use the bulletins only incidentally. Professional Russian historians published descriptions of the press of separate camp complexes, especially the Bamlag.⁵ In 1996 Alla Gorcheva published a first attempt to survey the phenomenon of the Gulag press as a whole.⁶

Not all Russian historians considered the Gulag press to be a relevant historical source. Thus the editors of the very interesting source publication *Gulag v Karelii* (1992) did not include documents from the *Perekovka, organ KVO Upravleniya BBK* or any other title.⁷

6. Western historians hardly refer to the Gulag press. S. Swianiewicz who has himself been zek during 1939–40, did not notice the existence of the Gulag press at all.⁸ Recent western publications do not refer to the bulletins.⁹ The only exception is Ralf Stettner's attempt at a synthesis published in 1996. However it is clear from his references that he never was able to study the Gulag press *de visu*.¹⁰

7. The Gulag periodical press has been manipulated from the beginning by the cultural-educational sections that acted as its editor. This does not imply, however, that all contributions are consequently unreliable or false.

Perhaps it is possible to differentiate between propagandistic and reliable reports just by applying the traditional professional procedures, that is: external and internal source criticism. Such an approach is the more appropriate, as the Gulag press offers ample opportunity to use it in combination with the comparative method. One can compare the various bulletins issued in the camps all over the Gulag Archipelago, but one can compare also the bulletins produced per *otdelenie* inside the camps (Belbaltlag, Dmitlag or Bamlag). (Of course, one should take into consideration all other sources pertaining to Gulag as well). When different bulletins complain almost simultaneously about the lack of implementation of *khosraschet* at brigade level, and publish concrete figures as illustration, one can be reasonably sure that these data are not manipulated and refer to existing realities.¹¹

8. It seems justified to advance the thesis that almost every issue of the Gulag periodical press — at least the press published during the years 1932–1936 — does contain materials that are relevant for the historian, provided he applies thorough source criticism.

The range of attainable information is broad indeed; the subsequent suggestions are just a arbitrary selection.

- The bulletins present an overkill of statistical data of plan targets, norms and fulfillment by *lager*, *otdelenia*, *lagpunkt*, *brigada*, sometimes even by individual inmate, and calculated for a time period of 5 year, 1 year, a quarter, a month, a decade, a *piatidnevka*, in some cases even one day. Precisely this abundant presence of figures with purported feedback, follow-up and crosswise connexions can bring identification of series of workable figures into reach. Moreover statistical surveys were sometimes accompanied by thorough and illuminating analyses.¹²
- The bulletins present many articles about the organizational structure of the camp in all its branches and smaller units up to the brigade (15–35 persons). Thus the rendering of the complex built-up of staffs (*shtaby*) for socialist competition and shock workers movement is very detailed and quite a eyeopener.¹³ At the other hand much propagandistic reporting does contain between times usable information on microlevel that would not had been passed on so easily in official *doklady* intended for higher levels of command within Gulag.
- The bulletins provide welcome information about almost every concrete aspect of what was going on in Gulag. Accordingly *Stroitel Bama* reproduces many materials about the built-up of its sovkhozes in 1932/33 and publishes somewhat green advices about at what distance to plant potato seedlings, how to generate fertilizers for groceries etc.
- *Perekovka, organ na upravlenie Belbaltkombinata* publishes between 5 May and 10 June 1936 a series of tables on the floating downstream along 11 rivers of timber cut during winter by a host of inmates. The tables reproduce at 8 distinct time-intervals the amount of timber cut, the amount floating down and the amount that had reached its destination.
- Likewise, *Kuznitsa, organ KVO Lagerei UzSSR* presents during September–October 1936 tables about the progress of the cotton harvest. *Perekovka, organ na upravlenie Belbaltkombinata* reproduces January 1936 the results of an enquiry among users of librairies in the camp indication of preference of category of book and author (1936–2).
- In short, I conclude that the Gulag periodical press of the early thirties contain more historical relevant data than some historians presume.

Примечания

¹ ГАРФ and the IIISG will bring out a microfiche edition of the collection through IDC, Leyden, Holland. There are three other major collection of the Gulag press in Russia: The Russian State Library (RGB), the Public Historical Library (GPIB) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI).

² Based on M. N. Gernet, *V tium' me. Ocherki tiuremnnoi psichologii*. Moskva, 1925, p. 98–117.

³ S. A. Paipadze, «Izdaniia Bamлага ОГПУ — НКВД», in: *Vtorye Makushinskie Chteniia*. Tomsk, 1991, p. 192–95; O. P. Elagina, «Periodicheskaiia pechat' Bamлага», in: *Otechestvennaia istoriia*, 1993–4, p. 167–75.

⁴ A. Iu. Gorcheva, *Pressa Gulaga (1918–1955)*. Moskva, 1996. Already in 1989 N. Stogov had published a survey: «Tiuremnaia pechat' 1921–1935» in: *Pamiat'. Istoricheskii sbornik*, Moskva,

Parizh, Vol I. 527—84. Stogov's work concentrates however on the twenties and the prison journals then published.

⁵ Had the editors consulted the Gulag periodical press, they could have been more explicit on the pyramids of staffs for socialist competition and shockworkers movement: *Gulag v Karelii. Sbornik dokumentov 1930—1941*. Petrozavodsk, 1992, p. 56—58.

⁶ S. Swianiewicz, *Forced Labour and Economic Development*. London, 1996, p. 1—28.

⁷ Ozerlag, 1937—1964. *Le système du Goulag: trace perdue, mémoires réveillées d'un camp staliniens*. Dirigé par Alain Brossat. Paris, 1991; Edwin Bacon, *The Gulag at War. Stalin's Forced labour System in the light of the archives*. Hounds Mills; Basingstoke, 1994.

⁸ Ralf Stettner, «Archipel GULAG: Stalins Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. 1928—1956». Paderborn, 1996, p. 215, 255.

⁹ Perekovka na stroitel'stve kanala Volga-Moskva. Piatidnevnaia gazeta KVO Dmitlag, January-June 1933, here No 22. Stroitel' Bama. Organ KVO upravleniia Bamlaga, same months.

¹⁰ E. g. S. Klenatskii, «Rabota BAM v pervom kvartale», in: *Stroitel' Bama, organ KVO Upr. Bamlaga*, 1933, No 7.

¹¹ The most elaborate description of this pyramid in: Perekovka na stroitel'stve kanala Volga-Moskva, 1933, No 22.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ)

Историческая судьба России складывается из истории людей. Они жили (и живут) в разные эпохи, принадлежали (и принадлежат) к разным слоям, группам, коллективам. В советское время основным был классовый или точнее, социально — классовый подход к изучению истории. Главным принципом периодизации признавали формационный. И он сыграл свою положительную роль, хотя не оказался ни вполне адекватным, ни исчерпывающим¹. Теперь более емким справедливо и у нас считают цивилизационный принцип, согласно которому в центре изучения истории находится человек, общность в неповторимом окружении, в многослойном потоке социальных процессов, происходивших в данный период в данной стране.

Такой поворот подспудно готовился давно, причем — усилиями не только отдельных новаторов из области этнографии, демографии, социологии и философии. В какой-то степени, может быть, влияла та часть официальной коммунистической риторики, которая призывала к трактовке зрелого социализма в СССР как высшего достижения цивилизации, к тому, чтобы человек был поставлен в центре всех аспектов социальной политики КПСС...

С тех пор прошло всего десять лет. Россия попыталась пробежать за это время «путь, равный столетиям». Не вышло. Президентское послание законодателям от 30-го марта 1999 года предлагает — в очередной раз — надеяться на исправление курса и рывок в начале следующего века². Однако многим обществоведам и даже политикам ясно, что счет пойдет не на годы, а на поколения. Переходный период завершится тогда, когда во взрослую жизнь вступят люди, воспитанные тем поколением, каковое родилось не раньше середины 80-х годов...

Понятие «поколение» — не новое в нашем научном и обыденном языке. Оно употреблялось ежеминутно, когда надо было подчеркнуть преемственность коммунистических идеалов, революционных (!), боевых и трудовых традиций советского народа. О поколениях, совершивших революцию, строивших Магнитку, защищавших страну от нацистской чумы, возрождавших народное хозяйство и осваивавших целину, конечно, писали. Ю. Жуков так и назвал книгу очерков «Люди 30-х годов». Но потом вышла некоторая заминка, — среди «шестидесятников» оказалась сплошь творческая интеллигенция, отчасти притесняемая властью при одобрении представителей массы внутри страны, отчасти высылаемая туда, где свободно печатались, исполнялись и выставлялись ее творения. О «семидесятниках» же и «восьмидесятниках» никто и слыхом не слыхал, как будто история поколений прекратила движение свое. Застой.

Между тем история, социология, демография и пограничные дисциплины уродливо, односторонне, но — развивались и упирались все чаще в проблемы, неразрешимые без учета особенностей социально-демографических групп. Партийные документы 80-х годов призывали изучать и отражать в социальном законодательстве интересы женщин, молодежи, пенсионеров³. Но о возрастных «когортах», как называют демографы группы людей, близких по возрасту, речи не было. Раскрепощение обществоведения снесло и этот барьер. Ученые и публицисты открыто сказали: «С очередной сменой поколений в

первой половине 1980-х годов... рухнули ее (структуры советского общества — Ч. С.) антропологические устои: единомыслие и ортодоксальность в верхнем, элитном слое...; принудительная лояльность в слое интеллигенции; массовая покорность в народе⁴. Чем же отличаются друг от друга поколения в широком научно-политическом понимании?

Биологическую сторону характеристики поколения определяет возраст, социальную — характер социальной деятельности⁵. Не нам и не здесь разрешать вопрос о соотношении двух этих сторон в человеке. Достаточно признать, что есть сферы и ситуации, в которых главенствует «биология». Есть и иные, и принято считать, что их — большинство. В жизни они неразрывны. Вот два поколения работниц, 20-ти и 40-ка лет. У более опытных, старших, выше выработка и зарплата. А доход на одного члена семьи ниже, потому что есть дети. Здесь все связано с возрастом. И все просто.

Гораздо сложнее определение поколения как культурной, духовной общности. Ибо внутри него пролегают подчас непроницаемые границы между слоями, различающимися по происхождению, воспитанию, образованию, характеру труда, по всему образу жизни и миросозерцанию, как говорили во времена Георгия Валентиновича Плеханова. Его младший современник, Х. Ортега-и-Гасет, писал о наделенности каждого поколения органической совокупностью склонностей, особым мироощущением и — призванием. Не реализовавших последнее он называл поколениями-дезертирами, которые ташатся по жизни в вечном разладе с собой и терпят крушение⁶.

Есть ли таковые среди народа России к концу XX века? Положительный ответ напрашивается: конечно же, это «уроженцы» 40-х годов, чей пик возможностей пришелся на середину 70-х — середину 90-х годов, когда наш бронепоезд забуксовал, расцепился, и отдельные вагоны и площадки его тихо катаются взад-вперед, ибо путь позади разобран, а впереди еще не построен... Я не хочу, но и не боюсь никого обидеть, так как сам принадлежу к этому поколению с особой судьбой. Чтобы оценить научно сделанное им, нужна система приемов, методов исследования.

Генетический метод предполагает изучение обстоятельств и участников появления данного поколения, а попросту говоря, — какими были его родители и родина в 40-е годы. Далее, — как оно росло, в каких условиях воспитывалось дома, в школе, в городском дворе, на сельской улице. Как получало профессию... и т. д. — вплоть до сего дня, когда часть поколения уже на том свете, другая — на пенсии, но большая — еще в силе и при деле. Все это — задача чисто историческая, и решать ее — историку подобающими методами в той части, где речь идет о наложении этапов жизни поколения на периоды истории СССР. (Или наоборот). Сложность в другом. Надо ведь будет говорить о социальном самочувствии людей изучаемой общности в разные периоды, а каким оно было, — можно с уверенностью судить только по источникам личного происхождения. С поправками на цензуру и самоконтроль — по письмам в прессу, жалобам, ответам на опроса социологов... Но в первом приближении задача разрешима.

Структурный метод (или подход) проще тем, что есть материалы 4-х Всесоюзных переписей населения. Место поколения в демографических процессах определимо, как и изменения в его половой, расселенческой, этнической структуре и т. п. Участие поколения, точнее его слоев, в социально-классовых изменениях состава населения страны помогут восстановить, наряду с народнохозяйственной статистикой, труды экономистов и социологов, пусть на отраслевом и локальном уровне. В результате, надо показать отличия социальной структуры поколения от структуры всего населения и других поколений.

И, наконец — функциональный подход. Здесь объект исследования — деятельность, с ее мотивами, от простого обеспечения выживания до погони за длинным рублем и даже — до благородного служения народу в законодательном органе. Видимо, здесь ждут наибольшие трудности. Если трудовую активность и вклад в экономику рабочего, честного предпринимателя еще можно как-то попытаться оценить, то офицера, адвоката, священника, артиста — как? Не говоря уже о преступниках...

Как правило, перестают задавать себе вопрос о смысле жизни, когда появляется семья, дети. В конечном счете, это главный итог жизни каждого поколения. Социологи о взаимоотношениях поколений, в семье и вне ее, писали немало⁷. Так что этот сюжет конкретным материалом обеспечен.

Повторяю, самым сложным будет всесторонне и беспристрастно описать вклад поколения в политическое и духовное развитие, или точнее — изменение общества.

Таким видится нам один из возможных подходов историка к биографии поколения, чья жизнь продолжается, но предварительные итоги уже очевидны.

Примечания

¹ Барг М. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. № 3. С. 27—35.

² Российская газета. 1999. 31 марта.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 51—52, 154.

⁴ Золотоносов М. Священные устои старомыслия // Невское время. 1993. 17 сент.

⁵ Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973

⁶ Ортега-и-Гасет Х. Что такое философия. М., 1991. С. 5.

⁷ Здравомыслова О., Кутукова Н. Диалог поколений. М., 1990; Жизненные пути одного поколения. М., 1992 и др.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

- Абрамов Михаил Александрович — кандидат философских наук Института философии РАН, Москва.
- Балабанов Анжелло Леонидович — капитан первого ранга в отставке, Москва.
- Белоус Владимир Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии, политологии Лесотехнической академии, Санкт-Петербург.
- Бережанский Александр Самуилович — заведующий Домом-музеем Г. В. Плеханова, Липецк.
- Дунаева Юлия Вячеславовна — аспирант ИНИОН, Москва.
- Енин Геннадий Павлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей РНБ, Санкт-Петербург.
- Казарова Нина Акоповна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ростовского государственного педагогического университета, Ростов-на-Дону.
- Калашников Владимир Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры, государства и права СПб государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург.
- Кальянов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук СПб. государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург.
- Кацавцева Ольга Сергеевна — аспирант Орловского областного института усовершенствования учителей, Орел.
- Конашев Михаил Борисович — научный сотрудник СПб отделения института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург.
- Косолапов Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом международных политических проблем Института мировой экономики, и международных отношений (ИМЭМО) РАН, и. о. профессора кафедры политологии Московского государственного университета, Москва.
- Лебедев Глеб Сергеевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета СПб университета, Санкт-Петербург.
- Любин Валерий Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.
- Пантин Игорь Константинович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии политики Института философии РАН.
- Петренко Елена Леонидовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории Академии государственной службы при президенте РФ, Москва.
- Приймак Нинель Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России СПб университета, Санкт-Петербург.
- Сымонович Чеслав Эрастович — докторант Республиканского Гуманитарного института при Государственном университете, Санкт-Петербург.
- Цапиева Ольга Константиновна — доктор экономических наук Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала.
- Чернобаев Анатолий Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского государственного энергетического университета, главный редактор журнала «Исторический архив», Москва.
- Шашков Николай Иванович — доктор философских наук, профессор СПб государственного университета, Санкт-Петербург.
- Kloosterman Jaap — директор Международного института социальной истории, Амстердам, Нидерланды.
- Opeide Gunnar — доцент Гуманитарного факультета Университета Тромсе, Норвегия.
- Sakamoto Hiroshi — доцент Университета международных исследований Тояма, Япония.
- Slatter John — доктор философии, профессор Русского отделения Школы современных европейских языков Университета Дэрэзма, Великобритания.
- Van Rossum Leo — куратор секции России и Восточной Европы Международного института социальной истории, Амстердам, Нидерланды.
- Weisskirchen Gert — депутат бундестага ФРГ, Бонн.

99-2334/5